44к.

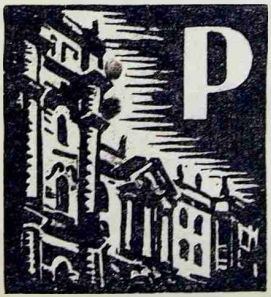
ТАШКЕНТ ТАШКЕНТЦЫ и РОССИЯ

Ю. СОКОЛОВ

Ташкент ташкентцы и Россия

Ю. А. СОКОЛОВ

Ташкент, ташкентцы и Россия



ИЗДАТЕЛЬСТВО „УЗБЕКИСТАН"
ТАШКЕНТ—1965

9(C)13
С59

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор

М. Г. ВАХАБОВ

Соколов Ю. А.
Ташкент, ташкентцы в России. (Отв. ред. М. Г. Вахабов). Т., «Узбекистан», 1965.
190 стр. Тираж 10 000.

9(C)18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАСЛУГИ СУДЯТСЯ НЕ ПО ТОМУ, ЧЕГО *НЕ ДАЛИ* ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ СРАВНИТЕЛЬНО С СОВРЕМЕННЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ, А ПО ТОМУ, ЧТО ОНИ *ДАЛИ НОВОГО* СРАВНИТЕЛЬНО СО СВОИМИ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ.

В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 178.

I. КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СВЯЗЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ С РОССИЕЙ

Два этапа развития торговых отношений Средней Азии с Россией. Причины утраты приоритета в них Средней Азии. Протекционистская политика России по отношению к Средней Азии. Значение связей с Россией для народов Средней Азии и России.

Международные хозяйственные и политические отношения проявлялись уже в глубокой древности. Они присущи всякому развитому обществу, достигшему соответственно высокого уровня хозяйственного, общественного и политического развития.

Среднеазиатские народы не представляли в этом отношении исключения. Их торговые меновые отношения с сопредельными народами и кочевьями возникли еще в период родового строя. Однако общественно-важное значение и широкий объем они приобрели только с развитием классового рабовладельческого общества и особенно с конца I тысячелетия до н. э. В это время среднеазиатские районы стали играть важную роль в развитии сухопутного транзита товаров международной торговли из стран Востока на Запад. Через среднеазиатскую территорию прошел древнейший прямой торговый караванный путь из Восточной Азии и Индии к Средиземному морю, а несколько столетий спустя Средняя Азия оказалась уже в центре мировых торговых путей сообщения. Через ее территорию пролегли важнейшие караванные дороги, соединявшие Восток и Запад, Юг и Север.

Это имело огромное значение для роста среднеазиатских городов, оказавшихся на путях международной торговли. Они были вовлечены в международный торговый обмен и быстро вырастали в экономически развитые торгово-ремесленные центры, а энергично формировавшееся городское купечество вскоре овладело международным тран-

зитом по территории Средней Азии, а отчасти, и за ее пределами.

Все это благоприятствовало развитию связей среднеазиатских городов с зарубежными странами Востока и Запада и, в частности, со странами Восточной Европы, связи с которыми в зарубежных отношениях Средней Азии издревле заняли особое место. Они представляли собою отношения между двумя мирами оседлости, соединенными друг с другом единым евразийским кочевьем, которое они замыкали с двух сторон — с юго-востока (среднеазиатский согдийско-бактрийский мир оседлой культуры) и с северо-запада (восточно-европейский мир славянской оседлости — Придонье, Поднепровье, верхнее Поволжье и т. д.).

С развитием городской жизни и государственности в России отношения Средней Азии с Восточной Европой расширялись, крепли и становились обоюдными. Они особенно усилились в XI—XII вв. в период, когда вся Средняя Азия, восточный Иран, Закавказье и обширные территории к северу от Гиндукуша вошли в состав огромной среднеазиатской феодальной империи Хорезмшахов. Энергично стремясь к дальнейшему расширению, это государство настойчиво продвигалось в сторону Восточной Европы. Оно колонизировало Поволжье и оказалось в непосредственной близости к восточным рубежам русских княжеств.

Столичный центр хорезмийской державы — город Ургенч стал подлинными воротами Востока в Восточную Европу. Через него тогда пошел почти весь поток товаров международной торговли из Средней Азии, Индии, Китая, частично Ирана в Киевскую Русь и в Новгородские земли. Через них товары Востока попадали на рынки Прибалтики и Центральной Европы. Через Ургенч на рынки Востока шли товары из Европы[1].

[1] На восточно-европейском рынке Хорезм выступает поставщиком продукции развитого среднеазиатского, в частности, хорезмийского, ремесленного производства — ткацкого (ткани хлопчатобумажные и шелковые), металлообрабатывающего и др., а также транзитной международной торговли из Индии и Китая. В Россию шли яркие шелковые ткани, ювелирные изделия, благородные металлы, драгоценные камни, дорогое оружие, пряности, мускатный орех, продукты садоводства и т. д. В Восточной Европе хорезмийские купцы приобретали продукты бортничества (мед, воск), охотничьего, лесного и зверобойного (моржовый клык) промыслов, а также лен и льняные ткани. Важное значение в торговле Восточной Европы имели изделия русского металлургического производства, особенно оружейного. По свидетельству выдающегося хорезмийского ученого-энциклопедиста Ал Бируни (XI в.) оружейная сталь и кольчуги русского производства были самого лучшего качества.

Основной торговой магистралью Хорезма был водный Волжский путь, на котором находились важнейшие торговые центры того времени — города Итиль (Астрахань) и Казань. Волга как важнейший водный торговый путь была известна в то время на всем мусульманском востоке. «По ней,— писал Якут ибн Абдуллах, арабский путешественник и писатель XII века,—«проезжают купцы до Вису», т. е. до земель славянского племени Весь, обитавшего по водоразделу между волжскими притоками и притоками Ладожского и Онежского озер «... и привозят (оттуда) во множестве шкур бобров и соболей и белок». Торговый путь находился полностью в руках купечества Хорезма.

В начале XIII в. государство Хорезмшахов пало, его уничтожили орды Чингиз-хана (в 1220—1221 гг.), которые разрушили крупнейшие города и хозяйственные центры страны. В развалинах остался и Ургенч. Значительная часть населения среднеазиатских городов была вырезана, оставшиеся в живых оказались в жесточайшем угнетении. Тяготы чингизхановского вторжения усугублялись безудержным произволом охранных отрядов завоевателей, не гнушавшихся систематическим ограблением населения подвластных им районов.

Разгром Хорезмийского государства чрезвычайно ослабил торговые связи Восточной Европы со Средней Азией. А захват и разорение внуком Чингиз-хана Батыем целого ряда русских княжеств (в 1236—1243 гг.) и организация джучидского государства — Золотой Орды, государства враждебного и Руси и Чаготаеву улусу (чингизидскому государству в Средней Азии), окончательно нарушили традиционные связи Средней Азии с Восточной Европой. Экономическое разорение и политическое угнетение — непосредственные последствия завоевания, свели на нет активность обеих сторон и, несмотря на поощрительные меры золотоордынских ханов, стремившихся оживить транзитную международную торговлю, в интересах обогащения своей казны, торговля оставалась незначительной.

Некоторое возрождение хозяйственных отношений Средней Азии с Восточной Европой произошло лишь в последней трети XIV в. Этому содействовало начавшееся

оживление экономической жизни обоих районов, явившееся результатом постепенного преодоления экономических последствий захвата их завоевателями Чингиз-хана.

В Средней Азии такое оживление было стимулировано возникновением твердой центральной государственной власти и притоком огромных средств в страну в эпоху Тимура. При жизни Тимура среднеазиатский Мавераннахр (долины Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи) получил основное условие для возрождения хозяйственной активности городов — мирное существование. Развитие ремесла и торговли, рост активности экономически более сильных верхов городского посада, градостроительство (памятники архитектуры Самарканда, Шахрисябза, Бухары этой эпохи являются лучшими образцами средневекового зодчества Средней Азии), восстановление внешнеторговых связей (Тимур и сам активно включался в международную торговлю, организуя торговые караваны, которые направлялись на Русь) и неизменно сохранявшаяся тяжесть условий жизни трудовых масс оседлого населения — характерные черты внутренней жизни Средней Азии этого времени.

Возрождение экономической жизни на Руси явилось непосредственным результатом героических усилий всего русского народа, который сплоченными силами восстанавливал хозяйство и экономику страны, создавая этим реальные предпосылки к решительной борьбе за освобождение от иноземной зависимости. Объединив свои силы, сцементированные воедино Московским княжеством, русский народ нанес в 1380 г. решительный удар по Золотой Орде, разгромив золотоордынскую рать на Куликовом поле. В наступивший вслед за этим период ослабления орды, умело используя с помощью московских князей феодальные распри в среде завоевателей, русский народ сбросил в 1480 г. золотоордынское господство, освободился от иноземного владычества и уверенно пошел по пути экономического и политического укрепления русского независимого Московского государства.

Между тем возрождение активности экономической жизни Средней Азии было явлением временным и скоропрошедшим. После смерти Тимура (начало 1405 г.) на всей территории его владений началась жестокая борьба за наследство Тимура. Почти на столетие Средняя Азия была увлечена тимуридами в пучину тяжелой и изнурительной для народа феодальной распри, которая создавала благоприятную обстановку для активизации сил наиболее реакционных групп светских и духовных феодалов, так как в их среде искали себе поддержку большинство тимуридов.

Убийство Халил-Султана, внука Тимура, который с согласия горожан овладел столицей империи городом Самаркандом (в 1405 г.) и пытавшегося править, соблюдая интересы посадского населения, а также убийство Улугбека (1449 г.), внука Тимура, единственного ученого-мыслителя на тимуридском троне, активного поборника научного прогресса и светского образования, действовавшего в этом отношении объективно в интересах широкого круга передовых, экономически активных слоев местного общества, являлись актами огромного политического смысла. Они предвещали наступающее господство в стране мрачных сил феодально-клерикальной реакции. И оно действительно наступило после разгрома и уничтожения последних поборников движения к прогрессу — феодальной группировки Абдуллы-хана, группировки, стремившейся к реставрации в стране времен Улугбека.

Приход к власти ставленника реакции Абу-Саида (1451 г.) открыл новый период войн — феодальных войн за расширение власти реакционеров в стране; Абу-Саид сумел подчинить себе и своему окружению большинство земель на Среднем Востоке; силы реакции добились безраздельного господства, и как следствие удачных результатов объединенных действий феодальной власти, среди верхов феодального сословия начал развиваться феодальный сепаратизм. После смерти Абу-Саида сепаратизм феодалов еще более усилился. Страна постепенно раздробилась на множество мелких недружественных друг другу тимуридских владений. Занятые междоусобной борьбой, тимуриды не заботились об экономическом возрождении страны, игнорировали интересы производительных слоев горожан и поселян, истощали поборами подвластное им население.

Потеря государственной целостности, неблагоприятные условия для развития хозяйственной деятельности, отсталость форм государственной жизни, утверждение безраздельного господства реакционной идеологии, решительно запрещавшей развитие светских знаний и науки и полностью регламентировавшей правила поведения и быт населения, обнищание и тяжелое бесправное положение народных масс, то есть общий упадок государственной,

хозяйственной и культурной жизни среднеазиатского населения — таков печальный результат победы феодально-клерикальной реакции. По отрицательному влиянию ее на жизнь среднеазиатского общества XV в. она сопоставима с нашествием Чингиз-хана.

Мало изменилась обстановка в стране и в первой половине XVI в. Более 12 лет тянулись ожесточенные войны тимуридов с внедрявшимися (с 1500 г.) в Среднюю Азию дешт-и-кипчакскими[1] племенами. Возглавлявшая их феодально-племенная знать захватила власть, изгнав тимуридов из Средней Азии, и основала свое государство во главе с династией Шейбанидов. Однако успокоение в стране не наступило. Трижды пришлось отражать нашествие войск Сефевидского Ирана, пытавшихся проникнуть в Среднюю Азию, продолжались многочисленные межплеменные столкновения, сопровождавшие формирование узбекского государства Шейбанидов — Бухарского ханства.

Таким образом за трехсотпятидесятилетний период истории народов Средней Азии от завоевания Средней Азии Чингиз-ханом и до возникновения на территории бывших тимуридских владений более или менее централизованного Бухарского ханства население городов и селений переживало тяготы почти непрерывных войн и феодальных усобиц и трудилось в сложных условиях военного времени. Это мешало восстановлению и развитию экономического потенциала страны. XIII—XVI вв.— самый трудный для

[1] Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) — термин, применявшийся в Средней Азии XVI в. для наименования степных пространств, простиравшихся к северу от р. Сыр-Дарьи. Населенные различными племенами кочевников тюркоязычных по языку, они пополнились в XIII веке контингентом оставшихся в них пришлых монголоязычных племен, которые расселились главным образом в восточной половине степи. В XV в. в западных районах Дешт-и-Кипчака, на пространстве от Тары (Сибирь) до р. Сыр-Дарьи, сложилось обширное государство кочевников, имевшее характер межплеменного союза, возглавленного единым ханом, объединившее многочисленные узбекские, кипчакские и прочие кочевые племена западной части Дешт-и-Кипчака. По уровню общественно-социального развития эти племена находились на стадии формирования феодализма. Связанное с этим процессом обнищание и потеря хозяйственной самостоятельности рядовых общинников толкали наиболее активные их слои к переходу на земледельческий труд, что позволило военно-феодальным верхам некоторых племен увлечь широкие массы общинников на войну в Среднюю Азию, где военно-феодальные верхи кочевников утвердили свою власть, а некоторая часть общинников смогла организовать свое крестьянское хозяйство.

народов Средней Азии исторический период, затормозивший поступательное движение среднеазиатского общества по пути прогресса. Резко сократились и связи с зарубежными странами, среднеазиатские города утратили былую инициативу в развитии и расширении международной торговли. Между тем географические открытия конца XV—начала XVI столетий проложили европейцам морские пути в Индию, юго-восточную и восточную Азию и переместили главные дороги мировой торговли с суши на океаны. Это был новый тяжелый удар по городам Средней Азии. Перемещение торговых путей на океаны лишило Среднюю Азию даже потенциальных возможностей возрождения той выдающейся роли в международной торговле, которую имели среднеазиатские города на ранних стадиях их развития.

Для Средней Азии остались возможными лишь связи с сопредельными странами—торговля с Индией, Восточным Туркестаном, Ираном и с Восточной Европой. Но эти связи из-за хозяйственной слабости городов носили очень пассивный характер. Со странами Востока они превратились в односторонние: в Среднюю Азию лишь ввозились зарубежные товары, а с Восточной Европой, в частности с Московским государством, связи хотя и не утратили обоюдности отношений, но очень сократились. За период XIV—XVI вв. известно лишь несколько среднеазиатских караванов с товарами среднеазиатского и восточного происхождения, которые прибыли на торжища Московского государства. Объем среднеазиатской торговли зарубежными товарами Востока также значительно сократился — его сковывали узость внутреннего и почти полное отсутствие внешнего рынков. Потому среднеазиатская торговля уже не имела существенного значения для экономической жизни участвовавших в ней стран. Однако для Средней Азии она была нужна и в этом сокращенном объеме. Наличие торговли показывает, что даже в наиболее тяжелый период истории Средней Азии ее население не было изолировано от мирового рынка, не было замкнуто и отгорожено от внешнего мира, а значит, сохранило хотя и слабые, но реальные потенциальные силы к возрождению активной хозяйственной и внешней торговой деятельности, вслед за наступлением более благоприятных для этого условий внутренней жизни. Эти условия начали складываться в Средней Азии ко второй половине XVI столетия. Однако к этому времени

инициатива в развитии внешнеторговых отношений со Средней Азией уже перешла к Московскому государству. Активизация внешнеторговой деятельности русского государства была обусловлена глубокими изменениями, которые произошли в его внутренней жизни и внешней политической обстановке в XV—XVI вв.

В результате освобождения от иноземного ига на Руси начался быстрый подъем производительных сил общества — рост производительности земледельческого и ремесленного труда. В земледелии повсеместно осуществлялся переход на более прогрессивную, чем подсечная, трехпольную систему полеводства; росло количество пашенных земель; натуральные повинности крестьян все более переводились в денежную форму.

Ремесленники теряли свои связи с земледелием, полностью переходили к производству на рынок. Во второй половине XV в. появились «свободные» (от земледелия) ремесленники даже в таких видах производства, которые готовили товары широкого потребления. Развивалась порайонная специализация ремесла, возникали ремесленные центры металлургического, текстильного, кожевенного, мыловаренного, деревообделочного производства; они начинали снабжать своей продукцией всю страну и зарубежные рынки России. Энергично развивалась производственная специализация ремесла. В XVI столетии в российских городах уже было свыше 200 ремесленных специальностей. Русские города становились центрами ремесленного производства и торговой связи города с деревней; города быстро росли, усиливалось их экономическое значение в хозяйственной жизни страны.

Все это ярко отражает огромные успехи русского народа в ликвидации последствий золотоордынского завоевания. Шестнадцатый век в Московском государстве характеризовался энергичным развитием городов, отделением города от деревни, ростом социальной дифференциации городского и сельского населения страны, все развивающимся усилением общественной роли городского «посада» (выраставшего в конце XVI в. в большую силу русского государства), развитием экономической специализации районов и началом формирования крупных областных рынков, вступающих в связи друг с другом.

Развивавшееся товарное хозяйство Руси требовало расширения обмена продукцией производства в размерах, пре-

вышавших возможности слаборазвитого еще внутреннего рынка Московского государства. В условиях такого энергичного хозяйственного подъема и общественно-политического роста страны укрепление и расширение внешнеторговых связей являлось одной из первоочередных государственных задач. Между тем расширение русской внешней торговли встречало большие препятствия и даже противодействие. На западных границах государства начали серьезно мешать непосредственному выходу русских товаров в Западную Европу купцы и правящая знать стран Прибалтики и Литвы, объединенных с Польшей в результате Кревской (1386) и Городельской (1413) уний. Эти государства стремились к полной торговой монополии на Балтике для извлечения доходов от торговли российскими товарами в Европе.

Торговля Московского государства с Западной Европой через юго-западные границы страны почти прекратилась. Византия и генуэзские колонии в Крыму, бывшие важнейшими посредниками в русской внешней торговле со средиземноморскими государствами и Ближним Востоком, были уничтожены. Их владения были захвачены османскими турками (Константинополь — в 1453 г., Кафа-Феодосия — в 1475 г.), которые поставили российской торговле такой же заслон, как на Балтике. Преодолевая эти враждебные заслоны, Московское государство вступило в длительную дипломатическую и военную борьбу за свободные выходы к морям. Лишь в начале XVIII в. Россия добилась первого серьезного результата: Петр I «прорубил» окно в Европу через Балтийское море.

Расширение торговых связей со странами Востока не встречало противодействия, но было затруднено чрезвычайной сложностью путей к их экономически развитым центрам. Ближайшими являлись пути через Кавказ и Среднюю Азию (в Иран, Индию, Китай). Первую попытку активизировать торговлю с Востоком через Среднюю Азию Московское государство сделало еще в период правления Ивана III (1462—1505). Самаркандский историк Абд-ар-Раззак записал, что «в эти дни (1464) государь земли русской прислал послов к высочайшему двору с выражением любви и желания. Его величество (тимурид Абу-Саид) с большим вниманием отнеслись к делам их, оказали почет». Реальных результатов это посольство почти не дало. Успеху помешала неблагоприятная внутри-

политическая обстановка в тимуридском государстве. Но посольство не было и безрезультатным, так как, по свидетельству источников, русские купцы в XV столетии появлялись уже в Самарканде. Их поездки в Среднюю Азию были очень трудны и опасны: торговые караваны почти всегда подвергались нападениям грабителей, а защитой им было лишь личное мужество и стойкость вооруженных купцов и обслуживающей караваны прислуги.

Несмотря на опасности, поездки совершались, хотя и не были массовыми. В 1487 г. правительство Ивана III оказало купеческой торговле с Востоком более серьезную поддержку. Обеспечивая свои восточные границы от постоянных военных вторжений со стороны Казанского ханства, Московское государство поставило Казань в вассальную зависимость и вслед за этим обязало хана беспрепятственно пропускать русские торговые караваны по Волге. Это значительно облегчило поездки по волжскому пути, но окончательно вопроса не решило, тем более, что вскоре на границах русского государства произошли большие изменения, вызванные захватническими действиями Порты[1].

Захватив в 1475 г. Азов, османские турки подчинили ногайских татар и, используя силы своих новых подданных, начали непрерывные нападения на южные границы Руси. Вслед за этим Порта начала продвигаться по побережью Средиземного моря.

В период правления турецких султанов Селима I и Сулеймана I под власть Порты подпали Сирия (1510), Палестина (1517), Закавказье и Дагестан (1514—1518), Балканские страны (1525), Венгрия и часть Австрии (1526). Удачные походы усилили военное могущество Порты, значительно подняли ее международный авторитет, особенно в представлении феодальных верхов пограничных с Московским государством мусульманских стран Поволжья.

Поддавшись ложному представлению о непобедимости Порты, казанские феодалы воспользовались военными затруднениями русского государства на его южных границах, порвали свои отношения с Москвой и в 1524 г. признали над собой протекторат Порты. Они возобновили набеги на границы Московского государства и снова начали грабить русские торговые караваны на Волге.

[1] Порта — принятое в Европе название правительства Османской империи.

Перенос русской ярмарки (для восточных купцов) внутрь московской государственной границы в город Васильсурск, под охрану его крепости, было фактически капитуляцией Москвы перед трудностями, которые создала для нее новая политическая обстановка в Поволжье. Московское государство не имело тогда свободных сил, чтобы отстоять тут свои интересы.

Только после военных походов Ивана IV, во время которых были завоеваны Казань (1552) и Астрахань (1556), Московское государство смогло утвердить мир на своих восточных границах и защитить свои интересы в Поволжье. Весь волжский торговый путь оказался теперь в границах русского государства; Россия вышла на Каспийское море и к тем важнейшим экономически развитым районам Ближнего и Среднего Востока, с которыми Москва стремилась развивать торговые отношения.

Как отнеслись к этим событиям в Прикаспии народы Средней Азии, Бухарское ханство? На этот вопрос не дают ответа письменные публикации. Ответом Бухарского ханства и его подданных на приближение границ Московского государства к Средней Азии являлось направление в Астрахань уже в 1557 г. крупного торгового каравана и последующие приезды в город среднеазиатских купцов.

Иным оказалось отношение к этим событиям далекой Порты. Упорно добиваясь захвата Сефевидского Ирана и восстановления своего влияния на юго-востоке Восточной Европы, турецкий султан Селим II в 1558 г. направил к Астрахани многочисленную турецко-крымскую армию с задачами — овладеть Астраханью, изгнать русских с Нижней Волги, восстановить протекторат Крымского (вассального Порте) ханства над Астраханскими землями и вторгнуться через Каспий в центральные районы Ирана для завершения турецко-иранской войны в пользу Порты. Но турецко-крымская армия не смогла овладеть крепостью Астрахань, гарнизон которой героически оборонялся. А подход по Волге русских подкреплений и тяжелое положение турецкой экспедиционной армии, страдавшей от недостатков снабжения и эпидемических болезней, заставили турок снять осаду Астрахани и бесславно уйти обратно.

Отстояв свои позиции на Волге, молодое русское государство с первых же лет приняло действенные меры к охране безопасности торговых караванов на волжском пути. Вначале — путем учреждения на Волге стрелецких постов,

обязанных сопровождать купеческие караваны и охранять их от нападения грабителей[1]. Затем — сооружением на волжских берегах военных крепостей, основанием городов с подворьями для иноземных купцов[2] и открытием на Волге постоянно действующей международной торговой ярмарки[3]. Учитывая затруднения, которые испытывали русские купцы, отправлявшиеся в мусульманскую Среднюю Азию, русское государство предоставляло льготы для среднеазиатских купцов, приезжавших с товарами в Россию. Оно требовало от представителей государственной власти на местах внимательного отношения к среднеазиатским купцам, предписывало обеспечивать их необходимыми средствами передвижения, предоставлять удобства на остановках, для чего сооружало караван-сараи и гостиные заезжие дворы и т. д. С особым почетом принимались официальные торговые караваны, с которыми следовали посольства среднеазиатских государств. Некоторые из таких посольских караванов бывали чрезвычайно многолюдными — по 200 и 300 человек. Их принимали в XVI столетии только в Москве, а в XVII в. и в крупнейших торговых центрах того времени — в Самаре, Казани, Ярославле и Тобольске[4].

Протекционистская политика по отношению к среднеазиатской торговле продолжалась и после того, как Московское государство, прорвав блокаду своих западных границ, вышло на европейские моря и установило непосредственные хозяйственные и политические отношения с западноевропейскими государствами. Не мешало этой политике и продвижение русских границ в глубь Сибири, вплоть до Тихого океана (с XV по вторую половину XIX в.).

Для Московского государства Средняя Азия всегда оставалась желанным соседом, хозяйственные отношения с которым неизменно интересовали Россию не только потому, что среднеазиатские районы поставляли в обмен на русские товары нужные для роста экономики страны продукты, но и потому, что Средняя Азия имела связи со странами Востока (Индией, Китаем) и являлась в отношениях с ними испытанным торговым посредником.

Обоюдная заинтересованность в развитии хозяйственных отношений между Россией и Средней Азией создавала благоприятные условия к их расширению. Они не только неуклонно возрастали и укреплялись, но и благотворно воздействовали на экономику обеих сторон, оказывая наиболее сильное влияние на экономически и политически слабо развитую Среднюю Азию.

Товарооборот, существовавший между обеими сторонами, сравнительно мало сказывался на российской экономике, так как был для этого недостаточно велик, но на экономическую жизнь Средней Азии оказывал заметное воздействие. Он стимулировал оживление ремесленного и сельскохозяйственного производства, готовивших товары для российского рынка, и в известной мере, специализировал направление их развития. Вместе с тем участие Средней Азии в международной торговле продуктами собственного производства ослабляло замкнутость и локальность местного феодального хозяйства, постепенно вовлекало его в международные товарные связи. Хотя и медленное, движение местного производства по пути прогресса имело серьезное значение для развития экономической жизни среднеазиатских городов и деревни.

Расширение связи с Россией оказывало влияние не только на среднеазиатское производство, но и на среднеазиатское общество. В нем начинали возникать некоторые новые явления, которые, правда, не касались сферы производственных отношений. Их можно определить как начало критической переоценки некоторой частью местного общества традиционных представлений о государственной, общественной и культурной жизни.

Этому в значительной степени способствовало привлечение среднеазиатского населения к непосредственному осуществлению торговых отношений между Россией и Средней Азией. Представляя собою редкое исключение в практике общения экономически развитых стран с отсталыми в экономическом и политическом отношениях народами, эта политика России дала возможность целому слою городского населения Средней Азии ознакомиться с русской

[1] Главным постом являлся военно-стрелецкий пункт под Казанью в укреплении Кок-Шаджек.

[2] Астрахань (б. Аштархана) крепость — 1558 г.; Самара (Куйбышев)—1586 г.; Царицын (Волгоград)— 1589 г.; Саратов — 1590 г.; Черный Яр — 1627 г.; Симбирск (Ульяновск)— 1648 г.; Сызрань — 1683 г. и т. д.

[3] Васильсурская ярмарка была перенесена сначала в г. Макарьев, а позже (в 1817 г.) в г. Нижний Новгород (Горький).

[4] В XVI в. в Москве было принято 21 посольство, сопровождавшиеся крупными торговыми караванами, в XVII в. — 44, из них 27 были приняты в Москве.

жизнью, городами и селами, с административными учреждениями, с купечеством, горожанами и селянами, с правовым положением купечества и других слоев населения России, с хозяйством и торговлей страны и т. д. Многочисленные, часто далекие—вплоть до Москвы, торговые путешествия среднеазиатских купцов и сопровождавших их слуг и помощников обогащали их знания, расширяли их умственный кругозор. Постоянные встречи с русскими купцами, с административными лицами, местными жителями и т. п. вызывали необходимость в какой-то мере овладевать русским языком, приводили к более глубокому познанию общественной жизни и государственной организации России. Это, естественно, вызывало сопоставления, сравнения и оценки, вступавшие в противоречие с традиционными взглядами и представлениями. Хотя культурная, общественная и государственная жизнь России была далеко не идеальной, она привлекала к себе пристальное внимание мусульманского среднеазиатского общества, обнажала перед его лучшими представителями глубокие язвы государственной неустроенности ханства, недостатки его общественно-политической и хозяйственной организации. Все это возбуждало желание к изменению условий собственной жизни и деятельности. И хотя эти идеи не становились, конечно, достоянием широких масс, хотя возникали они у отдельных представителей ограниченного по численности городского посадского населения и главным образом его экономически более развитых верхов, они имели определенное воздействие на жизнь местного общества. Многих из горожан они приводили к борьбе за изменение собственного положения, и эта борьба проявилась или в форме отказа от среднеазиатской жизни и ухода на жительство в Россию, или в форме более активной — энергичного протеста против существовавших в Средней Азии государственных порядков.

Наиболее ярко эти стремления проявились в жизни ташкентского городского общества, так как оно прошло за время своего развития своеобразный исторический путь, который в большей степени, чем в другом любом районе Средней Азии, дал возможность почувствовать неустроенность местной феодально-государственной организации и всем ходом исторического развития способствовал росту общественных сил противодействия ее вредному влиянию.

Ставя задачей своей работы выяснение взаимоотношений ташкентского общества с Россией (непосредственные связи с которой Ташкент начал энергично развивать лишь с XVI в.), автор счел необходимым остановиться на предшествовавшей истории города для ознакомления с фактами, оказавшими существенное воздействие на последующую деятельность ташкентского городского населения.

II. ТАШКЕНТ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Возникновение города. Основное направление хозяйственной деятельности населения. Условия развития города. Культурная жизнь населения. Внутригородская организация населения. Ташкент — центр феодального удела шейбанидов. Ташкент — владение Джунгаров. Время Чорхакимства.

Ташкент в далеком прошлом — родовой поселок, сложившийся еще в древнем каменном веке (палеолите), в рабовладельческую эпоху приобрел значение торгового центра на дорогах из Средней Азии в Сибирь и Центральную Азию и превратился в типичный восточный город; тогда он назывался Чач и находился близ Салара (в местности, ограниченной ныне улицами Пролетарской, Шевченко, Чехова, Полторацкого). Частично сохранившиеся остатки городища обнаружены археологами в глуби холмов, близ улиц Пролетарской и Шевченко; местное население долгое время называло этот район термином — «Афросиаб» (древнее городище). Он упоминается китайскими летописями уже во II в. до н. э. как торговый и административный центр района оседлой культуры Чирчикской долины.

Несколько позже стали заселяться и менее удобные для примитивного лиманного земледелия районы, прилегающие ко второму естественному протоку Чирчика (древн. назв. Парак) — Боз-су.

В V в. н. э. вблизи поселков появился ряд феодальных замков-крепостей раннефеодальной эпохи. Одним из остатков их является вскрытый археологами холм Ак-Тепе близ местности Юнус-Абад.

Таким образом, территория современного Ташкента была районом древнейших поселений.

Раннефеодальный замок в области Чач, V в. Ташкент, холм Ак-Тепе. Реконструкция. С макета, изготовленного историко-краеведческим кружком школы № 89 Фрунзенского района Ташкента в 1940—1941 гг.

В VIII в., в связи с разрушениями, которые нанесло городу арабское нашествие (как и другим оседлым пунктам —например, Актепинскому замку и др.), но главным образом из-за ограниченности земельных территорий, которые близ Салара можно было ввести в хозяйственный оборот, население начало выселяться из города в близлежащие районы арыка Боз-су. Эта протока проходила по более возвышенной местности, чем Салар, и при соответствующем сооружении искусственных водотоков (арыков) могла обеспечить более широкое развитие земледелия. Заселение бозсуйских земель особенно ускорилось после крупных работ по расширению русла Боз-су, предпринятых в последней четверти VIII в. Они намного увеличили пропускную способность арыка и заложили прочную основу для дальнейшего расширения поливных площадей. На Боз-су стал вырастать новый центр города.

В IX в. на новом месте расселения ташкентцев была сооружена цитадель, а город обнесен стеной. Находившиеся поблизости древние поселения стали рабатами (пригородами) Ташкента и тоже были обнесены оборонительной стеной. Центральная часть города находилась в местности, которая фиксируется современными площадями Ахунбабаева, Комсомольской, Калинина.

Во времена саманидов город стал называться Бинкет, с XI в. за ним установилось тюрко-язычное наименование — Ташкент. Древнее городище к этому времени было вовсе покинуто населением.

Наиболее важное значение для хозяйственного развития населения древнего Ташкента имели меновые торговые отношения с кочевыми племенами, заселявшими степные пространства и предгорья Чирчик-Ангренского и Келесского районов, а также обширные пространства Казахстана. Они возникли еще в далекие времена формирования, по определению К. Маркса, «первого крупного общественного разделения труда», когда в Средней Азии происходило отделение земледелия от скотоводства и имели для жизни города исключительное значение. Они обеспечили городу устойчивую жизнеспособность, направляли хозяйственную деятельность населения на обеспечение собственных нужд и на удовлетворение потребностей кочевников-скотоводов, нуждавшихся в тканях, готовой одежде, некоторых продуктах питания (зерновые, пшеница, рис), в предметах бытового обихода и утвари. В связи с этим в городе получили наибольшее развитие седельное, ткацкое, портновское, кожевенное, шорное, металлообрабатывающее, гончарное, деревообделочное, мукомольное и некоторые другие отрасли кустарно-ремесленного производства, а в сельском хозяйстве — полеводство, в частности хлопководство, значение которого в качестве товара местного производства для степи отмечал географ Макдиси еще в X в.

Ташкент издревле являлся форпостом оседлой культуры на северо-востоке Средней Азии и быстро развивавшимся торгово-ремесленным центром, который приобрел серьезное экономическое и важное военно-стратегическое значение крайнего опорного пункта среднеазиатской оседлости на рубеже со степью.

Это определило исторические судьбы Ташкента. Вплоть до присоединения его к России в 1865 году, в истории Ташкента не было периода, когда бы он не служил яблоком раздора для захватчиков. Город неоднократно подпадал под власть кочевников, переходил из рук в руки и нередко бывал на грани гибели, но продолжал жить: Ташкент никогда не испытывал длительного запустения подобно древнему Самарканду, его не уничтожали, как арабы Пейкенд — торговый центр Зеравшанской доли-

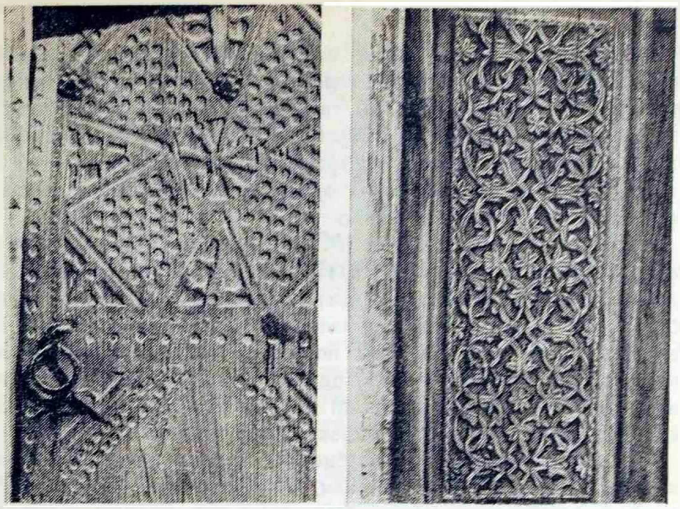
ны или монголы и Тимур Ургенч — столицу, торгово-ремесленный и культурный центр империи хорезмшахов. Ташкент никогда не терял своего значения подобно тому, как потерял его древний центр Ферганы — знаменитый в древности Ахсикент. Он не был разрушен монголами подобно крупнейшему торговому и ремесленному городу в низовьях р. Ангрена — Бенакету, уже в XII столетии превратившегося в груду развалин, от которых до наших дней сохранились лишь следы в виде ряда бесформенных холмов.

Ташкент всегда возрождал хозяйственную деятельность и неизменно оставался центром экономической связи оазиса с кочевьем, однако тяжелая военно-политическая обстановка задерживала его развитие и снижала его темпы.

Неоднократно Ташкент подпадал и под иноземное владычество. Ташкентская область являлась как бы воротами для завоевателей, устремлявшихся в Среднюю Азию с севера, так как она находилась на наиболее удобном (для конных войск) пути их движения на юг. Уже в конце I тысячелетия до н. э. область входила в состав государства кочевников Кангха (Кангюй), позже она оказалась в подчинении центрально-азиатскому государству кочевников-тюрков, затем Китайской империи Тан, потом ее подчинили кочевники Семиречья, позже центрально-азиатские наймаы и уйгуры, потом татаро-монголы, наконец джунгары-калмыки. В VIII в. Ташкент был захвачен с юга войсками арабского халифата Омейядов. Все они, господствуя в Ташкенте, оставляли в нем известный след своего пребывания как в этнологическом[1], так и в культурном отношениях.

Древняя культура среднеазиатского оазиса вступила в Ташкенте в длительное, непосредственное соприкосновение с культурами народов Казахстана, Центральной Азии, Западной Сибири и Дальнего Востока. Это оказало известное влияние на отдельные стороны быта местного оседлого населения, видимым реликтом чего, в частности, является сохранившееся до начала XX в. своеобразие ташкентской художественной традиции в прикладном

[1] Проф. *Л. В. Ошанин* установил вызванные этим некоторые особенности антропологического типа основной массы узбекского населения Ташкента и области. См. его «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез его народов», Ереван, 1959, ч. 3.



Орнаментальные узоры художественной резьбы по дереву на створках дверей и калиток в Ташкенте (XIX в.).

искусстве[1]. В Ташкенте в большей степени, чем в других городах Средней Азии, религиозное мировоззрение местного населения, придерживавшегося древней религии оседлых народов Средней Азии — зороастризма, столкнулось с мировоззрениями других народов Азии — шаманизмом, буддизмом, христианством, позже с исламом и ламаизмом, причем приверженцы этих религиозных взглядов, являвшиеся в Ташкент в качестве завоевателей, частично оседая в городе и области, вносили в ташкентскую жизнь свои обычаи и привычки, так как имели возможность насильственно влиять на население.

В конкретно исторических условиях развития Ташкента, в городе устойчиво сохранялась и укреплялась внутренняя общественная организация горожан, имевшая для них огромное значение. Она была основной формой административно-хозяйственного самоуправления жителей, из-

[1] Например, в орнаментальном убранстве бытовой двери ташкентского производства обязательным элементом является орнаментальный мотив парящей птицы, не встречающийся в орнаментальном узоре бытовых дверей других районов Среднеазиатского оазиса. Этот орнаментальный мотив восходит к изображению птиц, которое было найдено на аппликациях I тысячелетия до н. э. в Сусамырской долине.

бирavших для этого свою внутреннюю, независимую от властей общинную администрацию, которая осуществляла руководство хозяйственной, общественной и административно-правовой жизнью общины и в лице аксакалов представляла общину перед городскими властями.

Низовой ступенью этой организации являлась махалля, верхней ступенью была даха.

Ташкент разделялся с IX—X вв. на четыре даха — территориально и административно обособленные части города. Местная легенда находит объяснение этому в том, что сам Ташкент возник в результате объединения четырех поселений. Эта легенда, как показали исследования, имеет под собой реальную почву, однако она отражает не первоначальный, а промежуточный период истории города — заселение ташкентцами прибозсуйской территории.

Названия даха, дожившие до наших дней, известны с XVIII в. Это: Кукчинская, Сибзарская, Шейхантаурская, Бешагачская. Древнейшими из них являются первые два — ираноязычные, вероятно, в прошлом служившие и названием поселков, характеризовавших их, одно — наличием больших луговых и полевых угодий (Кукча), другое — множеством садов (Сибзар). Название вторых двух — более позднего происхождения: Шейхантаурским район стал не раньше, чем в период мусульманизации местного населения, и происходит от имени Шейх-ат-Тахур; Бешагач — тюркоязычное название и происходит от признака какой-то местности по наличию там кущи из пяти деревьев.

Каждая даха делилась на махалли. Последние служили первичной административно-хозяйственной и общественной организацией населения, их соседской общиной, имевшей собственное общинное управление и входившей полноправным коллективным членом в крупную территориально-соседскую общину — даха. Во главе махалли стояли выборные старшины (аксакалы). Они выполняли общественные обязанности по организации водоснабжения, переделу пахотных земель на махаллинском общественном земельном угодье — маузе и т. п. Каждая махалля имела свою приходскую мечеть, свою чайхану — как место для отдыха и для встреч по общинным делам мужского населения махалли, а в ряде случаев и традиционную направленность трудовой деятельности махаллинского населения.

По свидетельству русского поручика Миллера, посетившего Ташкент в 1740 году, в городе насчитывалось около 150 махаллей[1]. С ростом численности населения, плотности заселения городской территории и с расширением площади города число махаллей возрастало и в начале XX в. их было уже 280. Представляя собою устойчивый общественный организм, махалли различались по названию. Их наименования отражали или производственную деятельность населения махалли (Такачи — кузнецы), либо характерные признаки местности, на которой расположена махалля (Якка Чуб — отдельное дерево), или памятные места, события или известных людей (Казыкуча — улица судьи), а иногда именовались даже по этническому признаку населения (Кашгар-махалля), в связи с памятными местностями за чертой города (Кара-сарай) и т. п.

В XVI столетии Средняя Азия переживала важный этап исторического развития, характеризующийся массовым вселением на ее территории кочевых племен «государства узбеков». В результате этого движения пало феодально-раздробленное, ослабленное внутренними усобицами государство среднеазиатских тимуридов, власть перешла в руки феодально-племенной знати кочевых племен.

Ташкент, входивший до того в состав владений чингизитской династии Моголистана[2], был тоже подчинен силами Шейбани-хана и отдан был в удел его дяде Суинджходже. Эта династия владела городом почти до конца XVI в.

В составе шейбанидского государства город приобрел значение развитого культурного и хозяйственного центра севера Средней Азии и при Барак-хане[3] стал на короткое время столицей государства. К XVI в. относится и первое в Ташкенте непосредственное знакомство местного торгово-ремесленного населения с Россией: ташкентский шейбанид Дервиш-хан направил в Москву торговые посольства (ко-

---

[1] Поручик Миллер — начальник охраны первого русского торгового каравана из Оренбурга в Ташкент в 1739—1740 гг.

[2] Мавзолей наиболее видного из чингизидов этой династии — Юнус-хана, является одним из памятников монументальной архитектуры XVI в. в Ташкенте. Находится на территории бывшего Шейхантаура.

[3] Мавзолей и медресе Барак-хана находятся в конце современной улицы Хамзы.

нец XVI в.) для утверждения с Россией торговых отношений через Волжский путь. Стремление к развитию торговли не дало реальных результатов из-за отдаленности от Ташкента и трудности торгового пути на запад через Бухару, Хиву, Каспий и Волгу. После подчинения Россией Западной Сибири ташкентское купечество вступило с ней в устойчивые связи, используя свои традиционные торговые пути по степям Казахстана. Имела положительное влияние на жизнь города и деятельность первых шейбанидов Ташкента, в особенности Кельды Мухаммеда. Являясь поклонником искусства и литературы, Кельды Мухаммед способствовал созданию условий для развития культурной жизни местного ташкентского общества путем устройства литературных состязаний, диспутов и т. д. при дворе Кельды Мухаммеда, в кругу окружавшей его знати, куда имели доступ и виднейшие представители литературы, искусства и богословия из городского населения. Зайнаддин Васифи, гератец, поэт-эмигрант, приверженец ортодоксальной богословской школы, прибывший в Ташкент ко двору Кельды Мухаммеда и проживший в городе более 30 лет[1], отмечает широкое развитие общественной жизни населения, особенно его торгово-ремесленных слоев. Васифи говорит, что на общественных собраниях горожан — гяпах или меджлисах, обычным явлением были беседы и диспуты по различным вопросам религиозного мировоззрения, причем часть ташкентских мусульман критически относилась к ортодоксальному гератскому богословию и выступала приверженцем рационализма.

Таким образом, Ташкент и его округ прошли своеобразный путь хозяйственного, политического и культурного развития, несколько отличный от других городов центральных областей Среднеазиатского оазиса. Это оказало влияние на жизнь и деятельность местного населения. В тех условиях, в которых развивался город, главная масса его жителей оказалась тесно связанной с товарным хозяйством. Военно-феодальное сословие не имело устойчивого состава и на протяжении истории города в феодальную эпоху неоднократно замещалось новыми элементами, а городское население постоянно испытывало гнет многочисленных завоевателей и на опыте познавало необходи-

[1] О нем см. *Л. Н. Болдырев.* Зайнаддин Васифи, таджикский писатель XVI века. Душанбе, 1957.

мость изменения существовавших порядков и обеспечения мирных условий для своего развития.

В конце XVI в. Ташкент был захвачен бухарскими шейбанидами; в руках бухарской династии аштарханидов[1] город находился в XVII в., однако в 1642 г. их власть была свергнута, а Ташкент подпал под господство ханов казахского кочевья. Их власть также была уничтожена. Все кочевье и Ташкент к 1723 г. подчинили племена джунгаров (кочевники западной Монголии), феодально-племенная знать которых распространила свою власть на обитателей огромной территории — от Центральной Монголии до Аральского моря и от Иртыша до Сыр-Дарьи.

Ташкент в их новых владениях был крупнейшим оазисом оседлой культуры и важным источником доходов. Поэтому политика джунгаров в отношении Ташкента была направлена на прочное закрепление власти над городом. Для обеспечения интересов казны впервые в Средней Азии была проведена перепись домовладений Ташкента (в мусульманских странах перепись населения и домовладений считалась греховным делом). Для соблюдения спокойствия в городе военно-полицейское управление вручалось преданным власти казахским султанам (мусульманам). Для укрепления своего положения в области завоеватели предпринимали меры к распространению в Ташкенте ламаизма[2], но в этом отношении успеха не имели.

В рамках обширного государства джунгаров торговая деятельность Ташкента получила некоторое развитие. Ташкентские купцы стали частыми «гостями» не только в степи, но и в русских пограничных городах Сибири. В 1736 г. группа ташкентских купцов впервые поехала на Макарьевскую ярмарку (Казанская ярмарка) через Оренбург. В 1739—1740 гг. из Оренбурга в Ташкент был отправлен под воинской охраной первый русский торговый караван.

Большое значение для развития непосредственных связей с Россией имело открытие в 40-х годах XVIII в. «Сибирского тракта»— оборудованной необходимыми со-

[1] Бухарская ханская династия, правившая с 1599 по 1753 г.

[2] Ламаизм — особая форма буддизма, распространенная в Монголии и на Тибете.

оружениями колесной дороги от Москвы до Кяхты[1]. Однако широко воспользоваться благоприятными возможностями ташкентским купцам мешали государственная неустроенность кочевья и угнетение феодалов-джунгаров, глумившихся над населением. Ташкентские жители, как писал Миллер, «не выдержав обид кайсацких (казахских), от которых хан их не оборонял и судил неправо», зарезали (5 апреля 1740 г.) в мечети казахского хана Джульбарса — калмыкского ставленника, правителя Ташкента. Однако этот акт не изменил положения ташкентцев. Тяжелые условия жизни вынуждали некоторых горожан покидать город и так же, как это имело место и раньше, еще в XVII столетии, бежать в русские города Сибири и Оренбург, где они принимали российское подданство и там поселялись. Однако и оставшиеся на родине жители Ташкента не оставались бездеятельными и, хотя не имели сил открыто выступать, поджидали благоприятного случая для освобождения от власти джунгаров.

Оно явилось неожиданно в 1758 г. в результате разгрома Китаем Джунгарского государства. По словам китайских историков, Ташкент стал считаться вассальным владением Китая. Из Пекина в 1759 г. в город прибыли католические миссионеры — иезуиты Эстин, Хал, Дар, но здесь не задержались.

Так считали лишь китайские историки. На самом деле Ташкент остался независимым от Китая, предоставленным самому себе городом. Его население, политически не готовое принять власть, сохранило старую форму ее организации, предоставив военно-полицейские функции приглашенному в город казахскому хану с дружиной. Однако одновременно оно создало и свой собственный городской орган — «магистрат», который помещался около Кукчинских городских ворот и занимался хозяйственными и торговыми делами.

Но эта система разделения власти удержалась недолго. Среди ташкентцев не оказалось общепризнанных вождей и деятелей, которые могли бы возглавить город. Ташкентское торгово-ремесленное сословие в неблагоприятных для него условиях прошлой истории города не успело еще достаточно развиться и не смогло создать в Ташкенте

[1] Тракт проходил через города: Казань, Екатеринбург (Свердловск), Тюмень, Тобольск, Тару, Колывань, Томск, Иркутск.

общегородской власти, подобной государственной организации русского Новгорода Великого (XII—XIII вв.). Поэтому вскоре город раздробился на четыре владения, каждое с отдельным хакимом (правителем) во главе.

Между хакимами началась вооруженная борьба за верховную власть. В нее было втянуто и население. Внутри города почти четверть столетия шли междоусобия, вся городская территория оказалась местом сражений, хотя обычным пунктом военных встреч являлся район Джангах (соврем. парк им. Пушкина) вблизи городского базара. Нейтральной территорией был только городской базар, который продолжал свою обычную деятельность даже во время боев. За это время, лишь однажды, в 1779 г. в Тобольск было отправлено посольство, которому было поручено выяснение возможностей расширения торговли с Россией.

Положение города продолжало оставаться тяжелым.

Внутренние неурядицы в Ташкенте не прошли бесследно. Город стал объектом грабительских нападений кочевников собственной области и за время междоусобий потерял не только дальнюю, но и ближнюю периферию — свои пригородные земледельческие районы. По свидетельству современников, значительная часть орошаемых пригородных земель в это время запустела, а в ряде мест болота, заросшие камышом, подошли почти к городским стенам. Чорхаким — время раздробленности Ташкента на четыре хакимства, было одним из наиболее тяжелых периодов в истории города и его населения, временем глубочайшего падения городской жизни и хозяйства. Критическое положение населения приводило наиболее передовых представителей торгово-ремесленных слоев к мысли о необходимости объединения сил для борьбы за единовластие в городе, за утверждение в нем правителя, не запятнавшего имени разжиганием междоусобицы.

Таким оказался Юнус-Ходжа, сын умершего хакима Шейхантаурской части. Он явился в город в 1784 г. с небольшой дружиной, состоящей из казахов и некоторого числа горожан, заявив претензию на место своего отца. Старейшины города удовлетворили его требования, а став хакимом, он быстро заслужил доверие горожан. Они объединились вокруг нового хакима, изгнали остальных и власть над городом передали Юнусу-Ходже.

III. ТАШКЕНТСКОЕ ГОСУДАРСТВО (1784—1808 гг.)

Первый этап развития. *Особенности ташкентской государственной организации. Ташкент в XVIII, начале XIX столетий. Социальный состав населения. Территория и население Ташкентского государства. Целенаправленность политики Ташкента на укрепление экономической базы и расширение хозяйственных связей. Инициатива Ташкента в установлении связей с Россией. Развитие обоюдных отношений России с Ташкентом. Ташкентское посольство в Петербург (1797 г.). Посольская миссия Мулладжана Ахуна Магзума и Ашура Али Бахадура.* **Второй этап истории ташкентского государства.** *Поход Алим-хана на Ташкент. Захват Ташкента Алим-ханом кокандским. Завоевание им Туркестана.*

Утверждение единой власти в Ташкенте было поворотным моментом в истории городского посада. Юнус-Ходжа, окруженный своими сторонниками из кочевого племени санычклы, не имел собственных военных сил, которые могли бы обеспечить ему победу над другими хакимами. Юнус явился в город без средств, достаточных для найма сторонников из среды кочевников других племен; сам Юнус-Ходжа был своего рода «изгнанником», возвращающимся в Ташкент получить наследство-должность своего отца. Недолгое пребывание его в положении хакима Шейхантаурской части не могло его настолько обогатить, чтобы он мог умножить свое войско и чувствовать себя независимым. Без достаточных военной силы и средств Юнус-Ходжа вступил в борьбу за власть в городе и победил только благодаря тому, что ему помогли горожане Шейхантаурской и других частей Ташкента.

Можно сказать, что город как бы призвал Юнуса-Ходжу княжить, что власть в городе Юнус получил из рук городского посада. Это обстоятельство создало специфические условия дальнейшего развития внутренней и внешней политической жизни города, оказавшегося независимым и самостоятельным, объединенным и единым, так как экономически и в военном отношении слабые военно-феодальные силы Юнуса-Ходжи дружественно сосуществовали с еще экономически слабым и политически

неразвитым городским посадом. Это своеобразие внутригородской обстановки нашло свое выражение в специфических особенностях внутренней военно-административной организации.

Вся история Ташкента и государства, сложившегося вокруг Ташкента в последней трети XVIII столетия, отражает своеобразие данного периода развития города, борьбу антагонистических общественных сил двух непримиримых лагерей, оказавшихся временно в единстве: феодалов, объединяемых Юнусом-Ходжой, и городского посада, возглавленного верхами торгово-ремесленного сословия. Соотношение этих сил постепенно изменялось: историю Ташкентского государства можно разделить на два исторических этапа — время преимущественного значения сил посада, составляющее ее первый этап, и время возвышения военно-феодальных сил, характерное для второго этапа истории государства.

Весь первый этап истории Ташкентского государства прошел под знаком его хозяйственного развития, политического укрепления и повышения военно-оборонного потенциала. Огромное значение в решении этих первоочередных задач имели деятельность городского посада и благоприятная внешнеполитическая обстановка в Средней Азии и Казахском кочевье. В них еще не утихла ожесточенная междоусобная борьба, и Ташкент все еще был предоставлен самому себе.

Использовав благоприятную обстановку, городское население и Юнус-Ходжа вслед за организацией центрального органа власти и управления приняли решительные меры к восстановлению оборонительных сооружений города, пришедших в негодность за время джунгарского владычества и чорхакимства.

Крупные общественные работы по ремонту оборонительных сооружений требовали огромного напряжения сил городского населения, тем более, что численность его за прошлые годы значительно сократилась. Обеспечивая собственную безопасность, жители города не только не противились распоряжениям властей, но активно содействовали предпринятым Юнусом-Ходжой оборонным мероприятиям.

Как сообщили нам старожилы Ташкента, знавшие по рассказам своих дедов и прадедов о грандиозных строительных работах конца XVIII в., Юнус-Ходжа мобилизовал на восстановление оборонительных сооружений все

мужское население города. Каждой из 150 махаллей был указан участок стены, который махаллинское население своими силами и средствами должно было привести в полный порядок. За качеством восстановительных работ и правильностью их ведения с точки зрения среднеазиатской военной техники следили специально назначенные лица, знакомые с военно-строительным делом. Население работало в порядке хошара: каждый работник пользовался собственным инструментом, использовались имеющийся у жителей рабочий скот и транспортные средства. Порядок явки и место каждого работающего определялись махаллинским общественным руководством.

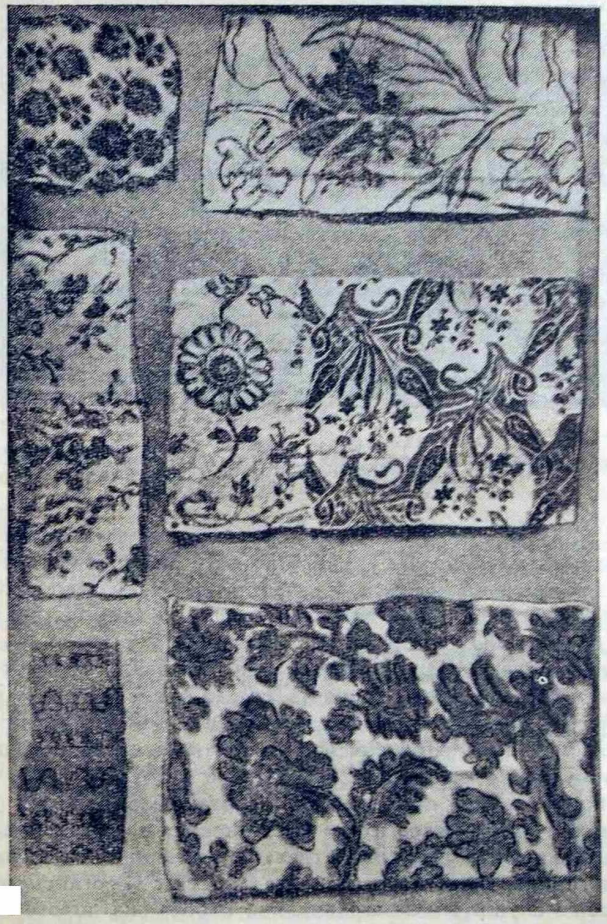
Объем ремонтных работ был очень большим. Тело стены укреплялось кладкой из крупноформатного сырцового кирпича. Во многих местах наращивалась ее высота. В нужных случаях расширялись «парапеты»[1] — мощные утолщения стены, верхняя площадка которых служила для размещения артиллерийских орудий. Особое внимание обращалось на соответствующую защиту наиболее уязвимых мест стены — въездных ворот в город. Их в XVII и начале XVIII вв. было 8[2]. Однако посетивший Ташкент М. Поспелов[3] указал, что в 1800 г. в городе было всего 6 въездных ворот. Не имея никаких оснований сомневаться в правильности этого сообщения, можно лишь предположить, что во время ремонтно-восстановительных работ конца XVIII столетия двое из

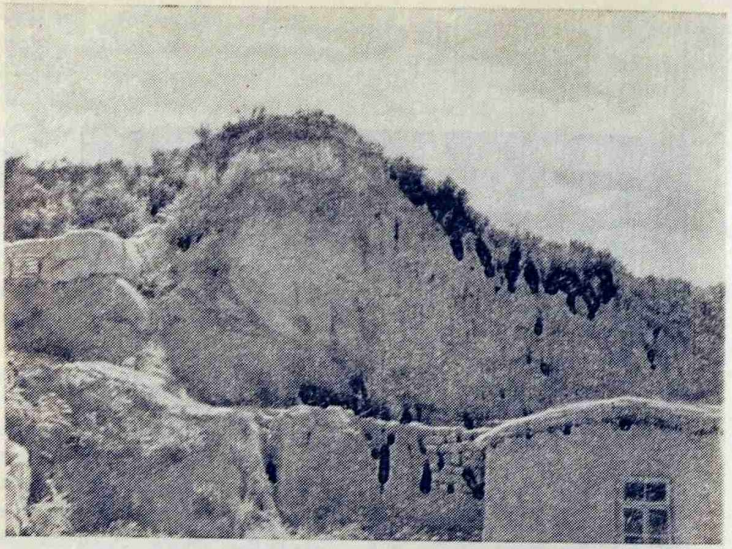
---

[1] «Парапет» — термин, данный этим сооружениям русскими наблюдателями, в последующем ставший официальным наименованием в русской литературе.

[2] Поручик Миллер привел названия ворот для 1740 г. По его словам, с южной стороны города находились—*Бешагачские* и *Терсарыкские*, с юго-западной — *Самаркандские*, с западной — *Кукчинские*, на северо-западе — ворота *Тарсахан*, на севере — *Капка*, на северо-востоке — *Тахтакусь*, на востоке — *Шейхантаур*. Кроме Шейхантаурских, уничтоженных в XIX в. за ненадобностью, и ворот Капка, по-видимому несколько отодвинутых в связи с расширением северной части городской территории, эти ворота остались на тех же местах и в XIX столетии, лишь изменились названия некоторых из них. Ворота *Терсарыкские* стали называться *Камеланскими; Тарсаханские — Чагатайскими*, по названию урочища Чагатай, к которому шла данная дорога; *Капка*, т. е. безымянные, так как названием служило казахское слово «ворота»— *Карасарайскими*, в связи с сооружением на данной дороге «зякетного сарая» — мытного двора; *Тахтакусские — Тахтапульскими*, т. е. воротами «у деревянного моста» через арык Кейкауз.

[3] М. Поспелов — горный инженер, направленный в Ташкент посланником в 1800 г.





Один из оставшихся до наших дней участков городской стены XIX в. в районе бывш. Лабзакских ворот.

ворот были закрыты. По-видимому, они были заперты и засыпаны землей, чтобы сократить число опасных мест. Городу, потерявшему часть жителей и не имевшему еще большой армии, приходилось экономно рассчитывать наличные силы (для обороны городской территории).

Поспелов не указал, к сожалению, названий городских ворот и нам неизвестно, какие из 8 были временно ликвидированы. (Они вновь были открыты уже в XIX столетии[1]); можно лишь предположить, что закрытыми оказались, по-видимому, Бешагачские и Терсарыкские ворота.

В конце XVIII столетия эти ворота, находившиеся на ближних горных дорогах в Ферганскую долину, имели сравнительно меньшее хозяйственное значение, чем другие ворота города. Для торговой деятельности с Ферганой могли хорошо служить и Самаркандские ворота (на дороге Чиназ-Ходжент). В военном же отношении, в связи с началом

[1] Бывший проездом в Ташкенте пятидесятник Вяткин в 1813 г. уже указывал 7 ворот; вторые из закрытых ворот были введены в действие позже.

военных столкновений с Кокандским ханством, эти ворота всегда могли оказаться под ударом врага, быстро приближавшегося к городу. Не противоречат этому предположению и сообщения Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди[1] о военных действиях ташкентцев с кокандцами. По его описанию, бои и штурм Ташкента кокандцами происходили не в районе указанных ворот, а близ ворот на западной или восточной части города.

После ремонта городская стена стала иметь до 26 футов (7,9 метра) высоты, 6 футов (1,8 метра) толщины у подошвы и 3 фута (0,9 метра) толщины по верхнему краю. Толщина «парапетов» была в несколько раз большей и позволяла ставить на них по 3—4 пушки.

Завершение ремонтных работ и первые удачные военные мероприятия против приташкентских кочевников обеспечили городу давно ожидавшиеся спокойствие и мирные условия жизни. Горожане получили возможность начать свою обычную трудовую деятельность.

С первых же дней победы Юнуса-Ходжи начал формироваться и государственный аппарат власти и управления. В самом начале он был очень примитивен. По словам Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, в его организации приняла главное участие феодально-племенная знать

[1] Мухаммед Салих Кори Ташкенди — автор мемуарного типа произведения «Тарих джадида — и — Ташкент» — (Новейшая история Ташкента), законченного в 1875 г. Являясь по-мусульмански образованным человеком (учился в Бухаре и Коканде), Мухаммед Салих обладал острым умом и большой наблюдательностью. Приехав в Ташкент в 1858 г. он оказался в центре общественной жизни города того времени. Ярый защитник феодальной системы государства, активный поборник ислама, Мухаммед Салих участвовал в разных событиях, которыми была насыщена жизнь ташкентцев второй половины XIX столетия, и дал их яркие зарисовки с натуры; в отношении же более ранних периодов истории города он в значительной степени использовал воспоминания ташкентцев-старожилов.

Несмотря на явно реакционные воззрения самого автора, его подробная критика действий и стремлений инакомыслящих ему дают нам обширный материал для уточнения представлений о внутренней жизни ташкентского общества XVIII—XIX вв. Рукопись Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди (уникальный экземпляр), написанная по-персидски, хранится в Институте востоковедения АН УзССР.

Не могу не выразить благодарности за дружескую помощь при чтении рукописи Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди работникам ТашГУ ст. преподавателям Сейид Азиз Ганиеву, Н. Ф. Левицкому и доц. И. А. Киссену, любезно консультировавшему меня в отношении документов на староузбекском языке.

кочевников. Она «выдвинула на пост аталыка — Рустама-Туру, на должность парваначи — Адила-Туру, главнокомандующим Бабахана-Туру, а Юнуса-Ходжу единогласно назначила «валием вилойята» (правителем области)».

Как видно из этого сообщения, кочевники сформировали, как и повсеместно в Средней Азии, руководящее ядро военно-феодальных сил. Между тем выдающееся значение городского посада, составлявшего главную массу населения Ташкентского государства, и задачи руководства оседлым населением заставили внести в систему государственного управления существенные изменения. О них мы узнаем из сообщения русских посланников Д. Телятникова[1] и М. Поспелова и заявлений Ташкентского посланника в Омске Мухаммеда-Ходжи Рахима оглы. По их словам, во главе Ташкентского государства находился *«владетель»* — хан, который титуловал себя ишаном. Он решал все гражданские и военные дела государства. «Образ правления в Ташкении есть самовладетство», говорит ташкентский гонец к сибирской администрации России — карван-баши Мухаммед-Ходжа Рахим оглы, прибывший в Омск в 1794 г. Такую характеристику дал и русский посланник в Ташкент — горный инженер Поспелов в 1800 г.: «Владелец Ташкента имеет неограниченную власть над жизнью и имуществом его поданных». Он пользовался исключительным правом назначать высшую меру наказания — смертную казнь или конфискацию имущества, его прерогативой был и суд по уголовным делам (за воровство, убийство и контрабандный вывоз пороха, свинца и оружия).

Ближайшим помощником «владетеля» являлся *башчи-ходжа*[2]. Этот высший сановник государства «смотрит за тишиной и благоустройством», делает по просьбам (жителей) маловажные разбирательства и в случае надобности сам виновных наказывает». Во время отсутствия в столице хана башчи-ходжа: «всем распоряжается полностью...

---

[1] Д. Телятников — русский посол, ездивший в Ташкент из Омска в 1796—1797 гг.

[2] Д. Телятников называет это должностное лицо «дуанбеком» диванбек), т. е. таджикским термином, каким именовался в Бухарском ханстве глава «дивана» — государственной канцелярии. Башчи-ходжа — узбекский термин. Для Ташкентского государства характерно использование в государственной переписке и терминологии узбекского, а не таджикского языка.

На это время ему... только сохраняется доверенность». В функции башчи-ходжи входило и общее наблюдение за состоянием внешней и внутренней торговли и государства.

Следующим по рангу вельможей государства был *казий*. В его обязанности входил суд и разбор «брачных и спорных дел» жителей города.

Носителями государственной власти на местах являлись *беки*. Они назначались в поселения и в города Ташкентского государства (кроме Ташкента, который был под наблюдением башчи-ходжи) и пользовались административной, военной и судебной (без права казнить или конфисковать имущество) властью. Беки были подвластны непосредственно «владетелю» государства и его заместителю — башчи-ходже.

Функции низового аппарата управления оседлым населением государства осуществляли *аксакалы*. Они являлись выборными, в принципе, деятелями общинного самоуправления горожан. Их избирали главы всех семей, проживавших на территории аксакальства для общего руководства общинными делами. В качестве должностных лиц государственного аппарата аксакалы являлись организаторами выполнения населением главным образом требований фискового (налогового) характера. Аксакалы были единственным связующим звеном между государственной администрацией и общинной организацией горожан. В отношении своих должностных функций в аппарате управления они подчинялись башчи-ходже.

Подвластные Ташкентскому государству племена кочевников находились в ведении *«серкера»* — сановника, в обязанность которого входили наблюдение за политическим состоянием степи и сбор государственных повинностей от кочевников. На время поездок в «полюдье» для сбора повинностей серкеру предоставлялся соответствующей силы военный отряд. Все же административное управление племенами кочевников вверялось главам племен и в их дела с соплеменниками государственная власть не вмешивалась. Для обеспечения верности и выполнения вассальных обязанностей племен из каждого племени в Ташкент забирались «аманаты» — заложники (из среды племенной знати), которых в случае нарушения их племенем вассальных обязанностей подвергали репрессиям, вплоть до смертной казни.

Судебное дело основывалось на мусульманской юриспруденции, судопроизводство находилось в руках казиев и *диван-беков*, т. е. местных деятелей, образовавшегося в классовом обществе «сословия профессиональных правоведов». Функции же верховного судьи принадлежали «владетелю» (хану). Мерами наказания за важные преступления являлись лишение имущества и высылка за границу, а иногда и лишение жизни «виселицею, сажанием на кол, отсечением головы или умерщвлением голодом». За маловажные преступления — заключение в зиндан, телесные наказания или штраф. «Лобным местом» в Ташкенте считались площади Чорсу, Иски-Джува, иногда Ходра. Казни совершались публично, тела казненных подолгу оставались на виду для назидания остальным. Однако мера и степень наказания за преступления мусульманским религиозным законом не регламентируются, что и вызвало справедливое замечание русского географа Г. Н. Потанина, что в Ташкенте «нет... законоположения», что все «зависит от произволения владетеля». Суд творился на словах, «без записи», судебного судопроизводства не существовало и потому в наше время трудно изучить и проанализировать судебную практику в Ташкентском государстве. Однако не вызывает сомнения, что судебные решения отличались отсутствием гуманизма, а мера наказания не всегда была соразмерна проступку, тем более, что в процессе судебного разбирательства не обеспечивалась возможность выяснения обстоятельства дела. Одним из ярких примеров для этого служит свидетельство Г. Н. Потанина о «разборе» Юнусом-Ходжой одного из дел, касающихся бытовых традиций местного населения. Влюбились друг в друга молодой человек и девушка, но родители невесты решили выдать ее замуж за нелюбимого и совершили сговор. Тогда молодые люди решили бежать и получить разрешение на брак от Юнуса-Ходжи, «который иногда к таким примерам благоволил». По дороге их увидели родственники жениха, с которым была сговорена девушка. Поняв замысел молодых людей, они схватили обоих и сами привели к Юнусу-Ходже, перед которым обвинили молодого человека в насилии над сговоренной невестой. Девушка растерялась в необычной обстановке,— говорит Потанин,— и «стыд последней принудил ее сказать, что она взята и введена была им (молодым человеком) силою».

Тогда без дальнейшего рассмотрения был вынесен приговор, и молодой человек был повешен[1].

Основным источником государственных доходов являлись налоговые платежи и сборы с населения. «Хану платят в месяц с каждого дома, полагая по счету расъсийскому, по 50 копеек» (по 6 руб. в год), сообщает Мухаммед-Ходжа Рахим оглы. Эти сведения явно занижены и, видимо, учитывают лишь часть платежных обязательств населения. Серьезно изучавший все виды поборов с населения Ташкента М. Поспелов утверждает, что «в месяц сходит с каждого обложенного податью от 5 до 10 рупий (т. е. 12—24 рубля в год), а иногда и больше».

До нас не дошли налоговые дафтары (книги) Ташкентского государства. Проверить справедливость того или другого свидетельства современников мы не можем[2]. Однако нам представляется более близким к истине подсчет М. Поспелова, который приводит сведения о различных видах налоговых повинностей и определяет сумму сборов по каждому из этих видов.

Не подлежит сомнению лишь утверждение упомянутых авторов, что для назначения сбора «нет на то ни числа, ни времени», т. е. твердо установленных сроков платежа и что «с каждого дому или с каждого в нем живущего, имеющего жену, собирают по столько, сколько выходит по раскладке общей суммы сбора». А сроки и сумма сборов зависели «от соизволения правителя». Регламентирован-

---

[1] Исключительная жестокость наказания за проступки и преступления была присуща не только средневековому Ташкентскому государству или ханствам Средней Азии; как известно, она была присуща всем государствам Востока и Запада на определенных этапах их развития, различаясь только средствами и степенью утонченности изуверства изобретавшихся форм публичной казни и пыток. Система управления, базирующаяся на утверждении страха, сопутствовала развитию классового общества, отражая недостаточность уровня гражданского самосознания общей массы населения, с его повышением она начинала вызывать активный протест, выражавшийся в борьбе за утверждение гуманизма.

[2] Наличие «дафтаров» также не окончательно решило бы вопрос, так как в ханствах Средней Азии не существовало системы подворного налогового обложения. В ханской канцелярии определялась общая сумма средств, которую должно было внести в казну бекство или поселение в целом. Подворная раскладка этой суммы делалась аксакалами или беками. Однако некоторую ориентировку в исчислении размера среднего налога на податную единицу дафтары могли бы представить.

ной системы налогового обложения в Ташкентском государстве не было так же, как и в других феодальных ханствах Средней Азии.

В завершение характеристики государственного аппарата управления Ташкенни приведем слова Д. Телятникова: «Касательно же до учреждений и внутреннего управления города Ташкента и всей области, то политического учреждения у них никакого нет и... письмоводство в делах гражданских и политических им неизвестно». И если автора этих слов нельзя обвинить в умышленном искажении действительности, то правильно понять его можно только исходя из учета привычных представлений об органах государственного управления, которые ему были знакомы по России. Он не нашел в Ташкенте бюрократически развитой и разработанной системы административных органов, подобных российским. Не было ее в такой форме и в других ханствах Средней Азии. Однако письменность в Ташкенте существовала, государственные дела в необходимых случаях оформлялись письменными документами, дела фиска оформлялись в «дафтарах» (книгах канцелярии диван-беги), некоторые решения судебного порядка фиксировались письменными документами и т. д.

Итак, формы и организация управления Ташкентским государством соответствовали уровню развития государственной организации всех феодальных ханств Средней Азии XVIII в. Однако они имели и некоторые важные особенности, не присущие ни одному из среднеазиатских феодальных государств.

Одной из них являлось наличие войска караказанов. По свидетельству Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди и сообщениям Д. Телятникова, армию караказанов составляли личные отряды (дружины) Юнуса-Ходжи, его сыновей и «лучших чиновников». К их числу относились выходцы из феодально-племенной знати, а также такие, как Мухаммед-Ходжа, Хан-Ходжа, Халим-Ходжа, по-видимому, принадлежавшие к оседлому населению.

Каждая дружина караказанов находилась в подчинении своего феодала — командира, квартировала в его усадьбе, вооружалась и получала коней от своего феодала (каждой дружине Юнусом-Ходжой вручалось присвоенное ей знамя). При зачислении в дружину караказан получал себе «владение» для содержания себя и семьи (занимались земледелием, ремеслом или торговлей) и освобождался от налогов и повинностей, вместо чего обязан был работать на полях своего феодала (барщина).

Дружины караказанов набирались «по большей части из беглых нации людей, яко-то: калмыков, узбеков, куканцев, ходжанцев и бухарцев; природных же ташкенцев среди караказанов очень мало»,—писал Д. Телятников. И это сообщение русского наблюдателя вполне соответствует сведениям Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, который называл караказанов «аубош», то есть «сбродом из разных наций», «искателями приключений», «солдатами, предающимися грабежу побежденных», а также «казахским сбродом», поскольку в числе караказанов оказывались и пленники, захваченные в казахской степи во время военных походов, вероятно, те из них, за кого Юнус-Ходжа не надеялся получить выкуп (т. е бедняки).

Караказаны были вооружены, хотя и разнотипно, но значительно лучше ополченцев. Многие имели «турки» (фитильные ружья), доспехи (панцири, латы, зеркальные доспехи), шлемы, щиты. Войско караказанов обладало и небольшим артиллерийским парком, который усиленно расширялся Юнусом-Ходжой (в 1796 г. в качестве артиллерии использовались только занбураки — крупнокалиберные ружья, стрелявшие чугунными пулями, в 1800 г. имелись уже и крупнокалиберные пушки ташкентского производства из меди, привозившейся из России). Ташкентское войско было обеспечено и боеприпасами местного производства (порох, свинец и т. д.), причем ташкентский порох, как писал М. Поспелов, был «по силе действия довольно хорош».

Войско караказанов было не особенно многочисленным. Даже через 12 лет после прихода к власти Юнуса-Ходжи оно насчитывало, по подсчетам Д. Телятникова, всего 2 тысячи человек. Однако оно имело большое значение в качестве организованной военно-полицейской силы и ядра вооруженных сил Ташкента, основную массу которых составляли городское ополчение[1] и ополчение кочевых племен, преимущественно санычклы, канглы, багыс и рамадан.

В конце столетия численность войска значительно увеличилась и достигала 6 тысяч, феодальное же ополчение

[1] В городское ополчение призывались по 1—2 человека от каждого дома, а иногда и все мужчины.

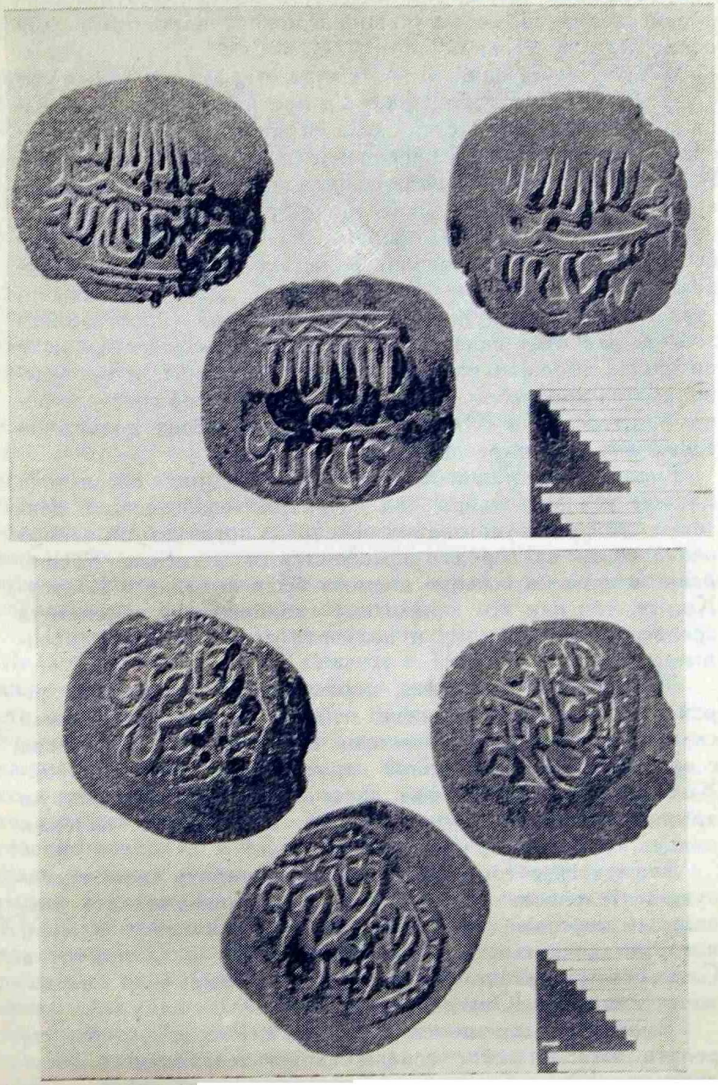
насчитывало до 50—70 тысяч человек (из них 30 тысяч человек «поголовного» ташкентского ополчения).

Войско ташкентского государства стояло на уровне развития вооруженных сил среднеазиатских ханств. Опираясь на эти силы, Ташкент восстановил свое значение в Чирчикской долине, вновь подчинив кочевые племена, обитавшие в муждуречье Чирчика и Келеса. Ташкент стал столицей этого сравнительно обширного владения, начал чеканить собственную монету[1] и развивать независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Наиболее важной особенностью Ташкентского владения являлось отсутствие обычного для ханств Средней Азии феодального совета при главе государства.

Как известно, во всех ханствах Средней Азии хан являлся феодалом номер один. Он осуществлял свою государственную деятельность исключительно в интересах феодалов и руководствовался при этом советами своих ближайших соратников, в основном, выходцев из среды феодально-племенной знати, составлявших «феодальный совет» при хане. Ташкентский «хан» Юнус-Ходжа, хотя и был окружен своими приверженцами из числа кочевников, вынужден был советоваться и решать дела государства не с ними, а с представителями городского посада. «Четыре из старейшин городских составляли ханский совет, с коими он как в народных, так и в воинских делах советуется». Что это за люди? Это — аксакалы (старейшины) четырех частей города, избранные населением на высший административный общественный пост посадского самоуправления дахи (часть города). Являясь выходцами из наиболее зажиточного и потому влиятельного в городе слоя горожан, они направляли государственную политику

[1] Монетный чекан принадлежал Юнусу-Ходже, доходы от монетного двора поступали в его казну. Ташкентом чеканилась медная разменная монета достоинством в 1, 1/2, 1/4 тенги (15 коп. по курсу 1866 г.). Год и место чеканки оказывались только на некоторых выпусках. Начало чекана относится к 80 годам XVIII в. На оборотной стороне монеты, как правило, чеканилась надпись: «Мухаммед Юнус Ходжа Умари», на лицевой — славословие: «бисмилло...» Однако некоторые монеты, по определению профессора Г. Н. Малицкого, имели одним из элементов чекана изображение птицы, парящей в воздухе, или зверя с длинными рогами (ушами?), иногда тигра. Коллекции ташкентских монет хранятся в Государственном Эрмитаже и Ташкентском историческом музее АН УзССР.



Монеты времен хана Юнуса-Ходжи. Ташкентский чекан. (Из коллекций Государственного Эрмитажа).

Юнуса-Ходжи исходя из интересов крупного купечества и ремесленников, составлявших основное ядро этого слоя посадского населения.

Юнус-Ходжа явился в Ташкент с небольшим военным отрядом, который не мог оказать противодействие горожанам, а последние по сути дела ограничили свободу действий своего военного предводителя «советом аксакалов». И Юнус-Ходжа следовал рекомендациям этого «совета», а не тех феодалов, которые его окружали, потому что он не обладал еще силами, опираясь на которые можно было бы освободиться от опеки горожан. Вследствие этого основные мероприятия первого этапа развития государства — расширение границ, организация постоянного войска, развитие связей с Россией, были осуществлены в интересах горожан, частично по их инициативе, и проведены под их контролем. Хотя их осуществление соответствовало интересам и Юнуса-Ходжи, цели обеих правительствующих группировок были различны.

Горожанам Ташкента было необходимо обеспечить мирные условия жизни для развития хозяйственной деятельности путем успокоения кочевья и организации отпора нападавшим на город приташкентским племенам. Расширение власти на кочевые племена было выгодно и Юнусу-Ходже, так как это давало ему возможность обеспечить средствами свою казну и получить дополнительные военные силы.

Ташкентское население, стремившееся по самому характеру своей деятельности к мирной жизни, не было склонно к постоянным военным походам и было согласно с организацией постоянной армии, созданной Юнусом-Ходжой. Последний тоже рассчитывал на постоянную армию, так как не мог надеяться на верность кочевых племен, покоряемых Ташкентом.

Ташкентские горожане желали расширять свою торговую деятельность с Россией и стремились сделать безопасным торговые пути в Сибирь. Подчинение племен, которые кочевали в районе этих путей, в частности в Сайрамском районе и Туркестане, не вызывало неудовольствия и у Юнуса-Ходжи.

Ташкентцы стремились к связям с Россией, чтобы укрепить экономические основы своего независимого государства. Юнус-Ходжа также желал использовать эти связи, чтобы получать из России необходимое ему военно-

стратегическое сырье (в частности медь) для усиления собственной власти.

Вокруг Ташкента таким образом сложилось государство такого типа, которого еще не бывало на среднеазиатской территории. Оно было основано на совместном существовании двух противоположных по тенденциям развития социальных сил — городского посада, шедшего по пути к буржуазному развитию, и военно-феодальных элементов, стремящихся к укреплению своих позиций. Оно являлось переходным этапом развития государственного организма, окончательную структуру которого должны были определить реальные соотношения и степень зрелости временно объединившихся социальных сил. Ташкент был столицей этого государства, его цитаделью и важнейшим экономическим и политическим центром.

Мы отмечали, что уже в XVI в. Ташкент являлся одним из крупнейших городов Средней Азии. Он продолжал расширяться и в XVII столетии, возрастала и численность его населения. Однако с захватом города джунгарами и в дальнейший период «чорхакимства» город значительно ослабел, даже потерял часть своих жителей, поселившихся в более спокойных местах, в частности в приграничных городах России; но территория города не сократилась, она только запустела.

Первые сведения о размерах города нам дал поручик Миллер, побывавший в Ташкенте в 1740 г. По его заявлению, площадь, которую занимал город, в это время простиралась на 4 версты с севера на юг и с запада на восток. Уровень современных знаний позволил нам проверить эти данные. Было установлено, что сообщение Миллера близко к истине: территория города занимала примерно 12 квадратных километров, ее поперечники были соответственно равны 3,6 и 4,2 километра. Центр городской площади занимал главный городской базар. Такую конфигурацию и размеры городская территория имела и в конце XVIII столетия. Ее пересекали восемь главных улиц, одновременно служившие и дорогами, которые, радиально расходясь от базара, выходили на загородные пути Ташкента. Они связывали город со всеми основными районами торговой деятельности жителей в казахской степи и в среднеазиатских ханствах. Через казахскую степь эти дороги приводили ташкентских купцов в пограничные районы России.

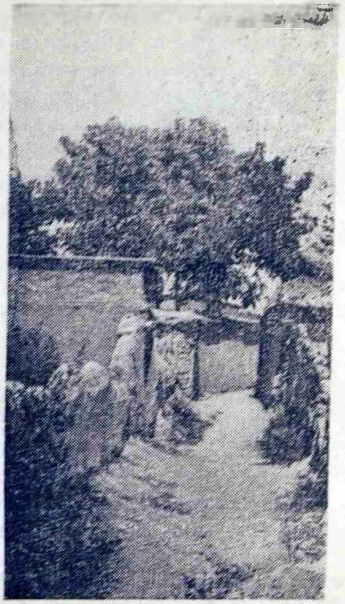
В первой половине XVIII в. городская территория была заселена очень неравномерно. Обширная площадь почти незастроенных земель находилась на юго-западе и западе Кукчинской части Ташкента. Она тянулась почти сплошной широкой полосой вдоль городской стены и простиралась в глубь города до линии улицы Лянгар. Это было обширное море зелени, оправдывавшее наименование и самой части города (Кукча — обладающий обильной яркой зеленью). Сады, лесонасаждения, полевые угодья, перемежаясь друг с другом, скрывали редкие домики горожан; немногочисленные остатки этого зеленого массива сохранились и до наших дней, являя собою чудесные уголки природы в массе сплошной застройки современного города (по арыку Джар, в районе улицы Уйгура и др.). В XVIII столетии этот зеленый пояс разрывался лишь жилой застройкой в районе Кукчинских ворот. Большой массив фруктовых садов и древесных насаждений был и на территории Бешагачской части города; он широко раскинулся тогда по обе стороны улицы Алмазар[1] и сама улица своим названием напоминает о существовавших в этом районе яблоневых садах. Фруктовые сады простирались невдалеке от Самаркандских ворот, по арыку Терсарык; обширные полевые угодья были в низинах, вдоль современной улицы Арпапая.

Почти незаселенные районы имелись и на севере Ташкента. Однако в Сибзарской части города к XVIII в. ничего уже не сохранилось от знаменитого в XIII—XVI вв. обширного парка, в котором в XVI столетии в летнее время происходили меджлисы придворного литературно-философского кружка с участием гератца Зайнаддина Васифи. В XVIII столетии этот район побережья арыка Кейкаус был почти застроен. Лишь в местности Хаст-Имам сохранялась большая роща старых чинаров и около Тахтапульских ворот зеленел массив лесонасаждений. Шейхантаурская часть была немногим богаче: на ее территории почти не было зеленых насаждений. Только знаменитый сад «Шейхантаур» и довольно крупный сад в районе улицы Лабзак (близ махаллей Кальтатай — Аркакуча) были яркими островками зелени на общем фоне застроек и пустырей.

[1] Некоторые жители Ташкента произносят это название Ал-Мазар, т. е. улица к гробнице. Это отождествление мало вероятно.

Зеленое убранство города пополняли кущи деревьев близ культовых учреждений и индивидуальные сады жителей. Последние не всегда украшали городской пейзаж,— они, как правило, бывали в глубине владения, далеко от улицы.

Трудно найти человека, который, подъезжая к крупному восточному городу, не ощущал бы особой красоты его внешних контуров и незабываемого колорита зеленого убранства на фоне однотонной застройки. Это ощущение становилось особенно ярким, когда путник подъезжал к городу из степи, покрытой сгоревшей на солнце безжизненной травой, или же приближался из раскаленной зноем песчаной пустыни. Таким же красивым казался издали и Ташкент. Он представлялся глазу путника обширным садом. Но это впечатление исчезало сразу же, как только путник въезжал в город. Теперь он видел не подчиненную плану застройку. Узкие, подчас еле проезжие, длинные, извилистые улицы, лишенные перспективы. Унылые, часто полуразрушенные и оплывшие, желтовато-серые глинобитные дувалы по обеим сторонам дороги, изредка перемежающиеся с одноэтажными, выходящими на улицу глинобитными домиками, без окон, крытыми камышом. Его поражали отсутствие на улицах зелени, лишь изредка проглядывающей своими макушками из-за все скрывающих дувалов, взлетающая вверх при каждом шаге лёссовая пыль, целым слоем устилавшая немощеное уличное полотно, или топкая, вязкая грязь в дождливое время года, безлюдность улиц.



Один из тупичков — характерных уголков феодального Ташкента XIX в. Район улицы Тахтапуль (совр. ул. С. Рахимова).

Все это оставляло тяжелое ощущение гнетущего однообразия, серости и безыскусности городского пейзажа.

Его оживляли только изредка попадающиеся единичные деревья, монументальные культовые сооружения и махаллинские мечети; около них зачастую находились маленькие хаузы (пруды), обсаженные вокруг деревьями. Их могучие кроны давали живительную тень и сохраняли приятную прохладу в жаркий день горячего ташкентского лета. Раскинувшиеся близ некоторых из них базарчики и чайханы придавали специфический колорит и даже уют такому уголку города, и путнику, утомленному однообразием пустынных улиц, они доставляли неожиданную радость. Ведь он, свернув в очередной изгиб кривой уличной трассы, неожиданно оказывался лицом к лицу с оживленным, подчас многолюдным, ярким островком жизни. И этот островок манил путника к себе, торопил его прервать свой путь и отдохнуть под камышовым навесом чайханы. Однако такие приятные сюрпризы встречались редко. Правда, вблизи от центра почти не чувствовалось полного однообразия — его скрадывали начинавшие попадаться по пути маленькие мастерские, лавочки, украшенные затейливым узором въездные ворота и калитки. Но красоты городского пейзажа все-таки не открывалось.

Недаром Поспелов, суммируя впечатление об архитектурном облике города, в 1800 г. писал: «Как архитектурный стиль домов совершенно в небрежении, то сие и не делает большого на оный город внимания», добавляя при этом, что и «дома владельца и других лучших чиновников тоже не имеют ничего особенного и отличаются одной только обширностью». Таким же представлялся Ташкент и другим путешественникам — Миллеру, Бурнашеву, Вяткину, Назарову и прочим. Но за этим скучным однообразием внешнего облика городских улиц таилась скрытая дувалом незатейливая красота домашних двориков, как правило, чисто выметенных, засаженных виноградниками и цветами, около которых протекал маленький домовый арычек.

Миллер — первый из русских официальных лиц, побывавший в Ташкенте, и Назаров, описавший город в 1813 г., смотрели на Ташкент глазами путешественников-туристов, так как служебные дела их здесь почти не отвлекали. И Миллер первым поведал русским об этой скрытой красоте, в частности о красоте приемных помещений на мужской половине дома, стены и потолок которых украшались в зажиточных домах затейливой художественной резьбой по ганчу, росписью красками, а двери и ставни изящным ор-

наментом, работы местных умельцев художественной резьбы по дереву — накшкешей. Подметил Назаров и поразившее его разделение ташкентских дворов и домов на две половины — женскую (ичкари) и мужскую (ташкари). «Мужчинам,— писал он,— под строжайшим наказанием запрещается видеть женщин, даже родные не имеют права входить в комнаты родственниц». Женщины и девочки старше 11 лет не могли появляться на мужской половине (если там был кто-то из посторонних) или на улицу без покрывала, скрывавшего ее лицо и фигуру. Не хоронясь, накинув на всякий случай головной платок, могли женщины посетить лишь своих соседок, во двор к которым они могли пройти внутренними ходами, через лазы в дувалах, тщательно оберегаясь от встречи по пути с мужчиной или мальчиком. Выйти на улицу даже накрытой чадрой было возможно, только спросив разрешение у мужа. Поэтому вплоть до Великой Октябрьской революции в Ташкенте, как и во всех городах мусульманского Востока, на улицах бывали лишь мужчины. Женщина была чрезвычайно редким прохожим, а если ей, закутанной с ног до головы, с лицом, завешанным плотной волосяной сеткой, и доводилось оказаться на улице, она торопилась быстрее покинуть ее, боясь любого встречного и приниженно уступая ему дорогу.

Чем ближе подъезжал путник к центру города, тем чаще встречались прохожие, попадались груженные кладью ослики, арбы, проезжали верховые, приехавшие в город из районов. И хотя улица была еще тиха и почти молчалива, все же чувствовалось приближение к деловому центру города.

В Ташкенте было несколько базаров. Главный из них размещался в центре города и назывался,— как писал Миллер,—«Иттистан». Существует мнение, что это наименование означает «крытый рынок», однако оно противоречит описаниям очевидцев. Говоря о ташкентском базаре 1800 г., Поспелов указывает, что на его территории «для торговых людей по различию товаров сделаны перегородки, а отчасти лавки» и ничего не говорит о том, что рынок был крытым. Для русских людей XVIII в. такое сооружение являлось новинкой, не обратить внимание на которую Поспелов не мог. Очевидно, Миллер, не знавший языка и плохо воспринявший на слух местные выражения, исказил бытовавшее в Ташкенте название «Регистан»; воспомина-

ние о нем дошло и до наших дней в наименовании арыка, который протекает по базарной территории современного Октябрьского колхозно-совхозного рынка[1]. «Тут же поблизости,— продолжает Поспелов,— находятся харчевни и бойницы для битья скота, где чистота так, как и во всем городе, мало соблюдается».

Учитывая, что вплоть до 30-х годов XX столетия вблизи «старогородского базара» существовала около медресе Кукельдаш на Чорсу целая улица, сплошь застроенная чайханами и ашханами, а рядом с нею в низине джара шла торговля скотом, зачастую тут же забиваемым, следует признать, что местностью размещения харчевен в 1800 г. являлось Чорсу и улица, соединявшая его с главным базаром.

На базаре Регистан торговали товарами среднеазиатского, индийского, персидского, кашгарского, китайского, ташкентского, российского производства; с него они расходились по всем каналам ташкентской международной торговли; он являлся одним из пунктов, через который российские товары поступали на юго-восточные рынки, и важным пунктом, через который шли на степной рынок товары среднеазиатского оазиса.

Активными организаторами торговли выступали ташкентские купцы. Они развивали свою деятельность на всей территории казахской степи, совершая в аулы далекие индивидуальные поездки; соединялись в крупные группы, организовывали караван и во главе с караванбашем, иногда в сопровождении вооруженной охраны, отправлялись в торговые путешествия к сибирским русским городам — Петропавловску, Семипалатинску, Троицку, к новому русскому меновому двору в Орске и Оренбурге, в далекие города Кашгара, Индии, Афганистана. Особенно часто ташкентские купцы отправлялись в Ферганскую долину и Бухарское ханство.

В XVIII в. в связи с запустением города и упадком экономической жизни Ташкента роль местного производства в обеспечении товарами заграничной торговли значительно сократилась. «Ташкентцы,— писал Поспелов,— покупают нарочитую часть, особливо ж бумаги и шелку из

[1] Территория Октябрьского колхозно-совхозного рынка в 1964 г. подвергалась реконструкции, в ходе которой арык Регистан был пущен по трубам под землей. В местности, где это было сделано, ныне разбит красивый прибазарный сквер.

соседних владений, которые таковыми изделиями более избыточествуют. Покупное же вместе с ним (собственным) обрабатывают... как для себя, так и на продажу посторонним». С освобождением города от зависимости, его объединением и образованием государственной власти, в которой участвовали руководящие представители посада, открылись возможности восстановления и дальнейшего развития экономической деятельности Ташкента.

Характерной чертой ташкентского городского базара XVIII столетия являлось полное или почти полное отсутствие на его территории ремесленных производств. Он был только центром, на котором торговали купцы и кустари-ремесленники, выступавшие в качестве продавцов готовой продукции своего ремесла.

Ремесленное производство Ташкента сосредоточивалось в махаллях. Ремесленники длительное время работали на дому по той отрасли производства, которую они наследовали от своих отцов. В результате некоторые махалли получили значение даже локального центра определенной отрасли ремесленного производства. Оно давало наименование и самой махалле (например, дегрез — чугунолитейщиков, игарчи — седельников, парчабаб — ткачей, махсидуз — изготовляющих кожаную обувь, чулки, кунчилик — кожевников и т. д.), но в большинстве случаев ремесленники, не сообразуясь со специальностью, были разбросаны по всему городу. Поэтому ни один из русских наблюдателей, посещавших Ташкент в XVIII в., не оставил нам перечня существовавших в городе отраслей ремесленного производства. Между тем в Ташкенте в XVIII столетии, как удалось выяснить по некоторым документам ташкентских купцов, представленных ими российским властям в пограничных русских городах, процветали ремесла самых различных отраслей.

Широко было представлено *ткацкое* производство (бязи белые, бязи крашеные, пестряди, выбойки, кутни, занавесы, кушаки, тесьма), *прядильное* (хлопковая пряжа), *шелкоткацкое* (полушелковые ткани и кушаки), *парчеткацкое* (парчи), *красильное* (окраска пряжи и набивка тканей), *скорняжное* (меха из лисьих лап, из козьих лап, из мерлушек), *шубное* (шубы овчинные крытые и некрытые, мерлушчатые, тулупы), *портняжное* (халаты мужские и женские хлопчатобумажные, полушелковые, шелковые, шерстяные и парчовые; закройки халатов, поступающие в про-

Доменная печь в «старом» городе. Махалля Дегрез (чугунолитейщиков), конец XIX в.

дажу в нешитом виде, рубахи мужские хлопчатобумажные, шелковые и полушелковые, зарукавья суконные), *шапочное* (шапки, шапки из выдры, из лисьих лап), *кожевенное* (выделанная козлина, овчина, конские и коровьи кожи), *сапожное* (ичиги, сапоги юфтовые, калоши кожаные), *шерстевалъяльное* (попоны, армячная ткань), *седельное* (седла), *шорное* (сбруя конская, ужовки, ремни), *ковровое* (ковры ташкентские), *золотошвейное, ювелирное* (серьги «ташкентские»), *чугунолитейное* (утварь, наконечники для омачей и др.), *кузнечное и слесарное* (убор конский, удила, стремена, клейма, кованые гвозди, ножи и др.), *мукомольное, рисообдирочное, гончарное, столярное, деревообделочное, арбяное, чеканное по металлу* и разного вида художественные промыслы—*резьба по металлу* (личные печати), *переплетное дело, оружейное* (холодное оружие — наконечники копий, стрел, булавы, топоры), *военное* (изготовление пороха, снарядов и пуль).

Как видно из этого, видимо, неполного перечня, значительное количество отраслей ремесленного производства было ориентировано не только на местный, но и на внутренний и на внешний рынки. Однако объем их деятельности в XVIII в. в связи с ослаблением внешней торговли и в результате происшедших в начале века политических потрясений был еще невелик.

Ремесленное производство не отличалось и высоким уровнем технического совершенства; по свидетельству Поспелова «сами ташкентские обитатели признаются, что ткацкое производство в чистоте (т. е. по качеству выработки) уступает еще другим (среднеазиатским) владениям». Однако это замечание было справедливо лишь в отношении данной отрасли производства, так как местные ткани шли на широкий рынок казахского кочевья, где помимо дорогих хлопчатобумажных тканей хорошей отделки требовался дешевый товар для рядовых кочевников.

«Между немногими заведениями, т. е. производствами, продолжает Поспелов, предпочесть можно литье чугуна. Для плавки его из руд, в небольшом числе (количестве) приготовляемых, сделан горн, и посредством ручных мехов в действие приводится. Из выплавленного же чугуна льется различная посуда.., которая продается всем, надобность в ней имеющим». Этот же наблюдатель отметил и начало литья в Ташкенте медных пушек «из меди, привозимой из России».

М. Поспелов лично ознакомился с литейным производством в махалле Дегрез[1] — индустриальном центре Ташкента. Его, как горного инженера одного из крупнейших в России районов горнорудного производства, особенно заинтересовало именно литейное дело. Оно было наиболее сложным, технически оснащенным и в глазах местного населения самым показательным, так как в XVIII в. чугунолитейное производство имелось только в Ташкенте, базировалось на ташкентском местном сырье, а в других местах Средней Азии вовсе не сохранилось (кроме некоторых сельских плавилен в районе Памира).

Осмотр показал М. Поспелову рутинность литейной техники, отсталость и примитивность ее по сравнению с передовым для того времени литейным производством России, и, так как Поспелов не был знаком с уровнем технического совершенства среднеазиатских ханств, подсказал ему неправильный вывод, что: «ташкентские ремесла вообще не показывают искусства и не заслуживают быть описаны». Между тем известно, что по целому ряду отраслей ремес-

[1] Махалля Дегрез находилась вблизи от базара в районе Ходы. После реконструкции городской территории на месте, ранее относившемся к махалле Дегрез, ныне находится часть обширной Комсомольской площади — ее участок с фонтаном и ближайшими к нему домами нового строительства.

ленное производство Ташкента стояло на уровне технического развития феодального ремесла Средней Азии XVIII в.; правда этот уровень был низок и не мог сравниться с российским, поэтому и вызвал такой неблагоприятный отзыв Поспелова.

Завершая характеристику ташкентских торговых центров, следует указать на наличие в нем еще двух крупных специализированных рынков, которые имели важное значение в торговой деятельности ташкентского населения. Один из них — скотопригонный рынок — находился в северной, ближней к степи половине города и размещался в местности Хаст-Имам. На нем активно действовали ташкентские прасолы-купцы гуртовщики, оптовые торговцы скотом, закупавшие его крупными партиями не только на ташкентском базаре, но и непосредственно в степи и реализировавшие скот и другие продукты животноводства (кожсырье) на ташкентских рынках и за пределами Ташкента — в Ферганской долине, в Бухарском ханстве и даже в пограничных городах России.

В связи с деятельностью скотопригонного базара в данной части города сложился и существовал целый ряд производств, занятых обработкой продуктов животноводства (кожевенные ремесленные производства кукчинской и сибзарской частей города). Ее жители приобретали специфические специальности, позволившие им обслуживать прасолов (выделилась целая группа «псарей»—«сагбан», место преимущественного сосредоточения которых и до сих пор напоминает наименование одной из улиц города — Сагбан, или реализовывать продукты животноводства (мясники — кассоб) и т. п.

Другим важным специализированным базаром являлся Галля-базар или зерновой по продаже продуктов полеводства. Он находился в центре города близ Чорсу и имел значение рынка, который снабжал главным образом кочевье (киргизы, кочующие близ урочищ Ташкента, пользовались от него хлебом, пшеницей, мукой, просом, джугарой (кукурузой) и прочими продуктами местного земледельческого хозяйства). Помимо купцов, осуществлявших сбыт этих продуктов на городской и степной рынки, на нем активно участвовала известная часть махаллинского населения города, имевшего товарные излишки собственного сельскохозяйственного производства. Основным районом сосредоточия, связанного с зерновым хозяйством,

мукомольного и рисообдирочного ремесленных производств, являлись близлежащие бешагачская и шейхантаурская части города (в районе большого джара — оврага по арыку Анхор), однако эти виды производства были широко распространены по всем районам города, так как они обслуживали и бытовые потребности махаллинского населения, в основном снабжавшего себя продуктами питания за счет сельскохозяйственных работ на выделенных им участках общинной земли в маузах.

Таким образом, городское население Ташкента в своей подавляющей массе было непосредственно связано с товарным хозяйством и в той или иной степени участвовало в ремесленной или торговой деятельности.

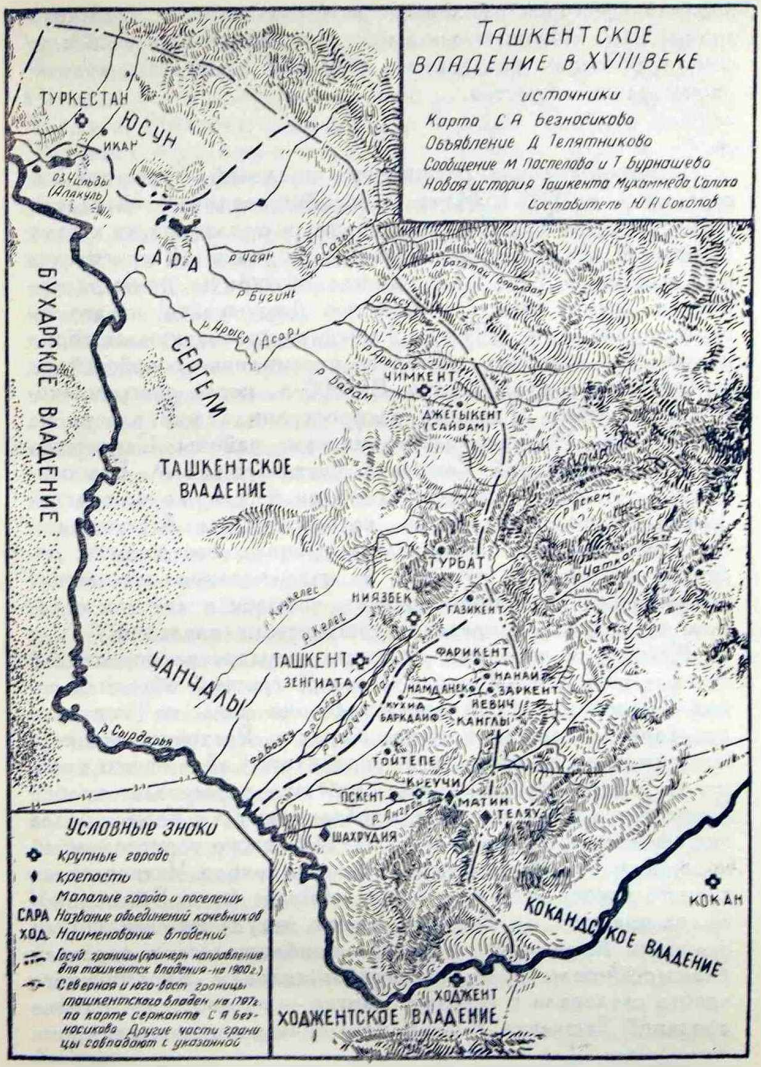
Нам неизвестна степень имущественного и социального расслоения городского населения Ташкента XVIII столетия. Однако оно имело уже глубокие различия и делилось на имущественно и социально неравные группы, хотя и сохранившие внешнюю связь между собой, являясь «махаллинцами». Помимо явного наличия среди городского населения имущественно сильной торгово-ремесленной верхушки, полностью связывавшей свою деятельность с международной торговлей Ташкента, имелись и менее развитые и вовсе не обеспеченные слои населения. В этом нам помогает убедиться перечень терминов, которые Мухаммед Салих Кори Ташкенди употребляет для определения ташкентских жителей. Называя городское население собирательным термином «фукара» (народ), он неоднократно упоминает наравне с этим «факирон» (бедняки), «мустахон» (нуждающиеся), «арбоб» (зажиточные). И всегда отделяет фукара от феодальной группы местного общества, как бы противопоставляя их друг другу. К числу второй группы местного общества Мухаммед Салих Кори Ташкенди относит: «акабор» (вельмож), «мутасадиан» (занимающих государственные должности), «улема» (высокопоставленное духовенство), «ходимы» (царедворцы), «мулаземы» (состоящие в свите, ожидающие должности). Это был, в основном, пришлый элемент. В Ташкенте не сложилось благоприятных условий для формирования местного феодального сословия. Чрезвычайно частая смена господствовавшей над городом военно-феодальной среды, как правило, не имевшей связи с местным населением, в большинстве иноплеменников, которые свергались с пьедестала последующими захватчиками, не спо-

собствовала закреплению феодальной собственности в руках определенного контингента военно-феодальной знати. А неоднократно происходившие захваты города кочевыми племенами, не признававшими ислама, лишавшими мусульманскую церковь государственной поддержки, а иногда подвергавшими ее даже гонениям (при джунгарах, например), не способствовали появлению и крупного феодального церковного землевладения. Таким образом, городское население было и оставалось единственным собственником обрабатываемой земли, принадлежавшей ташкентским махаллям, и в его среде в XVIII в. еще не сложилось таких условий, которые способствовали бы возникновению в городе собственного феодального сословия, обладающего материальной основой для политического влияния на горожан.

Ташкентский городской посад развивался в не совсем обычных для среднеазиатских городов условиях, и это нашло свое отражение в его истории. Своеобразие государственной организации, сложившейся в Ташкенте с приходом к власти Юнуса-Ходжи, является этому одним из исторических примеров.

В рамках Ташкентского государства город стал довольно быстро развиваться. Росла и численность его населения. У нас нет данных, статистически точно определяющих численность ташкентского городского населения в XVIII в. Однако сведения о количестве домовладений, которые дали русские путешественники и послы, позволяют судить, что за 16 лет независимого существования численность городского населения заметно возросла. В 1740 г. Миллер полагал в городе около 6 тысяч домовладений, в 1796 г. Д. Телятников считал их около 7 тысяч, а в 1800 г. Поспелов и Бурнашев определяли их численность около 10 тысяч. Несмотря на условность этих данных, так как ни один из информаторов не пересчитывал домовладения, а пользовался расспросными сведениями, они показывают, что после организации твердой власти в Ташкент начался быстрый приток населения. Его источниками были возвращение в город временно выехавших от неурядиц местных горожан и приток жителей из кочевья.

Общая численность населения города к концу XVIII в., по нашим подсчетам, составляла несколько более 40 тысяч человек. Ташкент был в это время наиболее крупным, после Бухары, городом Средней Азии. А его население в



Ташкентское владение в XVIII в. (схема).

подавляющем своем большинстве было связано с товарным хозяйством, и значительная масса его относилась к передовому в условиях феодального общества ремесленно-купеческому слою общества.

* * *

Территориальное расширение владений Ташкента завершилось к 1800 г. Начав с восстановления своей власти на территории Ташкентского оазиса и прилегающих к нему Келесской степи и правобережья Чирчика, Ташкентское государство к 1794 г. подчинило обширную присырдарьинскую долину вместе с областью Джетыкента[1] на его северном рубеже. В 1799 г. к Ташкенту присоединился город Туркестан, правители которого стремились освободиться от Бухарского владычества. В 1800 г., после разгрома кокандских войск, Ташкент распространил свою власть на левобережье Чирчика и Кураминские районы. Схематический план владений Ташкента, составленный А. Безносиковым[2] в 1796 г., и перечень городов, поселков и местностей Ташкентского государства, которые даны Мухаммедом Салихом, позволили определить границы государства, перечень населенных пунктов и наименования племенных объединений кочевников, районы зимовок и летовок которых находились в пределах ташкентских владений.

Южную и западную границы государства определяло течение реки Сыр-Дарьи. На севере граница обходила город Туркестан. На северо-западе она шла по контакту предгорий с горным хребтом Каратау. Восточная граница проходила по предгорьям Боролдайтау, Сайрамского хребта, в районе Сайрама шла на юг, пересекала хребет Кржентау и следовала по правобережью реки Угама. Далее она продолжалась по гребню Алмазарского горного массива, к югу от Ходжикента проходила около Чаткальского горного хребта и по водоразделу Шавас сая и Безымянного сая подходила к селению Аблык, откуда юго-западными склонами Кураминского хребта приближалась к перевалу Мамырсай-бель и по восточным склонам Кураминского хребта следовала к селению Сангар — юго-восточной точке владений Ташкента. В числе поселений упоминаются, кроме

[1] Область Сайрама — современного кишлака в 8 километрах от Чимкента.

[2] А. Безносиков — русский посланник, неоднократно направлявшийся в Ташкент в составе русских посольств XVIII в.

Ташкента, города Сайрам, Туркестан и Шахрудию[1], поселки Фарикент (Паркент), Намданак, Аданак, Тойтюбе, Кереучи, крепости Матин и Кахрак на реке Ангрене и Саткент. На правобережье Чирчика упоминаются крепость Чардара, Ниязбек, Дурманча и Турбат. Степные районы Чирчикской долины с юга и близ Ташкента были заселены кочевыми племенами, известными тогда под общим наименованием «чанчалы». По приарысскому району и в степи между песчаным массивом Алкакуль-кум и горными районами были кочевья Сергелей, а к северу от реки Арыси — кочевники Сара. Вблизи города Туркестана размещались кочевья племени юсун.

Какова была численность населения кочевья, неизвестно. Можно лишь предполагать, что она мало изменилась в последующее столетие, хотя кочевые племена частично уходили за пределы этих границ, но в дальнейшем вновь возвращались. Лишь кочевники юсун, ряд родов которых выселился на новые земли в районе реки Нура в период подчинения города Туркестана Ташкенту, не возвратились обратно. Поэтому, опираясь на сведения о кочевых племенах, обитавших в этих районах, на 1864 г. можно считать, что в ташкентских пределах в XVIII в. было около 18 тысяч юрт, в которых проживало около 100 тысяч человек[2]. Точнее определяется численность оседлого населения. В соответствии с данными русских посольств, оно доходило до 52 тысяч человек. Таким образом, основную массу населения Ташкентского государства составляли кочевники.

Однако расселение и соотношение численности кочевого и оседлого населения, обитавших в исконно связанных с Ташкентом районах — Чирчик-Ангрен-Келесской долине и подчиненных Ташкентом северных и западных районах, было неравномерным. Большая часть жителей (61%) обитала на основной территории владения (Чирчик-Ангрен-Келесский район), причем около половины жителей этого района составляло оседлое население. В приобретенных же Ташкентским государством западных и северных районах главную массу населения (90%) составляли кочевники.

[1] Ныне холмы, южнее Пскента, близ низовий старого русла реки Ангрена.

[2] Средняя заселенность юрты в Казахской степи установлена проф. *В. Ф. Шахматовым* равной 5 чел. См. его «К вопросу о расслоении казахского аула в первой половине XIX века», Алма-Ата, «Вестник АН Казахской ССР» № 7, 1957 г.

Это обстоятельство вызвало серьезное изменение в соотношении военно-феодальных сил и сил Ташкентского посада; до 1799 г. Ташкентский посад был почти средоточием оседлого населения государства: 84% оседлых жителей района жили в Ташкенте и составляли 43% всего населения. С приобретением же новых районов, численность ташкентских горожан в составе населения государства снизилась до 26% и оно потеряло первенствующее значение, которое имело как крупная сила в государстве. Ташкентский городской посад потерял свое преимущество массовости и это имело немаловажное значение для дальнейшей истории Ташкентского государства.

* * *

Государственная политика Ташкента на первом этапе существования независимого государства определялась Ташкентским городским посадом, так как посад и его городское военное ополчение составляли главную и единственную в первые годы силу государства. Однако такая свобода действий была бы невозможной, если бы Ташкентскому посаду не благоприятствовала в этом общеполитическая обстановка в Средней Азии.

Третья и последняя четверть XVIII столетия в Средней Азии и Казахстане характеризовалась внутренней неустойчивостью политической жизни и междоусобной борьбой отдельных феодальных клик между собой. Бухарское и Хивинское ханства, разгромленные в 1740 г. войсками Надир-шаха, овладевшего властью в Сефевидском Иране, еще не оправились от потрясения, а внутри их шла острая борьба феодальных группировок за утверждение своего господства в государстве. Ферганская долина, оторвавшаяся от Бухарского ханства в период надиршаховского нашествия, оказалась феодально раздробленной и в ней тоже началась ожесточенная борьба феодальных групп за верховную власть, причем активное участие в этой борьбе приняли и многочисленные группы обитавших в тех районах кочевников. В казахстанском кочевье падение джунгарского владычества вызвало острую борьбу различных и неустойчивых группировок феодально-племенной знати за утверждение господства в степи.

В этой обстановке общей междоусобной свары Ташкент и его округа не привлекли внимания феодальных группировок, и город оказался в стороне от событий, разв

ернувшихся внутри каждого из соседствующих государств Средней Азии и казахстанского кочевья, что было одним из важнейших обстоятельств, которое определило возможность создания в Ташкенте самостоятельной государственной власти, внутренняя структура которой сложилась соответственно соотношению социальных сил в Ташкенте.

И можно с достоверностью сказать, что в первый период существования Ташкентского государства все важнейшие государственные мероприятия, а именно: расширение и укрепление торговых связей с Россией, подъем местного производства, возрождение и развитие горнорудной и металлургической промышленности и обеспечение государства от иноземных захватов осуществлялись по инициативе городского посада и при его непосредственном участии (даже в военных предприятиях). Они не вызывали не только противодействия Юнуса-Ходжи и его окружения, но находили всемерную поддержку, так как соответствовали и их интересам. Эти государственные мероприятия вели к расширению сил феодальной группировки за счет феодально-племенной знати подчиняемых кочевых племен, давали возможность роста доходов казны путем увеличения сумм зякетных сборов, обеспечивали улучшение вооружения за счет приобретения военно-стратегического сырья и подъема местного металлургического производства.

Итак, общепризнанным курсом государственной политики являлось укрепление и расширение внутренней экономической базы государства. Единственно возможным к этому средством являлось максимальное расширение связей с Россией, так как ни одно из сопредельных с Ташкентом государств, по уровню собственного развития, было не способно дать необходимую Ташкенту помощь и создать действенные условия для его экономического подъема.

Первым значительным шагом в осуществлении этой политики было направление в адрес Западно-Сибирской администрации России послания Юнуса-Ходжи следующего содержания:

«В это благоприятное время да будет известно высокому двору великого царя, что слава аллаху и по его святой воле, в положении нашей страны, благодаря безграничному покровительству великого аллаха, достигнуты здесь благополучие, добрые дни и процветание.

Мы выражаем надежду, чтобы и наши друзья пусть многие годы будут (в) благополучии и (всегда) пусть

будут обладателями авторитета в здешнем и в том мире.

Затем пусть не будет скрыто от Вашего ума, что (ныне) подчинены нам вся казахская орда и большая орда и Ташкентская область и что они (все теперь) одна голова и одно тело, что все (наши люди) стали другом (наших) друзей и врагами (наших) врагов и что (все они как бы) из одного рта испускают слово и из одного воротника высовывают голову.

В это-то благоприятное время, написав письмо и приложив (к нему) печать, мы (и) послали (к вам) Мухаммед-Ходжу с Азизом-Ходжой, сделав их караван-башиями и присоединив к нему найденных нами купцов.

Если по соизволению великого аллаха они благополучно и невредимыми доедут и расскажут о нашем благополучии и благоденствии, то верьте им.

И Вы тоже (со своей стороны) тех купцов, которых найдете, посылайте в нашу сторону (для торговли).

Если великий бог соизволит, то (у нас, как говорит пословица) если что сделает отец — то сына не тронут, если сын, что сделает, отца не тронут. Между нашими людьми (теперь) грабительство ликвидировано.

Вы также укажите купцам, чтобы и они друг другу не причиняли вреда, и сделайте, чтобы (торговые) люди (ваши) почувствовали себя спокойными (за свои дела во время поездки в Ташкент).

А (также) пусть господин генерал и господин полковник о тех купцах, которые (от нас) к Вам едут, имеет попечение.

О всем же остальном, если что будет говорить Мухаммед-Ходжа и Азиз-Ходжа, имеющие на руках это (письмо), что (они) устно скажут, тому и верьте».

На оригинале стоит печать Юнуса-Ходжи. Она представляла собой вытянутый по ширине шестигранник, на котором были вырезаны имя Юнуса-Ходжи и окаймление в форме узкой ленточки вдоль внешнего края печати, украшенное растительным орнаментом того стиля, который очень характерен для орнаментальных узоров ташкентской бытовой резьбы по дереву.

Это послание, написанное на староузбекском языке, ошибочно караван-баши (по незнанию) вручили не начальнику Сибирской линии, а коменданту Петропавловской крепости генералу Боуверу. В связи с этим оно было доставлено адресату лишь в январе 1794 г. А приехавшие

вслед за этим в Омск ташкентские посланники заявили, что 13 января 1794 г. дополнительно к посланию Юнус-Ходжа поручил им устно передать о том, что... «если позволено ему будет, намерен к высочайшему российскому двору послать от себя посланников» и что он приказал также узнать, в связи с обнаружением под Ташкентом золотоносных россыпей у горы Наудаг, и неимением в государстве соответствующих квалифицированных специалистов, которые бы хорошо могли разобраться в качестве этих руд, что: «нет ли таковых людей здесь, в русском государстве» и что в будущее лето (Юнус-Ходжа) и сам просить их (мастеров) не оставит»[1], добавили посланные.

С приездом Мухаммеда-Ходжи Рахима оглы в Омск России впервые стало известно о существовании независимого Ташкентского государства, и обращение Юнуса-Ходжи вызвало здесь большой интерес. Сообщение о послании Юнуса-Ходжи немедленно было направлено в Петербург для получения соответствующих указаний и распоряжений центрального правительства, а ташкентских посланников детально расспрашивали о Ташкентском государстве и получили от них письменное сообщение о хозяйственной, торговой и политической жизни Ташкента. Оно имеет много интересных сведений, наиболее важные из которых приведены нами и в данной работе.

Между тем слухи об открытии близ Ташкента (гора Наудаг не определена нами, но, по-видимому, местность эта находилась примерно к 45 км от Ташкента) золотоносных земель дошли до разных пунктов западно-сибирской пограничной линии России и привлекли внимание русского купечества и местной пограничной администрации. Последняя тем более прислушалась к таким сообщениям, что Россия XVIII в. усиленно разыскивала источники расширения золотого запаса государственного казначейства. Что же касается купечества, то оно увидело в этом возможности развития собственного предпринимательства. Об этом свидетельствует заявление коменданта пограничного города Усть-Каменогорска полковника Аршеневского, направленное начальнику Сибирской линии еще 24 декабря 1793 г.: «Купцы в Усть-Каменогорске торгующие,— говорится в заявлении,— «охотно берутся составить капитал и отправиться в Ташкент с тем токмо, чтобы дано было им прикрытие (военная охрана — *Ю. С.*) и одобре-

[1] Цитируется по документам архива Омской области.

ние (т. е. соответствующее ходатайство) к начальнику Ташкении»

Такую инициативу русского купечества центральное правительство не поддержало; оно дало начальнику Сибирской линии генерал-майору Штрандману иные установки. Предложив, чтобы ташкентским посланцам была оказана: «пристойная ласка и приязнь», предписывалось передать Юнусу-Ходже через его посланников, когда последние захотят отправиться в обратный путь, письмо, в котором сообщить:

1. К установлению обоюдной торговли и к обещанию «о сохранении безопасности и дружественном приеме в Ташкении русских купцов» императрица Екатерина II отнеслась благожелательно.

2. Правовое положение ташкентских купцов, приезжающих по торговым делам в Россию, будет характеризоваться такими же защитой и свободой, какой пользуются «приезжающие из дружественных земель иностранцы».

3. Если «для лучшего условления об установлении торгового соглашения» Юнус-Ходжа желает прислать от себя доверенных людей, «то государыня принять их соизволяет».

Вместе с тем Штрандману давались распоряжения о том, чтобы русским купцам, отправляющимся торговать в степь и Ташкению, ездить: «без провождения военной команды», так как малая бесполезна, а большая может «произвести тревогу и беспокойство местных жителей»... Во-вторых, поручалось «под благовидным предлогом» отправить одного или двух «надежных и смышленных людей (буде только сие отправление учинено быть может без подвержения их самих опасности)» в Ташкент для личного ознакомления с государством, чтобы сведения о нем основывались не только на односторонних объяснениях самих ташкентцев.

Это распоряжение послужило основанием к отправке из Омска в Ташкент первой русской посольской миссии в составе сержанта 4 мушкетерского батальона Алексея Севастьяновича Безносикова и второго класса унтершихтмейстера (горного инженера) Тимофея Степановича Бурнашева. В качестве благовидного предлога миссии было поручено выкупить несколько (шесть человек) русских пленников и для маскировки приказано было ехать через Бухару и Ходжент, к правителям которых были даны письма с

указанием имен пленных, которых следовало выкупить в их владениях.

Особо от этих писем А. Безносикову было вручено письмо к Юнусу-Ходже, в котором излагался ответ правительства России на его послание и указание, что в случае направления ташкентского посольства в Россию, его отправить вместе с русскими посланниками, организовав их одновременный выезд из Ташкента. В качестве персональных заданий А. Безносикову поручалось описать и нанести на планшет путь следования, а Бурнашеву познакомиться с горнорудными месторождениями, определить золотоносность обнаруженных земель у Наудага и ознакомиться с хозяйственной жизнью Ташкента.

Один из видных в России деятелей культуры XIX в. Г. И. Спасский, характеризуя значение российской политики в Средней Азии XVIII в., писал: «в то самое время, когда в Англии общество африканских открытий, через предприимчивого Мунчо Парка, устремило изыскания свои к приращению науки и торговли во внутренность Африки, российское правительство в последние годы царствования императрицы Екатерины II, движимое одинаковым духом ревности, обращает внимание на обширные киргиз-кайсакские степи, Бухарию и Ташкент,— страны, отделенные от Африки великим материком, различные в климатах, но сходствующие неизвестностью, политическим состоянием и многими местными обстоятельствами».[1] Нельзя не отметить в связи с этим, что организованная в 1788 г. в Лондоне «Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки», под флагом научных путешествий или посылки миссионеров для «приобщения» к христианству «диких народов» Африки, фактически открывала дорогу английским колонизаторам, и сама Англия не имела до того никаких связей и отношений с африканскими народами. Районы внутренней Африки были для Западной Европы совершенно невиданной страной, а англичане и другие европейцы для местных народов — неведомыми и незваными людьми. Между тем у России была почти двухтысячелетняя практика взаимных отношений со Средней Азией и за все это время она не принимала мер к ее колонизации. И Бурнашев с Безносиковым так же, как и все другие офи

[1] Сибирский вестник, изд. Г. Спасским, ч. 2, СПБ, 1818, стр. 248.

циальные русские представители, не говоря уже, конечно, о купцах, не являлись путешественниками для открытия «новых земель» и не были миссионерами «для христианизации» местных народов и подчинения их через церковь контролю со стороны России; они были направлены в Ташкент за тем, чтобы правительство России имело возможность ознакомиться с фактическим состоянием вновь сложившегося государства с тем, чтоб знать, как отнестись к проявленной им инициативе.

Таким образом, оценка Г. И. Спасского совершенно лишена оснований. Политику России XVIII в. сравнивать с направлением деятельности «Ассоциации для содействия открытию внутренних частей Африки» совершенно неправильно. На самом деле и отношение России к среднеазиатским ханствам и ханств к России определялись совершенно иным характером взаимосвязей, устойчиво сложившихся в течение многих столетий. Представляет большой интерес один из местных среднеазиатских документов конца XVIII в., сохранившийся в делах Омского архива, касающийся Османской Турции. Подобно всем мусульманским странам Ташкентское государство было связано с Османской Турцией как со страной, правитель которой считался верховным главой мусульманской церкви, что в мусульманском мире было равноценно признанию османского султана главою всех мусульман, всего мусульманского мира.

Однако, когда оказавшаяся в войнах с Россией (1787—1791 гг.) Османская Турция, терпя поражения, сделала попытку использовать влияние султана для организации религиозно-политического союза с Ташкентским и вообще со среднеазиатскими государствами, а также с мусульманами казахской степи и обратилась к ним с настойчивым призывом к совместной войне против России, она потерпела неудачу[1].

[1] Турецкое послание по этому поводу было размножено в Бухаре. Вот содержание этого документа, одна из копий с которого, направленного в адрес казахских старшин Сигизбая и Сатыма, была доставлена сибирским властям и сохранилась в Омском архиве: «Ныне с посланцем владеющего законом Мухамметанским Султана Турецкого привезено письмо такого содержания: Россия, преклоня голову к немцам и будучи с ними в одном согласии, яко противники закону нашему, имеют с турками войну. А так как ваш народ находится в недальнем расстоянии от России, то должны Вы в той войне стать в известности, если Вы верите в бога и стараетесь исполнять его законы, то и должны вы со всей охотою дать Султану Турецкому

Среднеазиатские государства, народы Казахстана и Киргизии, искавшее связи с Россией Ташкентское государство, не откликнулись на призыв турецкого султана. Война с Россией не отвечала интересам народов Среднего Востока, и народы Средней Азии и Казахстана не выступили против России, несмотря на обещанные султаном кары за ослушание.

Однако возвратимся к описанию поездки русских посланников в Ташкент.

Миссия А. Безносикова — Т. Бурнашева не прибыла в Ташкент. В Бухаре она была остановлена бухарскими властями, заявившими, что вопрос об освобождении пленников они разрешат через собственную администрацию, а посланники совместно с бухарским посольством в Россию были возвращены в том же 1795 г., обратно.

Через два месяца после этого начальник Сибирской линии вновь отправил миссию в Ташкент другой дорогой, минуя бухарские земли. Посланники — А. Безносиков и Т. Бурнашев, выехали с Иртышской линии (крепость Ямышевская) по казахской степи и ташкентской торговой дорогой должны были прибыть в Ташкент через город Туркестан. Однако вследствие болезни Бурнашева выезд миссии из крепости Ямышевской задержался. Возвратившись из первой поездки больным, Бурнашев вынужден был отправиться вторично в путь, еще не совсем оправившись, и болезнь возобновилась. Все же члены миссии прибыли к кочевьям Чингиз-Султана — подданного России, на которого возлагалось поручение обеспечить дальнейшее продвижение миссии 17 декабря 1795 г. С трудом добившись от Чингиз-Султана согласия отправить миссию в такое позднее, зимнее время, А. Безносиков и Т. Бурнашев, в сопровождении провожатых, с запасными лошадьми, в январе 1796 г. отправились в сторону ташкентской дороги. Но, целый месяц стараясь пробиться к ней через горные пути, не смогли этого сделать. «В горах, на расстоянии от вышеописанных аулов (Чингиз-Султана) около 170 верст, весьма глубокий, а сверху льдом покрывшийся снег путь продолжать воспрепятствовал, а потому мы, обще с бывшим при нас Ишим-Султаном и прочими киргизцами почли за необходимость возвратиться обрат-

помощь, стараясь причинить России вред, начав с нею войну. Если же Вы уклонитесь от этого, то подвержетесь гневу божьему». (Омский обл. архив, ф. 1, оп. 1, д. 258, л. 21).

но»[1]. 8 февраля 1796 г. миссия достигла Иртышской линии у форта Подспудного и возвратилась в Омск. Позорный провал этой поездки, главным виновником которого являлся Штрандман, не посчитавшийся с состоянием здоровья Бурнашева и позже не принявший своевременных мер к его замене, за время пребывания миссии в Ямышевской крепости не сообщил правительству России об этой неудачной поездке, а расходы, понесенные на ее организацию, присоединил к отчету о расходах на Бухарскую и последовавшую Ташкентскую посольские поездки. Так, сведения о ней пролежали под спудом в делах военно-походной канцелярии Сибирского корпуса, а позже в архиве Омской области, 165 лет и лишь в 1960 г. стали достоянием исторической науки.

Итак, ответные письма Юнусу-Ходже снова возвратились в Омск. Их доставка в Ташкент потребовала организации новой посольской поездки.

На этот раз главой посольства был назначен только что получивший чин подпоручика казачий атаман Дмитрий Телятников, человек безусловно волевой и знакомый с казахской степью по прежним поездкам. Зная о неудачах своих предшественников, Телятников проявил должную требовательность к качеству снаряжения посольского поезда, в частности отказался принять закупленных ямышевским начальством лошадей, малосильных и ненадежных; конский состав подобрал лично. Телятников настоял, чтобы Штрандман разрешил взять в поездку в Ташкент трех из казаков отряда сопровождения, считая что двоим посланникам не следует ехать лишь в сопутствии проводников-степняков. Наконец, по его настоянию на весь путь следования был дан из военных складов продовольственный рацион (сухари, крупы, приправы), что было новостью для местного начальства, так как обычно отъезжающие брали с собой товары, которые в пути обменивались в аулах на продукты питания и необходимые предметы. Все эти меры значительно облегчили и ускорили путешествие.

Всего посольским поездом выехали в Ташкент 9 человек — шесть из них известны поименно: послы — казачий атаман, подпоручик Дмитрий Телятников, сержант драгунского Сибирского полка А. С. Безносиков, переводчик — казачий капрал Яков Быков, охрана — казаки линейного казачьего войска Данила Сайников и Андрей Жуков, сопровождающий посольство — сын Букей-Султана — Ишим-Султан, два казаха работника и проводник.

[1] Из донесения А. С. Безносикова начальнику Сибирской линии.

19 июня посольский поезд вышел из аула Чингиз-Султана и 27 августа благополучно прибыл в Ташкент.

Прибытие в Ташкент русского посольства было для жителей и властей государства событием желанным и экстраординарным. И как всегда при долгом ожидании, к приему посланников ташкентское правительство оказалось не готовым. Начались спешные хлопоты об организации приемной аудиенции у Юнуса-Ходжи. Она была дана посланникам 29 августа 1796 г. на второй день по их прибытии в город по всем правилам торжественного ритуала и оставила благоприятное впечатление у обеих сторон.

Ташкентцам не на что было сетовать. Россия благоприятно откликалась на все интересовавшие их вопросы. Не было повода быть неудовлетворенными и российским послам. Они, после вручения письма, получили полную свободу действий для личного ознакомления со всем, что их интересует в отношении Ташкентского государства и его народа, и заверение, что в течение месяца будет подготовлено все к тому, чтобы посланники могли отправиться в обратный путь.

Однако обратный выезд посольства неожиданно задержался. «Отряженные с нами депутаты, а с ними и проводник наш Ишим-Султан склонили хана отправление наше до весны остановить, что от хана нам и объявлено»,— писал Д. Телятников. В связи с задержкой Ташкентское государство приняло содержание посольства на свой счет, и посланники вынуждены были пробыть в Ташкенте почти целый год. Ишим-Султан не остался в Ташкенте, а уехал зимовать к своему отцу, жившему в то время в селении Икан (около города Туркестана).

Теперь у посланников оказалось много свободного времени. Они уточнили и пополнили наблюдения и явились в последующем в Омск с очень интересными материалами, представлявшими для России большую ценность. Д. Телятников письменно изложил важнейшие из них в поданном генералу Штрандману «объявлении», которым охарактеризовал все стороны жизни Ташкентского государства. А. Безносиков составил схематическую карту Ташкентского государства и маршрутный чертеж пути от

Ташкента до Омска. Эти материалы не потеряли познавательного значения для историков Узбекистана и до наших дней.

Русское и Ташкентское посольства совместно с ташкентским торговым караваном выехали в обратный путь из Ташкента 1 июня и прибыли на линию к форту Коряковскому 23 июня 1797 г.

К этому времени на троне в России уже был Павел I. В связи с этим комендант форта Коряковского генерал-майор Шрейдер первым делом привел возвратившихся на родину посланников и сопровождавший их конвой к присяге на верность новому императору, после чего отправил их в Омск. Были отправлены туда и ташкентские посланники.

Состав Ташкентского посольства был определен уже в августе 1796 г. В качестве посланников направлялись Мулладжан-Ахун Магзум и Ашур-Али Бахадур мингбаши — известные и уважаемые люди Ташкента. Юнус-Ходжа называл их своими «хорошими друзьями» и представлял российскому правительству в качестве «людей, желающих добра Ташкентскому государству».

Эти посланники и настояли, чтобы время выезда было отложено до лета, выдвигая причиной трудность путешествия по России в зимнее время. Поездка была отложена но, по-видимому, действительной причиной задержки была не боязнь трудностей зимнего пути, а другие соображения.

Для Мулладжана-Ахуна Магзума и Ашура-Али Бахадура так же, как и для их современников-ташкентцев, посольская поездка в Петербург была выходящим за рамки обычного случаем, который не мог не вызвать живого интереса руководящих групп местного общества. Это была первая поездка ташкентских представителей непосредственно в Петербург и в такое время, когда утвердившее свою самостоятельность Ташкентское государство, окруженное недружелюбными соседями, еще недостаточно окрепло в военном и хозяйственном отношениях и нуждалось в поддержке со стороны сильного государства.

Учитывая своеобразие внутригосударственной организации Ташкента, посланникам, естественно, приходилось обмениваться мнениями с разными представителями близкой им торгово-ремесленной знати, выяснять ее пожелания, конкретизировать вопросы, которые они должны были

ставить и разрешать с правительством России, так как Мулладжан Магзум и Ашур Али не были только представителями военно-феодальных верхов, а являлись полномочными представителями такого государства, в котором торгово-ремесленные верхи общества обладали политическим весом и стремились к экономическому укреплению Ташкении и сохранению ее государственного суверенитета, видя средством к этому сближение с Россией.

Таким образом, задержка выезда посольства из Ташкента была оправдана серьезными причинами.

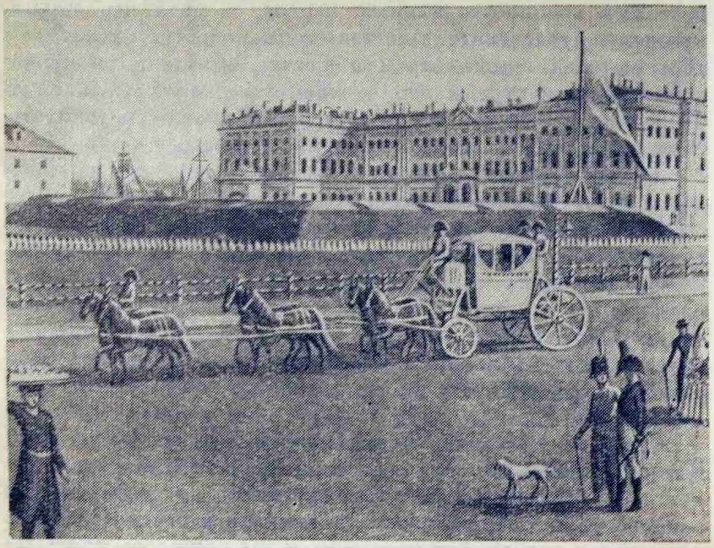
Став первыми в истории дипломатами Ташкентского государства, Мулладжан-Ахун Магзум и Ашур-Али Бахадур мингбаши ответственно отнеслись к полученному назначению и провели большую предварительную подготовку. Она оправдала себя и, как мы увидим ниже, в известной степени нашла отражение в официальных ташкентских документах, представленных посольством правительству России.

Сдав на хранение свое дорожное имущество в форт Коряковский и получив для себя колесный экипаж, ташкентские посланцы, их двое спутников и двое слуг, в сопровождении А. Безносикова выехали в Омск. Здесь их разместили в доме для приезжих и им пришлось дождаться приезда в Омск Д. Телятникова, задержавшегося в форте по делам своей ташкентской миссии.

После его прибытия и представления посланников начальнику линии посольство отправилось в Петербург, отослав в Ташкент слугу с сообщением о выезде из Омска.

Посольство сопровождали Д. Телятников, А. Безносиков и капрал Я. Быков; Д. Телятников вез с собой и все отчетные документы о поездке русских посланников в Ташкент. Поэтому приезд ташкентских посланников в Петербург (они прибыли туда через 49 дней по выезде из Омска — 9 ноября 1797 г.), хотя и не был неожиданностью, застал русское правительство неподготовленным к официальному приему, но они были встречены с подобающим вниманием.

Ташкентское посольство было размещено в доме посланников при Коллегии иностранных дел. К посланникам в качестве шефа был прикреплен «присутствующий азиатского департамента действительный статский советник С. Л. Лашкарев», на которого было возложено попечение о приезжих, курирование посольства, а также заботы о



Зимний дворец в Петербурге в XVIII в. Здесь принимались среднеазиатские посольства.

том, чтобы посланники ни в чем не испытывали недостатка. Между тем Азиатский департамент знакомился и с ташкентскими посольскими документами и с материалами русского посольства в Ташкенте, так как Коллегия иностранных дел, возглавлявшаяся канцлером графом А. А. Безбородко, и сохранивший еще пока при Павле I свой пост генерал-прокурор Д. Н. Самойлов получили сообщение о результатах ознакомления русских посланников с Ташкентским владением лишь с прибытием Ташкентского посольства.

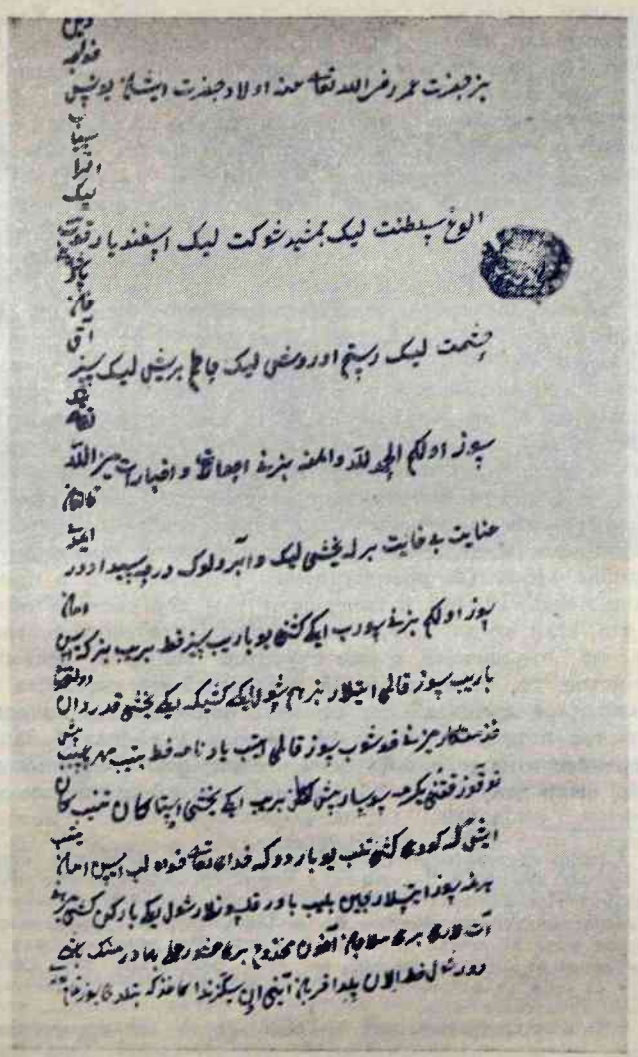
Официальная приемная аудиенция в Зимнем дворце была дана посольству по завершении всех этих предварительных дел 17 декабря 1797 г. Послы передали в Азиатский департамент грамоту Юнуса-Ходжи, свое послание, существенно дополнившее грамоту, и вручили присланные царю подарки, а также и личный дар от главы посольства Мулладжана-Ахуна Магзума[1]. Оба документа представляют большой интерес. Грамота Юнуса-Ходжи, составленная «в год змеи 18 числа месяца Курбана» на узбекском языке[2] содержала просьбу о направлении в Ташкент двух хороших горных инженеров, знающих руды, и выражала полную доверенность послам на ведение переговоров от имени Ташкентского владения по любым вопросам, которые они сочтут нужным затронуть. Посланники же представили 29 ноября 1797 г. дополнения к грамоте Юнуса-Ходжи следующего содержания:

«В соответствии с письмом, направленном славному и могущественному его величеству царю и великому императору, его светлости высокому государю от уважаемого и почтенного нашего Ходжи Мухаммеда Юнуса, которым выражена нам полная доверенность (на ведение переговоров) и соответственно данного нам, как послам, устного поручения, настоящим заявляем, что: одно, о чем будет просьба и мольба, это то, что поскольку мы с древнейших времен ведем торговлю, то пусть были бы оказаны ташкентцам царское позволение и разрешение беспрепятственно приезжать и уезжать в границу высокого русского государства и чтобы купцы русского государства также, подобно этому (беспрепятственно отпускались) и приезжали в нашу страну и совершали там торговлю и обмен и, что, если когда-нибудь со стороны Китайского государства по отношению к нам случится война и взаимное убийство, то, чтобы славный и грозный его светлость великий царь приказал нас принять под сень его покровительства и просим, чтобы он повелел для полной нашей уверенности дать грамоту относительно помощи и милости, дабы были документально оформлены его будущие помощь

---

[1] Посольство доставило следующие подарки: 45 кусков кутны, 26 шкурок куницы и 5 (чего-то, в тексте грамоты написано неразборчиво). При переводе грамоты на русский язык статский советник Муратов выпустил непонятное место. Интересно, что невнесенные в перевод вещи не дошли до казнохранилища. Впоследствии были организованы их розыски, но они не дали результата. Мулладжан-Ахун от себя лично поднес царю 3 шкурки барса, а царице — одно черное страусовое перо.

[2] Во всех среднеазиатских ханствах языком дипломатических и прочих официальных документов являлся персидский. Ташкентское государство первым в Средней Азии начало применять в качестве языка официальных документов узбекский язык, т. е. язык, на котором говорило большинство населения Ташкентского государства.



Грамота Юнуса-Ходжи императору Павлу I.

и поддержка уважаемому и почтенному упомянутому выше нашему владетелю (Юнусу-Ходже).

С этой целью расписался Мулладжан Магзум. Учинено 21 числа ноября месяца 1211 года Хиджры[1]».

Таким образом ташкентские документы ставили перед правительством России ряд новых, небывалых до того в практике отношений со среднеазиатскими ханствами, вопросов, решение которых требовало от России большой осмотрительности и такта.

По сути Ташкентское государство, исходя из потребностей своего внутреннего развития, выдвинуло перед Россией принципиально новую программу обоюдных отношений, осуществление которой должно было способствовать экономическому укреплению и общественному росту городского посада и государства. Эта программа не была беспочвенным измышлением лишь немногочисленной верхушки ташкентского торгово-ремесленного населения. Ее рациональность ощущал довольно широкий круг населения города и особенно в его экономически активной части, имеющей достаточно развитое товарное хозяйство. Убедительным свидетельством этому являются хотя и односторонние, но многочисленные документы, которыми ташкентские выходцы, переезжавшие с семьями в пограничные города России на постоянное жительство, оговаривали условия своего перехода в российское подданство.

Не менее осознанным являлось и желание горожан обезопасить себя от нападения со стороны Китая, поскольку Ташкент опасался репрессий с его стороны за невыполнение им «вассальных» обязательств — неплатеж дани китайскому богдыхану.

Вряд ли есть основание сомневаться, что известная часть ташкентцев понимала необходимость квалифицированной консультации горных инженеров, так как город почти единственный в Средней Азии XVIII в. имел свое собственное горнорудное и литейное производство.

[1] Это заявление написано уже в Петербурге. Посланники предполагали, что они все вопросы поставят непосредственно перед императором во время устной беседы. Необходимость же изложить их в письменном виде и представить в Азиатский департамент была неожиданностью, которая заставила посланников найти себе писца, так как они хотя и были грамотны, но писать красивым почерком не умели. С помощью Лашкарева посланники нашли писца в Турецком отделе Азиатского департамента и поэтому язык и литературные обороты документа посланников оказались не ташкентскими, а привычными для писцов департамента.

Послание Мулладжана Магзума дополнило государственную грамоту Юнуса-Ходжи предложениями, которые имели важное значение для ташкентского посадского населения.

Все это позволяет видеть в лице ташкентских посланников, и в особенности в лице автора послания — Мулладжада-Ахуна Магзума, выразителей интересов торгово-ремесленного населения Ташкента. Оно было кровно заинтересовано и в широком развитии торговых связей с Россией и в сохранении независимости Ташкентского государства, в котором оно находило известные условия для развития своей хозяйственной и политической деятельности.

Ташкентское посольство Мулладжана-Ахуна Магзума и Ашура-Али Бахадура мингбаши было первым и последним среднеазиатским посольством в Петербурге, которое представляло собою широкие слои посадского городского населения и активно выступало с предложениями, которые были подсказаны жизнью и практикой городского посада.

Посольская миссия Ташкента выдвинула перед Россией такие вопросы, которые очень заинтересовали правительство своей новизной, но они заставили его серьезно обдумывать свой официальный ответ Ташкентскому государству. Из сообщений русского посланника Д. Телятникова и российской пограничной администрации правительство не получило твердой уверенности в том, что Ташкентское государство является устойчивым и прочным государственным организмом, способным к длительной жизни. Официальные же ташкентские документы тоже не были достаточно конкретизированы. Они, например, никак не отражали готовность правительства Ташкента дать государственную гарантию охраны личности и собственности русских купцов, отправляющихся для торга в ташкентские пределы.

По этому вопросу в руках правительства России было лишь туманное и ни чему не обязывающее сообщение Юнуса-Ходжи (в послании 1794 г.) о том, что русским купцам: «буде бог поможет, никакой человек ничего худого не сделает, ибо у нас ныне баранты уже уничтожены». Российское правительство не могло считать ссылку на «помощь бога» такой гарантией, опираясь на которую возможно было бы разрешить свободный выезд русским купцам в Ташкент. Наибольшую же трудность вызывала просьба о военной защите Ташкента от нападения со стороны Китая. С китайской державой Россия вступила к этому времени в тесное соприкосновение по всей линии своей Сибирской границы и в XVIII в. усиленно стремилась нормализовать свои отношения с этим государством

Перед правительством встала, таким образом, сложная задача. Оно не могло ответить Ташкенту отказом, так как это шло бы вразрез государственной политике, но оно не могло и полностью принять ташкентские предложения, так как это могло привести Россию к нежелательным для нее последствиям. Поэтому ташкентские дипломатические документы привлекли пристальное внимание не только в Азиатском департаменте; ими занимались ряд департаментов России и лично государственный канцлер А. А. Безбородко.

По отзывам современников, А. А. Безбородко был выдающимся дипломатом и государственным деятелем. Историк Карамзин писал, что «он был хороший министр, если не великий, какого теперь не имеем». Публицист Спада, высказывая мнение о Безбородке в соответствующих кругах европейского общества, отмечал, что «этот министр, одаренный могучим блестящим и живым воображением, крайней легкостью в работе, совершенной опытностью в делах, умом, плодовитым на придумывание средств и отличающийся познаниями и образованием.., окончил свою карьеру с репутацией самого способного государственного человека своей страны». Ясно представляя себе сложную политическую обстановку в Европе, сложившуюся после французской буржуазной революции, убежденный крепостник, Безбородко, сообразуясь с возможностями России, в последние годы своей деятельности (умер в 1799 г.) решительно проводил политику мира со всеми державами, включая революционную Францию.

Таким образом, Ташкентское посольство, выдвигавшее в качестве одного из своих ходатайств — военную защиту от возможного, с ташкентской точки зрения, нападения Китая, прибыло в неподходящее для того время. Однако все его другие пожелания вызвали большой интерес и встретили поддержку Безбородко. В государственном архиве внешних сношений и внешней политики России сохранился отчет переводчика, сопровождавшего ташкентских посланников на прием к А. Бозбородко.

«Генваря 9 числа 1798 года, говорится в этом документе, находящиеся здесь от Ташкентского владельца

Юнуса-Ходжи чиновники Ахун Мулладжан и Ошур Мамед Батыр были представлены его светлости пополудни в 4 часа, быв привезены туда в наемной четырехместной карете, приняты в третьей комнате и подчиваны чаем, кофием и фруктами. Потом введены его превосходительством господином действительным статским советником и кавалером Лашкаревым в кабинетную комнату и им представлены его светлости, который приняв их ласково в той комнате и пригласив сесть, разговаривал с ними через меня как о купечестве и об обоюдном соотношении ташкентской земли в рассуждении торговли с Россией, так и о здравии их владетеля и прочем. После чего, не оставил их утвердить о добром и дружественном расположении империи Российской к оной земле их, от себя отпустив, приказал мне же водить их по его покоям[1], которые я им показав, возвратился с ними домой тем же порядком как выше означено».

Беседа посланников с канцлером имела решающее значение для определения позиции русского правительства в отношении ташкентских предложений. Сразу же вслед за приемом у Безбородко Коллегия иностранных дел начала готовить окончательный текст ответных грамот и писем в адрес Юнуса-Ходжи и распоряжения сибирской администрации.

Правительство России считало необходимым по отдельным вопросам продолжить переговоры с Ташкентским государством и поручило их организацию начальнику Сибирской линии.

Ташкентское посольство получило отпускную аудиенцию 28 февраля 1798 г. Оформив все документы и получив ответные дары для Юнуса-Ходжи и награждение лично себе[2], посольство вновь в сопровождении Д. Телятникова и его спутников выехало «восвояси». Его вновь сопровождали Д. Телятников с А. Безносиковым и Я. Быков. Обратная поездка посланников была организована с наибольшими удобствами, какие возможны были при тогдашних транспортных средствах[1] и так как посланникам было разрешено делать краткосрочные остановки в любом из городов, которые они пожелают осмотреть по пути, дорога от Петербурга до Омска заняла на этот раз 99 дней. После приема начальником Сибирской линии генералом Горчаковым посланники отбыли на Иртышскую линию, получили своих лошадей и под охраной вызванного русской администрацией отряда джигитов, из числа поданных России племен казахов, благополучно возвратились в Ташкент.

Посольство привезло Юнусу-Ходже 3 документа: грамоту Павла I и письма А. А. Безбородко и генерала Горчакова (все документы были написаны на русском языке с переводом их на «татарский»).

Наибольший интерес представляют письма канцлера и начальника Сибирской линии. Однако значение государственного документа имела только грамота Павла I, направленная с соблюдением всех существовавших тогда правил отсылки важных государственных писем»[2]. Однако грамота не содержала официальных ответов на вопросы, поставленные Ташкентским посольством, и лишь выражала «благоволение» и личное обращение к Юнусу-Ходже.

---

[1] В доме А. А. Безбородко ныне размещен Ленинградский музей радиотехники.

[2] Посланники получили в подарок по 1000 руб., по куску парчи и шести аршинам сукна; их спутники по 100 руб. и слуга 25 руб. На довольствие в пути выдано посланникам по 150 руб., спутникам по 60 руб. Мулладжана Магзума отдарили за преподнесенные им подарки вручением золотого перстня с камнями и золотых часов с золотой цепочкой. На путевые расходы по поездке в Омск было выделено 1504 руб., т. е. в 3 раза больше, чем на все посольства Д. Телятникова из Омска в Ташкент. Юнусу-Ходже была послана интересовавшая его подзорная труба.

[1] Под посольский поезд были даны четыре кареты с зимним и летним ходом, запряженные тройками. Подорожная гласила: «По Указу... императора Павла... в городах и на заставах по тракту до Омска, пропуская их без всякого задержания, давать им не только пристойные квартиры и по подорожной лошадей, но и сверх того оказывать им всякое в дороге вспоможение», а сопровождающему Д. Телятникову вменялось в обязанностью обеспечить культурное и благопристойное обращение с посланниками всех лиц и чинов.

[2] В отношении правительственной грамоты Павла I имеется следующая запись: «Таковая грамота написана на александрийском листе, обыкновенном, без заставиц. Титул его императорского величества... как в подлинной, так и в переводе писан золотом и без подписания. Прошитая вместе с переводом, запечатана государственною меньшою печатью на красном воску под кустодиею (специальный футлярчик для предохранения печати от поломки — *Ю. С.*) бумажной, и сложенная вчетверо, запечатана в пакете — коллежскою печатью на сургуче, отдана чиновнику в мешочке, шитом из московской парчицы. Надпись на пакете следующая: «Ташкентские земли владетелю Юнус Ходжию», и такая же по-татарски».

Точка зрения русского правительства излагалась в письмах канцлера и начальника Сибирской линии; они были направлены «по повелению» царя. Таким образом, правительство временно воздержалось от прямого ответа ташкентскому «владетелю» и царская дипломатия, обеспечив России широкие возможности осуществления практических мероприятий по всем затрагивавшимся вопросам, не связала себя никакими формальными обязательствами. Проявляя такого рода осторожность, русское правительство продлило время для детального рассмотрения сложившейся обстановки и для разработки соответствующих соглашений с соблюдением принципа обоюдности принимаемых обязательств.

Письмо канцлера извещало Юнуса-Ходжу о том, что император предоставил: «от — ныне впредь подданным купцам вашим в знак своего к вам, высокостепенный владетель, благоволения, всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды» и что Россия намерена дать разрешение: «и своему подданному пограничному купечеству... ездить с товарами во владение ваше», но осуществит это намерение лишь с того времени как: «обнадежено оно будет от Вас, такою же безопасностью, свободою и другими удобствами и выгодами, какие со стороны нашей даруются вашему ташкентскому купечеству». Рекомендовалось поэтому прислать правительству России об этом официальное письменное уведомление, которое можно будет направить через начальника Сибирской линии.

В письме сообщалось о согласии направить в Ташкент горных инженеров для обследования «открытых в Ташкенте пяти рудных месторождений». Говорилось, что при необходимости Россия окажет действенную защиту Ташкентскому владению в случае нападения Китая. Однако в этом отношении Россия рекомендовала Юнусу-Ходже соблюдать в своих действиях должное «благоразумие» и не давать поводов к обострению отношений с Китаем. Если же «против всякого чаяния», такое нападение все же произойдет, то Россия: «войдет в посредничество и примет надлежащие меры, так как, соображая состояние владения вашего с силами Китайского правительства, «император: весьма наклонен той мысли, что Ваше высокостепенство принуждены испрашивать его покровительства и защиты» и: «соизволяет принять Вас и благонамеренных подданных

ваших под высокое свое покровительство, надеясь, что Вы пребудете... Империи Российской навсегда верны и усердны».

Вместе с тем указывалось, что до тех пор пока не возникнет действительная нужда в выступлении России в защиту Ташкента, Россия не считает целесообразным оформлять свое заявление официальным государственным актом.

Таким образом, ташкентцы не обманулись в своих ожиданиях. Россия положительно откликнулась на все предложения и начала принимать соответствующие меры к их реализации. При этом она отнеслась к Ташкентскому государству как к суверенному владению, не использовав открывшихся ей возможностей для утверждения своего верховного владычества на севере Средней Азии.

Вспомним, как осуществлялось утверждение владычества колониальных западноевропейских государств в Азии, к примеру, английского владычества в Индии. Первым шагом на этом пути был захват англичанами крохотного опорного пункта на территории Индостана: добившись разрешения Великого Могола открыть 4 торговых конторы в Голконде (в 1611 г.), Англия на следующий же год основала английскую факторию в Сурате (Саурате), городе на побережье Аравийского моря, севернее Бомбея, и отсюда начала планомерный захват индостанских княжеств, вступая при этом в договорные отношения с отдельными правителями и князьями, вмешиваясь в их междоусобную борьбу и ведя одновременно вооруженную борьбу с другими европейцами — французами, голландцами, португальцами и др., уже успевшими подчинить себе ряд областей на территории Индостана.

Для России ташкентский призыв о военной защите давал полное основание для ввода русских войск в пределы Ташкентского государства, а следовательно, и возможность утверждения российского диктата в Ташкенте. Этот акт позволил бы России создать свою базу на севере Средней Азии и, используя не менее активную, чем в Индии феодальную усобицу среднеазиатских ханств и бекств, подобно Англии, постепенно распространить свою власть на всю территорию Средней Азии. Но Россия не пошла по этому пути. Ее правительство в XVIII столетии не ставило себе целей захвата Средней Азии, оно заботилось лишь о дальнейшем расширении и углублении хозяйствен-

ных отношений с ханствами Средней Азии и не отказывалось даже оказать местным владениям, в данном случае — Ташкентскому, помощь. Не аннексия Ташкента и Средней Азии, а всемерное и всестороннее развитие торговых отношений с ними являлись на этом этапе генеральной линией государственной политики России и она была правильно понята Ташкентским государством.

Итоги прошедших переговоров были встречены в Ташкенте с удовлетворением. Об этом свидетельствует, в частности, исключительное внимание и почет, с которыми были встречены прибывшие в город русские горные инженеры М. Поспелов и Т. Бурнашев.

Реализуя указания центральной власти, местная администрация открыла границы России для свободного въезда и выезда ташкентских купцов, а начальник Сибирской линии Горчаков принял деятельные меры к отправке в Ташкент двух горных инженеров. Одним из них был назначен Т. С. Бурнашев, получивший к тому времени офицерский чин. Отправка была намечена на лето 1798 г., однако по ряду организационных причин она была отложена до весны 1799 г. «А при наступлении весны 1799 г. мы опять были вызваны в Омск. Однако же и на сей раз отправка в Азию по некоторым обстоятельствам не состоялась, а отложена до осени. Посему, когда потребованы мы были паки, то предоставлено уже было мне выбрать в товарищи заводского офицера, что мною и сделано». Бурнашев избрал Зубарева. С ним вместе они выехали в Ташкент от Ямышевской крепости в декабре месяце 1799 г., но из степи возвратились «по причине наступивших сильных морозов и больших снегов». Одновременно Бурнашев убедился в том, что Зубарев неподходящий спутник и «когда... возвратились мы на заводы, то выбрал я нового товарища, сослуживца моего офицера Поспелова, человека из простых как и я, но более способного против бывшего перед сим офицера Зубарева, вспомоществовать в сем важном поручении»,— писал впоследствии Бурнашев.

Наконец, отправившись в Омск в четвертый раз весной 1800 г., посольство благополучно отбыло в Ташкент.

«С сим новым товарищем (М. Поспеловым) и отправились в Омск в марте месяце того 1800 г., и оттуда, по получении инструкции и депеши к Ташкентскому владельцу, в Ямышевскую крепость. Здесь же, по изготовлении

всего нужного в пути, в первом числе майя отправились за казачьим конвоем в 25 человек в Киргизскую степь к кочевавшему в верстах 500 султану Букею[1]», аулы которого были размещены на реке Нуре.

По прибытии туда посланников задержали почти на пять дней в связи с тем, что откочевавшая от города Туркестана часть племен, ушедших оттуда в связи с военными событиями 1799 г., сообщала преувеличенные сведения о военных действиях в Туркестанском районе. Однако 5 июня были даны в качестве проводников сын Букей-Султана — Ишим-Султан и двое казахов, в сопровождении которых посланники, отпустив часть конвоя обратно, с 10 казаками отправились в дальнейший путь.

Они поехали более восточной дорогой, чем Ташкентский торговый тракт, следуя, частично, по предгорьям и сокращая расстояние, пересекли степь севернее Кара-тау, вышли к реке Чу и, спускаясь далее к югу через горные пути хребта Кара-тау, достигли Чимкента. 28 февраля 1800 г., на 69 день пути, посланники подъехали к Ташкенту.

Прибытие долгожданного русского посольства произвело в Ташкенте сильное впечатление. «Мы сделались в глазах их (ташкентцев), пишет Бурнашев,— важными ильчи или послами. А по таковой их мысли, когда достигли мы до города Ташкента, то не въезжая в него, остановились в двух верстах при канале (Каракамыш? Боз-Су?) и тотчас же послали Султана и вожатого известить тамошнее начальство о нашем прибытии. После чего часа через два они возвратились, и с ними вместе прибыли к нам два придворных чиновника, поздравить нас от имени Владельца своего с нашим прибытием и с изъявлением удовольствия о сем, а вслед за тем доставлена нам из города всякая съестная провизия. Назавтра те же чиновники были у нас по утру и к вечеру с большой вежливостью наведывались о нашем здоровье. Причем заметили мы, что они были очень довольны тем, что мы тут остановились, давая им через то приготовиться к наилучшему приему нас, яко действительных послов от великой державы».

Бурнашев вскрывает этими последними фразами исключительное значение, которое придавалось в Ташкенте

[1] Букей-Султан — отец упоминавшегося выше Чингиз-Султана.

связям с Россией. Это подтверждает и официальный отчет посланников об их поездке. «В день прибытия в этот город, говорится в отчете, им была оказана пышная встреча, которой другим не устраивали... Два чиновника приехали из оного и просили именем Владельца о въезде. Между тем поставлены были люди до самого города и через оный по обеим сторонам со всем их вооружением и знаменами.

Чиновники вели за поводья лошадей и, по приезде к дому Владельца сняли (помогли слезть с лошадей — *Ю. С.)* и провождали в его пребывание, где множество стоящих чиновников окружили... По сделании приветствия даны места, устланные коврами и сделано угощение тамошними плодами. После того препроводили в назначенный для пребывания дом». Поспелов и Бурнашев оказались первыми европейцами, которым в Ташкенте, да и в Средней Азии были оказаны такие почести.

Беспрецендентный случай такой встречи очень показателен. Значение его можно оценить, только учитывая сложившуюся в то время обстановку. Такой она была, конечно, лишь потому, что поездка в Ташкент в 1800 г. Поспелова и Бурнашева была первым практическим результатом только что завершившихся переговоров с Россией.

В Ташкентском владении посольство находилось более трех месяцев, в обратный путь оно отправилось 1 октября 1800 г. совместно с небольшим вышедшим в степь караваном ташкентских купцов.

За время пребывания в Ташкенте посланники ознакомились с горно-рудными богатствами и подробно изучили местную государственную жизнь и уровень развития местного хозяйства и культуры. Их исследования наудагских находок, особенно интересовавших Юнуса-Ходжу, дало для последнего неутешительные результаты. Тут оказалось не золото, а медные руды.

Однако на Поспелова и Бурнашева были возложены не только задачи научно-технической помощи Ташкентскому государству. Их миссия имела и важные дипломатические поручения, которые стали известны нам из письма канцлера А. А. Безбородко в адрес командующего Сибирской линией.

Отмечая, что: «посылка оных (горных инженеров) обещана ему (Юнусу-Ходже) по его прошению для осмотра рудников его», канцлер указывает, что миссия посылается: «не меньше и для того, чтобы в пути своем туда, не приметным образом осмотрели оный... и состояние той земли, положение ее и вместимость людей, какую могла б она на себя принять и продовольствовать в случае просимого тамошним владельцом от здешней стороны защищения». Поспелов и Бурнашев должны были представить, таким образом, достоверные данные о возможных путях и условиях передвижения и размещения на территории Ташкении военных сил на случай, если окажется необходимым в действительности оказать военную помощь Ташкентскому государству. Во-вторых, что «посланные Ваши с тем к ему (Юнусу-Ходже) и отправлены чтобы по удовлетворении любопытства его в осмотре вышеозначенных рудников, могли к Вам доставить и письменное от него — владельца, удостоверение для российского купечества» о том, что «во владении его дается (им) такая же от него свобода, безопасность и другая выгода, какие даруются от нашего... государя его (ташкентским) купцам»[1].

Выполнило ли посольство свою дипломатическую миссию? Из материалов, опубликованных об итогах этой поездки, видно, что посланники исполнили лишь поручения Юнуса-Ходжи и собрали сведения о Ташкентском государстве. Из полного отсутствия сведений о получении желаемых гарантий можно сделать лишь один вывод — посольство Поспелова и Бурнашева в 1800 г. свою дипломатическую миссию выполнило не полностью, так как дать такую гарантию Юнус-Ходжа и Ташкентский посад, не имевшие возможности постоянно контролировать деятельность периферийного населения, в особенности кочевников, не могли.

В России же неуспех дипломатической миссии был, видимо, приписан неумелости и неопытности посланников в дипломатических делах. И правительство России сделало вторичную попытку получить гарантии, направив более подходящего для этой цели посланника. На этот раз в Ташкент в 1803 г. был отправлен Д. Телятников. Его кандидатура считалась заслуживающей полного доверия, так как в XVIII столетии Д. Телятников сумел вызвать к себе чрезвычайно хорошее отношение со стороны Юнуса-Ходжи и ташкентцев. Однако миссия Д. Телят-

[1] Цитируется по документам Омского областного архива.

никова опоздала: к этому времени Ташкентское государство уже переродилось в своей внутренней организации и вступило в ожесточенные войны с Кокандским ханством. Д. Телятников, не доехав до Ташкента, возвратился обратно из города Туркестана.

Поездка Д. Телятникова в Ташкент в 1803 г. была последним официальным посольством России в Ташкентское государство. После него были неоднократно поездки ташкентских купцов в Россию и российских в Ташкент по своим торговым делам, некоторые из купцов встречались с руководителями государств и даже затрагивали недоразрешенные вопросы, однако на положение дел эти разговоры влияния не имели.

Приведенные нами материалы показывают, что в конкретно-исторических условиях своего времени значительный слой торгово-ремесленного населения Ташкента видел в России экономическую, политическую и культурную силу, которая была в состоянии обеспечить ташкентскому обществу возможность дальнейшего хозяйственного развития, экономического укрепления страны и сохранения независимости своего государства. Ташкентский городской посад, еще неорганизованно и эмпирически искавший освобождения от сковывавшей его развитие феодальной деспотии, временно прорвавшийся к политической власти, использовал возможности влиять на политическую жизнь государства в своих, по сути дела, социальных интересах. И это не было случайным, беспочвенным явлением. Ставка на развитие всесторонних, широких связей с Россией была подсказана опытом деятельности многочисленных (но отнюдь не всех) ташкентских выходцев в Россию, получивших там широкие возможности для быстрого развития по буржуазному пути. Верхи ташкентского посада стремились к созданию подобных же условий у себя на родине и считали одним из необходимейших средств к достижению этого — экономическое и культурное сотрудничество с Россией — реальный путь к экономическому развитию страны и к укреплению хозяйственного и политического значения посада.

История не сохранила нам имена идеологов этого общественного слоя ташкентского населения. Но она сохранила нам имена выразителей интересов и чаяний этого слоя городского посада. Это дипломаты — посланники Ташкента в Россию — Мулладжан-Ахун Магзум, Ашур-

Али Бахадур мингбаши и Мухаммеджан-Ходжа Рахим оглы, составившие и передавшие правительству России ташкентские государственные документы, позволившие узнать внутреннюю жизнь, интересы и чаяния местного общества той эпохи. Составители этих документов — ташкентские посланники XVIII в. в Россию по праву заслуживают, чтобы их имена удержались в памяти потомков.

В этом основное историческое и познавательное значение посольских связей с Россией, развившихся в XVIII столетии по инициативе Ташкентского государства. Ташкентское посольство 1797—1798 годов занимает особое место в истории отношений среднеазиатских ханств с Россией. Посольство знаменовало собою решительный поворот политической ориентации Ташкентского государства, а точнее — ведущих групп ташкентского городского посада на Россию, чем уже в XVIII столетии была установлена важная веха на историческом пути сближения народов Средней Азии с народами России. Однако конкретные условия последующего периода жизни Ташкентского государства не дали возможности развиться этим связям. Внутри Ташкентского государства наступил второй, неблагоприятный для посада, исторический этап, знаменовавшийся захватом руководящей роли в государстве военно-феодальными элементами.

В последние годы XVIII столетия начался новый этап в развитии взаимоотношений Ташкентского государства с соседними среднеазиатскими государствами. Если до этого времени Ташкент, хотя и не друживший ни с кем из своих соседей, кроме Ходжентского княжества, не подвергался нападениям со стороны ферганских феодалов или бухарского хана, то в 1794 г. произошло вторжение в ташкентские земли войск одного из сильнейших владетельных князей Ферганской долины — Нарбута-бия[1]. Располагая силами только собственного владения, Нарбута-бий, стремившийся в то время к утверждению господства над Ферганой, не мог, конечно, рассчитывать на завоевание Ташкента, военные силы которого были несоразмерно больше. Целью его вторжения являлось ограбление насе-

[1] Вторжение было осуществлено после отъезда ташкентских посланников в Омск и сообщение о нем они получили лишь много позже, когда находились в Омске.

ления территорий, по которым пройдут его войска и, если удастся, захват незначительной части ташкентских земель, где, по слухам, были найдены золотоносные земли. Современник этих событий Мухаммед-Ходжа Рахим оглы писал, что: «вкоренившаяся злоба от зависти одного кокандского владетеля Нарбуты-бека, настолько увеличилась, что он не оставил сделать... своей попытки на завладение оной самым воинским действием»[1].

Хотя попытка Нарбуты-бия была неудачна — его войско было разбито и бежало, он все же успел ограбить ряд деревень Кураминского района, дойти до р. Чирчик и, убегая обратно, захватить с собою до 200 пленных из числа мирных жителей.

Так начался длительный период кокандо-ташкентских войн; нападающей стороной в них было Кокандское владение, усиливавшееся за счет подчинения других ферганских феодальных княжеств и привлечения на свою сторону кочевых племен. К концу века оно стало настолько сильным, что могло поставить своей очередной задачей подчинение Ташкентского государства.

Между тем победоносное отражение войска Нарбуты-бия вызвало в Ташкенте преувеличенное представление о силе Ташкентского государства и о слабости его соседей, что привело ташкентцев к самоуспокоенности и недооценке военных возможностей их недружелюбных соседей. Об этом свидетельствует тот исторический факт, что ташкентское посольство в Петербурге, заботясь о независимости Ташкентского государства, обратилось к России с просьбой о «защищении» в случае нападения со стороны Китая, страны, отдаленной от Ташкента и вряд ли начавшей бы поход в его пределы, и совершенно умолчало о непосредственных соседях.

Во второй половине 1799 г. в пределы Ташкентского государства вновь вторглись ферганские войска. На этот раз они ставили себе целью захват Ташкента и сравнительно успешно продвигались к городу. Ферганское войско во главе с Хан-Ходжой форсировало Чирчик и, дойдя до р. Карасу, вступило в генеральное сражение. Исход его оказался для кокандцев снова неудачным. Ташкентские регулярные войска Юнуса-Ходжи, его ополчение кочевников и, главное, ташкентское городское ополчение наголову разбили армию ферганцев и, преследуя бегущих, вырвались за границу Ташкента. Принадлежавшая Кокандскому ханству часть Кураминских земель была включена в состав ташкентских владений. Границы государства раздвинулись до водораздельного хребта Кураминских гор[1].

В плен были захвачены кокандский полководец Хан-Ходжа и 70 кокандских военачальников и солдат. По возвращении в Ташкент эта победа была отпразднована, все пленные публично казнены; из отрубленных голов казненных на Чор-су была сооружена калля-минар (пирамида).

Военные успехи оказали большое влияние на внутреннюю жизнь Ташкентского государства. Они вызвали рост политической активности военно-феодальных верхов кочевых племен, возбуждая их стремления к вторжению в Кокандское ханство и захвату военной добычи. По свидетельству Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, наибольшие стремления к этому проявили тесно связанные с Юнусом-Ходжой приташкентские кочевники — санычклы, канглы, рамадан и др., причем эти стремления отчасти стимулировались и созданием необходимой военно-материальной базы. Еще в 1798 г. был издан новый российский таможенный тариф, который разрешил вывоз из России в Среднюю Азию меди и железа в виде металла (а не только в форме готовых изделий), а серебра и золота в монетном чекане (иностранном); этот пункт нового тарифа был принят после переговоров Ташкентского посольства в Петербурге. Разрешение имело большое значение для экономического развития Ташкентского государства, предоставляя в распоряжение городских ремесленников-металлургов готовое сырье для их производства. Однако оно открыло военно-феодальным верхам радовавшие их перспективы приобретения в России нужного им военного сырья, чем Юнус-Ходжа и феодально-племенная знать не замедлили воспользоваться. Д. Телятников в 1796 г. не видел в Ташкенте ни одной медной пушки, а М. Поспелов в 1800 г. уже отметил наличие в городе собственного литейного производства по изготовлению медных пушек. Значит, Юнус-Ходжа, выражая стремления военно-феодальных и гражданских верхов ташкентского общества,

[1] Омский областной архив, ф. 1, д. 247, л. 187.

[1] На вновь подчиненных Ташкенту территориях было 10 селений, в числе которых несколько обладавших крепостями.

приступил к созданию артиллерийского парка сразу же по получении возможности приобретать производственное сырье и, по-видимому, стремился обновить и все боевое оснащение регулярного войска, доведя его вооружение до того уровня, который был достигнут в других ханствах Средней Азии.

Не подлежит сомнению, что победоносное отражение первых нападений кокандских войск на Ташкент укрепило обе указанные группировки в их надеждах. Местные торгово-ремесленные круги, не заинтересованные пока в овладении Ферганской долиной и желавшие только сохранения для них мирных условий жизни и свободы действий в казахской степи и в России, видели в этих победах залог своего дальнейшего процветания в условиях мира и безопасности. Военно-феодальные круги, состоящие в основном из феодальных элементов ташкентского кочевья, видели в них реальные возможности организации военных походов в соседние государства и обогащения.

Юнус-Ходжа, связанный с этими группами, был также склонен к военно-захватнической деятельности. Он энергично вмешался в междоусобную борьбу ферганских феодалов на стороне чустского владетельного феодала Бузурука против кокандского Алим-Хана и достиг успеха. После этого мнение ташкентских феодальных кругов о фактической слабости кокандских войск еще более укрепилось, и Юнус-Ходжа начал подготовку большого похода на Коканд для свержения Алим-Хана, захвата Коканда и подчинения Ферганы.

За 15 лет своего «правления» Ташкентским государством Юнус-Ходжа, явившийся в город только с дружиной друзей из кочевого племени санычклы, значительно изменился. Являясь истым феодалом, но не обладая средствами и военной силой, он вначале был вынужден смириться и даже принять контроль горожан Ташкента над своей государственной деятельностью. В дальнейшем же, постепенно обогащаясь и укрепляя свои связи с феодально-племенной знатью кочевых племен, он стал обладателем крупной феодальной собственности в степи — стадами скота и земельными владениями, которые приносили Юнусу большие личные доходы; частично Юнус-Ходжа, как заметил Поспелов, «промышлял и торговлей, для которой избраны у него особые люди». В качестве рабочей силы в своем феодальном хозяйстве Юнус-Ходжа, как и

его ближайшие вельможи, использовал личную дружину караказанов, численность которой у Юнуса-Ходжи превышала 2000 человек. С укреплением связей с феодально-племенной знатью кочевых племен Юнус-Ходжа все более тяготился своей зависимостью от горожан и все более стремился к «самостоятельности» действий. Уже Поспелов и Бурнашев отмечали, что «владелец власть свою часто приводит в исполнение по совету с лучшими своими чиновниками, *которые смотрят в наклонность его мнения и согласуются*». Это отражает процесс внутреннего перерождения Ташкентского государства в чисто феодальное владение. Процесс этот в 1800 г. еще не завершился, однако значение совета аксакалов уже было ослаблено, а свобода деятельности городского купечества и ремесленников начала постепенно уменьшаться. Вначале это выразилось только в обязательном требовании ко всем въезжающим в город с товарами проходить через специально учрежденный для этой цели за городом зякетный сарай (Карасарай), где определялись и собирались зякетные платежи, в конце же владычества Юнуса-Ходжи ограничения приобрели и другой, даже унизительный характер дискриминации посадского населения (например, обязательно носить специальный пояс, унизительный ритуал приветствия на улицах вельмож военно-феодального окружения Юнуса-Ходжи и т. п.).

Соотношение сил в государстве явно менялось в пользу военно-феодальных элементов, так как они пополнились многочисленными военными ополчениями кочевников. В первую очередь это повлияло на внешнеполитическую линию государства. Она приобрела феодальный, военно-захватнический характер.

Уже летом 1800 г. состоялся, в союзе с ходжентским владетелем, поход против Кокандского ханства. Он был безрезультатен. Ташкентское и кокандское войска, разделенные друг от друга Сыр-Дарьей, ограничились перестрелкой и разошлись. Но сразу же в Ташкенте началась подготовка к новому походу на Коканд, на котором особенно горячо настаивали военно-феодальные верхи племен санычклы и умар. Ташкентский посад решительно высказался против организации похода, так как не желал вести завоевательных войн в Фергане. Однако «необычайная гордыня Юнуса Ходжи,— пишет Мухаммед Салих Кори Ташкенди,— довела его до того, что он вообразил

себя избранным наподобие Чингиз-хану водить войска на битвы и сражения. Как ни старались улемы Ташкента его образумить, все было бесполезно; Юнус-Ходжа ничего не слушал и даже напротив — пламя его глупости от дуновения их советов вспыхивало с новой силой».

Юнус-Ходжа объявил сбор войск и ополчений: «Из окрестностей и районов в Ташкент собралось около 7000 человек — из проходимцев и казахских племен»,— продолжает Мухаммед Салих. Укрепив себя ополченцами из кочевья, не ожидая ташкентского городского ополчения, которое медлило собираться, Юнус-Ходжа выступил 1 октября 1800 г. в поход на Коканд. Его войско прошло Кураминскими горами и стало лагерем в местности «Панбекан» (Пункан) на берегу Сыр-Дарьи в 6 фарсангах[1] от Ходжента и в 7 фарсангах от Коканда. Здесь войска Юнуса-Ходжи неожиданно атаковали кокандцы. Часть кокандских войск под командой Раджаба-диванбеги напала с тыла, отрезав путь к отступлению, а другая часть, во главе которой стоял Юсуф Али-Ходжа — сын казненного в Ташкенте Хана-Ходжи, с фронта. В ожесточенном сражении войска Юнуса-Ходжи были разбиты и в беспорядке бежали; преследуя их, продолжая избивать воинов и даже опережая разгромленное войско, кокандцы уже приближались к Ташкенту, но их встретило ташкентское городское ополчение; Юнусу-Ходже и остаткам его армии удалось вырваться из окружения и бежать в город. Самонадеянный военачальник потерял в бою большую часть своей армии. Ташкентское ополчение, прикрывая отступавших, возвратилось в город. Атаковать Ташкент кокандцы не решились, однако, возвращаясь обратно в Коканд, они оставили свои гарнизоны в крепостях Матин, Кахрак, Кереучи, Шахрудия; в итоге войны Ташкентское государство потеряло свои восточные районы. Правителем в них Алим-Ханом был назначен Юсуф Али-Ходжа.

Поставив себе целью завоевание Коканда, а не военно-грабительский налет на Ферганские земли, Юнус-Ходжа переоценил возможности своего воинства, не включавшего ташкентское городское ополчение. Но нельзя всю вину за организацию похода возлагать только на Юнуса-Ходжу, как это сделали все местные авторы, писавшие о данном событии, и в их числе Мухаммед Салих Кори Ташкенди.

[1] Фарсанг — примерно соответствует 6—8 километрам.

На деле новый военно-политический курс был навязан Ташкентскому государству всей военно-феодальной группировкой кочевых племен, на силу которых стал опираться Юнус-Ходжа, разрывая свои связи с горожанами.

Как свидетельствует Мухаммед Салих, возвратившись после неудачного похода обратно в Ташкент, Юнус-Ходжа, «эта гиена, попавшая в яму.., горевал и раскаивался.., а с другой стороны, он выпал из предела взоров (т. е. потерял доверие) горожан Ташкента и наслушался от знати и простого народа различных попреков».

Итак, вследствие развития военно-захватнических тенденций, носителем которых была военно-феодальная среда, овладевшая руководящим положением в стране, в Ташкентском государстве произошел внутренний раскол, было утрачено единство сил. Это было крушением внутриполитической организации Ташкентского государства; оно приобрело характер обычного в Средней Азии феодального владения. Военно-феодальные и торгово-ремесленные верхи ташкентского общества вступили в явные противоречия. И ташкентский городской посад оказался неподготовленным к серьезной борьбе за свои интересы. Не созревшее еще для активной социальной борьбы ташкентское общество не смогло энергично выступить в защиту своих интересов. У него не нашлось ни сил, ни организованности, чтобы действенно противиться повороту внешней политики в сторону военно-феодального авантюризма.

Между тем Юнус-Ходжа, заболевший после похода туберкулезом и еще более начавший предаваться своей вредной привычке — курению банга, за что Юнуса прозвали «банги», по свидетельству Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, в 1215 году хиджры, то есть через год после похода,— «расстался с этим бренным миром» и нашел свое последнее пристанище на кладбище Шейхантаур.

Личность Юнуса-Ходжи по-разному оценена современниками. Поспелов оценивает его как твердого повелителя и правителя, понимающего ведение дел с кочевниками, на которых Юнус предпочитал воздействовать не только устрашением, но и путем заключения союзов с отдельными сильнейшими феодалами степи.

Его заботы об улучшении экономического состояния государства отмечает омский купец Курбанов, сообщающий о стремлении Юнуса-Ходжи обеспечить безопасность

движения торговых караванов и развить местную металлургию, на что указывал и Поспелов. Мухаммед-Ходжа Рахим оглы заявлял даже о миролюбии Юнуса-Ходжи: «ни с кем войны не начинает, и содержит войско единственно к сохранению границ своих владений» (1794 г.).

Русский автор «Взгляда на Ташкент в последнее столетие», использовавший материалы Д. Телятникова, называет Юнуса-Ходжу «предприимчивым», «решительным». Поспелов считает его «деятельным в умножении хлебопашества, разведения садов и укрепления города».

Таким образом, оценки русских наблюдателей расходятся с характеристикой Юнуса-Ходжи ташкентского историка Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди и ряда кокандских историков. Однако это только кажущееся противоречие. Юнус-Ходжа действительно являлся выдающимся деятелем, но он обладал и всеми качествами, присущими господствующим верхам феодального общества того времени. Он являлся передовым среди массы грубых деспотов, возглавлявших феодальные государства Средней Азии, но ему были чужды интересы народных масс. Он был и оставался истым феодалом, но умным и энергичным, умевшим использовать любые обстоятельства в своих интересах и упорно стремившимся к своей цели — к самостоятельности и независимости своих действий для возвеличения собственной власти и расширения территории собственного владения.

После смерти Юнуса-Ходжи государственная власть оказалась в руках одного из его приближенных Мухаммеда-Ходжи, вскоре после этого умершего. Его преемником стал сын Юнуса-Ходжи — Султан-Ходжа. При его правлении началась систематическая борьба кокандского хана Алим-хана за овладение Ташкентом.

Борьба эта длилась более 7 лет. И в это время внутриполитическое положение Ташкентского государства не изменилось. Ташкентцы продолжали оборонять только собственный город и не оказывали помощи кочевым племенам, когда те подвергались налетам кокандцев. Кочевые племена не приходили на помощь ташкентским горожанам, когда последние оказывались под ударом кокандских войск. По свидетельству Мухаммеда Салиха, кокандцы совершали ежегодно по два налета на ташкентские земли — в весеннее и осеннее время. Однако наиболее крупных походов было только четыре. Первый из них произошел в

1801 г. «Это было осенью, когда ферганские войска (под командой брата Алим-Хана — Омара) вторглись в Ташкентское государство»,— говорит Мухаммед Салих Кори Ташкенди. «Они подошли к Ташкенту с востока города и остановились лагерем в местности Фасра[1]. Затем перешли через Салар. Султан-Ходжа с войском вышел им навстречу, и в местности Сундук-Курганча[2] произошел бой. Когда время приближалось уже к вечернему намазу, Султан-Ходжа в шлеме, латах и дубеляке, с копьем в руках, верхом, обернулся к своим храбрецам и дал сигнал к общей атаке. Но одна из задних ног его лошади попала в мышиную норку. Лошадь упала, сбросив Султана-Ходжу на землю. Сколько ни старались его поднять и посадить на другую лошадь, ничего не получилось. В это время храбрецы Ферганы прорвались на Сундук-Курганчу и захватили в плен Султана-Ходжу, а его брат, Хамид-Ходжа, спасся бегством». Несмотря на то, что ферганцы взяли крепость Ниязбек и запрудили арыки, снабжавшие город водой, подошедший с войсками к Ташкенту Омар-Хан, увидев, что город приготовился к стойкой обороне (руководил обороной Хамид-Ходжа), не решился на штурм Ташкента. Он удовлетворился заверением ташкентцев о признании вассальной зависимости и, утвердив правителем города Хамида-Ходжу, возвратился в Коканд.

Ташкент, по-видимому, попробовал освободить себя от вассальных обязанностей и восстановить свою независимость. Но это привело к новым походам кокандцев. Учитывая опыт прошлых лет и слабую стойкость кокандского военного ополчения, в основном состоявшего из отрядов ферганских племен кочевников[3], Алим-Хан не сразу ринулся на Ташкент, осада которого была делом трудным и затяжным. Предварительно он полностью изолировал город от окружающего его кочевого населения. Внезапно ворвавшись в районы Курамы, кокандские войска поголов-

---

[1] Фасра — Пасра — местность, являвшаяся маузой одной из махаллей Шейхантаурской части города. Находилась на левобережье Салара, в районе современной железной дороги на Чирчик.

[2] Сундук-Курганча — местность близ современной Абразивной улицы (Актепе).

[3] Регулярные военные силы, находившиеся под командой опытных инструкторов — афганских и индийских офицеров и обладавшие сильной артиллерией, были созданы в Коканде значительно позже.

но ограбили кураминских кочевников, угнали множество пленных и ненадолго отступили обратно. Затем пополненная новыми, жадными до добычи, силами 12-тысячная армия Коканда прошла через кураминские районы и обрушилась на кочевые племена других территорий Ташкентского государства. В результате этого похода «казахи и прочие кочевники на всем пространстве от Курамы до Ташкента и Чимкента были ограблены, лишены скота и подчинены Коканду»[1].

Через некоторое время Алим-Хан, усилив свою армию отрядами подчиненных кочевых племен, обложил и осадил Ташкент. Город подготовился к обороне, но не смог воспрепятствовать проведению кокандцами осадных работ у стен города. В ряде мест оборонительные стены города были взорваны, и в образовавшиеся проломы кокандские отряды ворвались в город, сломили упорное сопротивление его защитников, овладели городской территорией и начали поголовный грабеж населения. Кокандцы казнили всех казахов и других кочевников, имевших отношение к старой власти в Ташкенте, не успевших спрятаться, а из горожан отобрали 300 наиболее видных и зажиточных семей — купцов, ремесленников и др., и выслали в Коканд в качестве заложников, разрешив им взять с собою в изгнание лишь по одной арбе имущества[2].

Непосредственными результатами захвата Ташкента Алим-Ханом являлись разрушение ташкентской государственности, изгнание из города и частично уничтожение поборников его государственного суверенитета, разорение всей массы городского населения. В 1808 г. Ташкент стал кокандским владением.

Вслед за этим кокандское ханство организовало военную экспедицию в казахскую степь. Из Ташкента войска выступили под предводительством Омар-Хана при главнокомандующем Салимсак-Туре в сторону города Туркестана и вскоре возвратились с победой в Ташкент. Так началась военная экспедиция кокандского ханства на за-

[1] *П. П. Иванов.* Казахи и кокандское ханство. ИВАН СССР, VII, М.—Л., 1939, стр. 116.

[2] Практически они не были заложниками, т. к. по отношению к ним репрессий не применялось, хотя Ташкент и восставал и являлся вообще «мятежным» городом. По-видимому, их выслали в Коканд в связи с тем, что в нем не было опытных купцов, ведущих международную торговлю, и для ослабления ташкентского городского посада.

пад. Она окончилась в двадцатые годы XIX столетия; границы Кокандского ханства подошли к берегам Аральского моря, включили юг казахской степи и на востоке подошли к рубежам Восточного Туркестана в районе городов Пишпек (Фрунзе), Каракол (Пржевальск).

Чем было вызвано это настойчивое продвижение кокандцев на север? Оно объяснялось условиями внутренней жизни Кокандского государства. Из-за политической раздробленности и замкнутости хозяйства, слабо затронутого товарно-денежными отношениями, ферганские феодалы до образования единого государства не могли ставить себе такой сложной задачи, как овладение Ташкентом и казахской степью. С объединением же ферганских земель вокруг Коканда эта задача стала выполнимой и была выдвинута в качестве государственного курса внешней политики ханства. Она была продиктована интересами ферганского феодального сословия.

Разоренное, ослабевшее в годы усобиц хозяйство ферганских городов и деревни не могло обеспечить потребностей феодального сословия. Внутри же феодального общества Ферганской долины, разделенного на стремившийся сохранить свои доходы и возможности класс феодалов и задавленные феодальной кабалой народные массы, быстро росли классовые противоречия, назревал социальный конфликт, предотвратить который внутренними средствами феодалы не могли.

Одним из палиативных, временно действующих средств ослабления остроты внутренних противоречий являлась неоднократно применявшаяся феодально-племенной знатью кочевых племен организация грабительских походов, имеющих своею целью некоторое восстановление хозяйственной силы разоренных феодалами трудящихся оазиса и степи за счет захвата ими военной добычи.

Не менее интересовало ферганских феодалов и овладение казахским кочевьем с той целью, чтобы миллионные массы населения казахской степи стали плательщиками зякета в государственную казну ханства.

Имело значение и стремление верхов феодального общества Ферганской долины к непосредственным связям ферганских городов с Россией, связей важных для них как средство для получения необходимых им товаров потребления и для обогащения казны за счет зякетных сборов с городского купечества.

Но лучшие пути из Ферганы в казахское кочевье шли по территориям Ташкентского государства, а торговля с Россией находилась в руках ташкентского купечества. Интересовал их и сам Ташкент[1]. В дальнейшем, после завоевания, город стал действительно жемчужиной в короне кокандских ханов и приносил им значительную часть общегосударственных доходов.

Таким образом, «кокандская экспансия на север представляла своего рода попытку примирения тех глубоких классовых противоречий, какие назрели уже к этому времени внутри местного феодального общества»[2] и средство к укреплению власти и экономическому усилению господствовавшего в ханстве военно-феодального сословия.

[1] Заинтересованность Кокандского ханства в развитии непосредственных хозяйственных отношений с Россией, неоднократно подчеркивал в своих исследованиях академик АН УзССР Р. Н. Набиев.

[2] *П. П. Иванов.* Указ. соч., стр. 98.

IV. ТАШКЕНТ В СОСТАВЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Первые дни кокандской власти в Ташкенте. Ташкент — торговый центр по связи Средней Азии с Россией. Воздействие товарного хозяйства России на Ташкент. Общественная и культурная жизнь Ташкента. Восстание ташкентских горожан в 1850 г. Освобождение ташкентцев от кокандской зависимости. Саларское сражение 8 мая 1865 г. Шортепинский бой 9 мая 1865 г. Причины поражения кокандской армии.

Подчинение Ташкента Кокандом было тяжелым ударом для всех групп населения Ташкентского государства, и уже с первых дней господства новой власти в среде местного населения стали созревать планы освобождения от зависимости. Одна из попыток была совершена в Ташкенте известным полководцем Рустамом-Турой. Повествуя об этом событии, Мухаммед Салих Кори Ташкенди пишет, что Рустам-Тура воспользовался для призыва к борьбе против Коканда тоем, который устраивал правитель города.

На той съехалось множество знатных гостей из Коканда, во главе с Алим-Ханом, собралось много ташкентцев и степняков из приташкентских районов. Знать пировала во дворце «царского» дома, простые люди — на площади перед домом правителя. Были раскинуты дастарханы и всюду людей рассадили по чинам и рангам таким образом, что все кокандцы оказались по правую, а ташкентцы по левую сторону столов. Распорядители тоя, желая угодить кокандцам, явно оказывали им и их сторонникам предпочтение. Им первым раздавались лучшие подарки, подавались лучшие кушанья, как описывает Мухаммед Салих, ташкентские люди на основном дворе пиршества и на площади обслуживались во вторую очередь, а то и получали объедки. Это вызвало общий взрыв возмущения. Оскорбленные роптали, а один из простых воинов-кочевников, выхватив шашку и схватив копье, вскочил и начал кричать: «Достойно сожаления, что мы, кто со времени Адама и Пророка никогда не подчинялись эмирам Ферганы, а

всегда жили согласно законам шариата, теперь в результате нашей лености, нерадивости и беспечности оказались в их подчинении! Но даже подчинившись им (и выполняя их распоряжения добросовестно), мы все же, как видно, не стали «любимыми» в глазах его величества Кокандского хакана!»

Тут все вскочили, схватились за оружие, и на площади началась резня между кокандцами и ташкентцами. «В это время один из вельмож кочевых племен и вождь (сердар) племен «длинноруких» и «санавил» выскочил верхом на лошади на арену состязания, ворвался в полном вооружении в толпу дерущихся и с криком «сделаем из голов врагов (кокандцев) мячи для игры в «чаукан»[1], начал рубить кокандцев. При этом громко объявлял: «один из числа сторонников Коканда, сидевший близ меня (на пиру) старался ухватить у меня царский кусок из еды, так нужно мне вместо этого одного куска отдать несколько из голов ферганцев», а затем снова, влетев через ворота арка на царский двор и гневно крича, начал во все стороны «копьем Рустама крутить вертеть», а после этого ускакал, выехав на север области Ташкента. За ним последовали его сторонники, отправившись в Сайрам собирать войско кочевников для похода в Фергану.

После этого скандального происшествия Алим-Хан немедленно сместил правителя Ташкента и назначил на его место Ляшкарбеги Кушбеги, а для водворения порядка в степи отрядил войско под командой Салимсака-Туры; сам же хан со своим двором выехал из Ташкента в Коканд.

Однако антикокандское брожение в Ташкенте не унялось и при Ляшкарбеги Кушбеги. Он тоже был смещен. На его место был назначен вернувшийся из степи с победой Салимсак-Тура, которому тоже не удалось добиться полной покорности ташкентцев. При нем, как фиксирует Мухаммед Салих, «пошли в ход люди низкого происхождения». Это серьезно обеспокоило кокандских феодалов. В 1810 г. в Ташкент прибыл сам Алим-Хан и начал розыск через верных ему: «зорких, вдумчивых и предусмотрительных правителей ферганских и кокандцев». Салимсаку-Туре грозила, очевидно, участь его предшественников. Между тем Омар, брат Алим-Хана, прибывший

[1] Игра заключается в том, что гоняют мяч длинной палкой с загнутым концом, отчасти похожа на гольф.

вместе с ним в Ташкент, начал высказывать свое расположение к виднейшим представителям Ташкентской знати, улеме, шейхам и сумел заслужить их доверие. На сторону Омара перешел и Салимсак-Тура. Сложился заговор против Алим-Хана. На тайном собрании присутствовали Омар, вожди приташкентских кочевых племен аргын, бештамга, кунград и другие, а также некоторые видные кокандские феодалы и отдельные ташкентцы. Собравшиеся признали желательным посадить на ханский трон Омар-Хана. Руководство возложили на ташкентцев Салимсака-Туру, Адила-Туру и кокандского Тупчи-Башу (командир артиллерии). Заговорщикам удалось обмануть бдительность Алим-Хана. Омар выехал в Коканд и там был провозглашен ханом.

И если некоторая часть ташкентцев была удовлетворена результатом заговора, то более широкие слои горожан желали значительно большего. Они с нетерпением ожидали прихода Рустам-бека, который сумел скрыться от кокандцев во время разгрома его войска в степи и обратился за помощью к бухарскому эмиру, а тем временем старались сбыть с рук кокандскую валюту, которая, как полагали они, не будет иметь курса.

Алим-Хан, получив сведения о совершившемся в Коканде перевороте, немедленно начал искать виновников заговора. Узнав о роли Салимсака-Туры, Адила-Туры и Тупчи-Баши, он приказал их схватить и подвергнуть публичной казни на городском базаре[1].

Сам же Алим-Хан, оставив в городе в качестве правителя 14-летнего царевича Шахруха, спешно отправился спасать свой трон. Но по дороге к Коканду Алим-Хан был схвачен сторонниками Омар-Хана и убит.

На Кокандском троне утвердился Омар-Хан. И его первым мероприятием в отношении Ташкента было назначение туда правителем Раджаба Диван-беги, того самого кокандского вельможу, войска которого нанесли сокрушительное поражение воинству ташкентского государя Юнуса-Ходжи.

Это было симптоматично. В назначении правителем

[1] Казнь была совершена на базаре, который являлся старым зерновым базаром — галлят-и-кадим, а в то время назывался «джуйбор». «... В этом месте они погибли мученической смертью» (Мухаммед Салих).

города врага Ташкента, врага его независимости, верного слуги кокандской феодальной правившей группировки, Омар-Хан как бы выявил политическую линию кокандских ханов по отношению к Ташкенту. И в этом Омар-Хан оказался проницательным. Вся последующая история ханства эту линию в общих чертах подтвердила.

Ташкент все ждал Рустама-Туру. Бухарский эмир оказал ему помощь, согласился дать войско. Но оно собиралось медленно. И когда Рустам-Тура с бухарским отрядом и своими людьми, наконец, подошел к границам Ташкентского района, то встретил здесь кокандцев: отряд Рустама-Туры был разбит, сам Рустам и часть его воинов захвачены в плен. Рустама посадили в зиндан и приговорили к смерти. В городе началась расправа с поборниками независимости города и пленниками.

«В продолжении 10 дней,— писал Ф. Назаров,— я видел беспрестанно казнь этих несчастных: их вешали за горло, а одного из них, которого полагали главным зачинщиком бунта, поперек тела... сей больше 6 часов был жив и... в ужасных мучениях испустил дух. Ташкентцы приведены были сим в величайший страх».

По свидетельству Назарова, родственники Рустама-Туры уговорили Назарова вступиться за Рустама и сумели выручить его, заплатив в ханскую казну выкуп в 300 червонцев и одарив правителя города. Рустам немедленно выехал за пределы области и о нем больше нигде не упоминается.

Итак, Ташкент с первых же дней показал себя неблагонадежным городом Кокандского ханства. Но он был нужен ему, и ханы постарались обеспечить в городе устойчивость кокандской власти. На правом берегу арыка Анхор против бывшей Урды (крепости) независимого Ташкента была возведена огромная кокандская урда. «Укрепление сие,— писал Ф. Назаров в 1813 г.,— обнесено со стороны Кокании двумя высокими каменными (сырцовый кирпич) стенами и двумя глубокими рвами, а к городу одной стеной и глубоким каналом до 50 саж. ширины (Анхор). Въезд в укрепление сие по узкой тропинке. В середине укрепления на возвышенном месте построен замок, обнесенный высокими стенами и тремя рвами, имеющими по 7 сажен глубины (цитадель). В сем замке живет главнокомандующий, имеющий полную власть казнить смертью без доклада владетелю (хану)... Замок прежнего владельца

(Юнуса-Ходжи) разрушен до основания, и мы видели на том месте одни груды камней».

В последующее время Урда подвергалась перестройкам и ко времени присоединения Ташкента к России уже не имела двойных стен.

Вскоре урдинская территория была объединена с территорией Ташкента и заселена. Вокруг новых земель были построены оборонительные стены, которые соединили городскую стену Ташкента с урдинской: оказавшаяся внутри часть старой городской стены с Шейхантаурскими воротами была снесена, а в новых участках стены пробиты Лабзакские, Каймасские, Аккурганские и Кокандские ворота. В Урду ввели многочисленный военный гарнизон; значительная часть военнослужащих, главным образом, офицерский состав, жила в мало до того заселенной Бешагачской части города. В дальнейшем эта часть города оказалась населенной почти сплошь сторонниками Кокандского ханства.

В 40-х годах XIX в. в прикрепостной округе на новых землях внутри городских стен было дано разрешение селиться мусульманам из Кашгара (кашгарлыкам), бежавшим из Восточного Туркестана вслед за отступившей оттуда армией Мухаммедали-хана Кокандского; кашгарлыки в Ташкенте также считались опорой кокандской власти. Со времени переселения кашгарских выходцев, Аккурганские ворота стали называться Кашгарскими.

Руководители кокандской администрации в Ташкенте расселились вблизи цитадели, построив себе на территории «кашгарского» квартала обширные домовладения, обнесенные кругом стенами.

Вместе с этим кокандское правительство уделило серьезное внимание привлечению на свою сторону ташкентских клерикалов. С утверждением в Ташкенте кокандской власти вновь начались заботы о доходах духовенства; феодальные верхи Кокандского ханства стремились укрепить экономическое могущество мусульманской церкви, использовать ее идеологическое влияние для укрепления политической власти, развить религиозный фанатизм, искоренить остатки рационалистического вольнодумия, которое являлось характерным для идеологической жизни развитых групп городского посада.

Уже в первые годы господства кокандцев местным мечетям и медресе были переданы в вакуф значительные

земельные наделы. (Например, медресе Ходжи-Ахрара в вакуф были утверждены орошаемые земли по арыку Аккурган и т. д.). Несколько позже развернулось строительство новых религиозно-культовых сооружений — медресе и мечетей, но более простых по убранству и более грубых, чем в XVI в., архитектурных форм (медресе Белярбека, Ишанкула Дахто, Муймубарак и др.). Осуществлялись ремонтно-реставрационные работы старых медресе (Кукельдаша на Чор-су в 1830 г., Баракхана на площади Хаст-Имам в 1859 г.); сооружались дервишские ханака и т. д.

С помощью кокандских правителей церкви в известной степени удалось расширить и укрепить свое влияние. Вместе с этим, в тех же целях возвеличивания власти и церкви, постепенно складывался пышный ритуал процессий, которым являлись торжественные выезды кокандских правителей Ташкента в городскую мечеть на моленья в дни религиозных праздников.

Власть назначенных Кокандом правителей Ташкента над населением города была и так чрезвычайно велика, а с расширением владений в степи и повышением значения этой провинции для ханства, стала совершенно безграничной. Правители Ташкента пользовались правом смертной казни, что обычно в Средней Азии являлось прерогативой только хана.

Ташкент, ставший оплотом Кокандского ханства на северо-западе, превращался в базу наступления в казахскую степь и основной военно-административный центр новых районов государства. С расширением власти над кочевыми племенами возрастала и власть ташкентских наместников Коканда. Они становились правителями всей западной провинции ханства, которая сравнительно скоро стала намного превышать само ханство и территориально и по численности населения. К 1835 г. ташкентские правители получили титул беклярбека (бек над беками) и стали обладать огромным политическим весом в государстве. Их власть была почти бесконтрольна для кокандских ханов и, распоряжаясь значительными средствами и людскими силами, беклярбеки Ташкента нередко выходили из повиновения и восставали против хана, стремясь диктовать ему свою волю. Ташкент же в ходе внутренних усобиц и военной борьбы бухарского и кокандского ханов между собой неоднократно переходил из рук в руки.

Эти феодальные раздоры тяжело отражались на ташкентцах.

Приказчик русской торговой фирмы Зубова — С. Я. Ключарев был свидетелем этой постоянной междоусобной свары — войны кокандского мингбаши Мусульманкула против требовавшего его отставки ташкентского беклярбека Нармухаммеда. Военные действия начались вдали от Ташкента, но жители города были вынуждены участвовать в этой феодальной распре. «Народ был недоволен предстоящей войной и громко роптал», записывает Ключарев 14 февраля 1852 г., но «объявлено (было) жителям, под угрозой смертной казни, чтобы всякий, кто имеет лошадь и оружие, явился под знамя Нармухаммеда. Жители Ташкента вооруженною толпою отправились в поход. Город опустел».

Разбитый под Кереучи Нармухаммед укрылся в Ташкенте; над городом нависла реальная угроза осады. «Жители стали зарывать свое имение в землю. Все купцы выбирались из лавок. Народ был в большом страхе», записывал Ключарев 1 марта, потому, что: «сопротивляться Мусульманкулу было опасно, подчиниться же ему добровольно значило взбунтоваться против Кушбегия, который имел при себе преданных кипчаков и мог с их помощью заставить народ дорого заплатить за измену»[1].

Нармухаммед готовил город к осаде. «Большую часть военного гарнизона разместил внутри цитадели и на стене, которая обращена к Коканду. Ко всем 12 воротам назначено по 100 жителей, вооруженных ружьями и палками. Каждый из этих отрядов, состоя под начальством юзбаши (сотника) из кипчаков, должен был днем и ночью нести дозоры от своих ворот до ближних. 7 марта в полдень войска Мусульманкула стали лагерем у Ташкента. На следующее утро началась артиллерийская дуэль и первые стычки. Захваченных в плен воинов той и другой стороны немедленно умертвляли. Город же переведен на осадное положение».

Жители беспрерывно чинили стены, которые пробивались неприятельскими снарядами. Нармухаммед вызвал к

---

[1] Дневник *С. Я. Ключарева* опубликован *В. В. Вельяминовым-Зерновым* в его труде «Сведения о Кокандском ханстве», Вестник Императорского русского географического общества, ч. 18, СПБ, 1856.

себе 200 человек влиятельных жителей и заставил их: «целовать коран и клясться, что они будут защищать город до последней капли крови. После присяги пожалованы были сарпаи всем 200 человекам»[1].

Осада города длилась с 7 до 23 марта. На время боев кокандцы перекрыли арыки Салар и Боз су, лишив город воды, засылали жителям письма — призывы, приглашавшие народ сдаться. Но Нармухаммед был начеку. Он вторично привел жителей к присяге, а затем «собрав 250 самых богатых горожан, заставил их жить рядом с собой в шатрах около крепостной стены, в качестве заложников». Казы-Каляна Ташкента, которого Нармухаммед заподозрил в сношениях с кокандцами, посадили в тюрьму, взыскав затем с него штраф в размере 1800 червонцев. Ощущая недостаток в деньгах, Нармухаммед проводил неоднократные принудительные сборы средств на военные и другие нужды с купцов и других зажиточных горожан, с иностранцев-индусов. «Купцы прятались и всячески старались избежать уплаты»,— индусы же, на которых был наложен взнос в 10 раз больший, чем на других купцов, в ответ на просьбы о снижении суммы сбора были избиты плетьми. «После чего измученные и перепуганные индийцы собрали немедленно 500 червонцев и отнесли их сами правителю»,— писал С. Ключарев.

Повсеместные поборы и конфискации продолжались и после ухода кокандских войск из-под Ташкента, так как Нармухаммед начал готовиться к ответному походу на Коканд. «Казахи, кочующие кругом Ташкента, были обложены сбором» в 5000 червонцев (потом он был снижен до 1000 червонцев); 150 чимкентцев, сидевших в тюрьме за симпатии к Мусульманкулу, были выпущены на свободу, за что с них взыскали 2000 червонцев, по «самым пустым причинам» производились конфискации имущества и собственности горожан — «дома, угодья, денежные средства, домашние вещи и личное имущество отбирались в казну, а владельцы сажались в тюрьму или изгонялись из города».

После снятия осады постепенно восстанавливалась обычная жизнь города. 27 марта «открылся первый базар после осады, вода Чирчика наполнила каналы», начали

[1] Сарпо — полный комплект одежды, «с головы до ног», который дарился в награду и в знак «благоволения».

приходить торговые караваны из Коканда (28 марта), Бухары; «казахи начали пригонять скот из степей. За один день (4 апреля) ими были проданы 20 000 баранов». Из Ташкента вышли караваны в Троицк и в Кульджу (8 апреля), в Петропавловск, Троицк и Бухару (13 апреля), в Петропавловск и в Семипалатинск (15 апреля).

Объясняя быстроту, с какой формировались торговые караваны, Ключарев замечает, что в связи с распространившимися слухами о предстоящих новых военных столкновениях: «купцы, не предвидя скорого конца смутам, стараются заранее, пока кипчаки еще не успели совершенно разорить их, выбраться из города».

Между тем, не сумев сломить Нармухаммеда военной силой, кокандцы предприняли новую акцию против Ташкента. Стараясь озлобить горожан и натравить их на Нармухаммеда, они объявили запрет на вывоз из Ферганской долины товаров в Ташкент. «Купцы ташкентские,— записывает С. Я. Ключарев в дневнике 26 апреля,— узнав об этом заключении, пришли в отчаяние». Кокандское эмбарго грозило им большими убытками, потому что: «множество товаров было заказано ими еще в феврале и деньги за них уже были уплачены вперед», но товары из-за военных действий еще не были получены. Поэтому кокандская акция имела некоторый успех. Ташкентцы написали Нармухаммеду письмо с просьбой помириться с Мусульманкулом. Однако правитель не отступил от своих планов. Он начал розыски авторов письма, решительно репрессировал тех, кто открыто выступал за примирение с Кокандом и усилил подготовку к военным действиям.

«В этот же день (26 апреля) Нармухаммед отправил бухарскому эмиру 6000 баранов и просил у него помощи против Мингбашия».

Ташкентцы продолжали отправлять торговые караваны в Россию и Кульджу и сами принимали караваны из Кульджи и России, но «в городе уже снова ощущалось беспокойство в связи с возможностью новой войны».

Как свидетельствуют эти сообщения Ключарева, кокандские феодалы установили в Ташкенте режим произвола и насилия. Устрашение подданых имело различные формы: от только что описанного выше способа воздействия на массы страхом за жизнь захваченных заложников, до совершения устрашающих своею жестокостью публичных расправ и казни отдельных лиц или уничтоже-

ния заподозренных в нелояльности к власти путем обвинения их в том или другом вымышленном преступлении против религии и шариата.

Показателен в этом отношении рассказ о Гази-дорвозе, дошедший в устной передаче до 1894 г. и опубликованный услышавшим его в чайхане на базаре Чор-Су Н. Лыкошиным.[1]

Дорвозами назывались акробаты-канатоходцы. Их акробатические трюки на канате, который натягивался высоко над землей между двумя мачтами, бывали настолько динамичны, разнообразны и опасны, что производили на зрителей огромное впечатление. В качестве реквизита при этих упражнениях использовался только длинный шест — балансир, который дорвоз держал в руках. Представления дорвозов шли на базарах, где устанавливался их «дор» — столбы с канатом, в течение всего дня. В короткие антракты между номерами дорвоз, стоя на маленькой площадке на верху дора или опустившись на землю, забавлял зрителей юмористическими и сатирическими куплетами, в большинстве — собственного сочинения и подчас чрезвычайно нецензурными по выражениям, но доходчивыми до слушателей и злободневными. Хороший острослов-дорвоз всегда привлекал многочисленных зрителей, пользовался популярностью и со своей «труппой», т. е. вместе с одним-двумя учениками — помощниками — переезжал на гастроли из одного города в другой.

Остававшийся во время представления все время на земле один из учеников дорвоза собирал среди зрителей добровольные пожертвования, составлявшие заработок труппы.

«На базаре Чор-Су слушал я,— писал Н. Лыкошкин,— рассказ сидевших тут о прошлом чайханы, которая сама памятна населению вследствие совершенной тут казни сарта по имени Гази-дорвоз»[2].

«Когда Худояр удалился в Джизак[3],— говорили рас-

[1] Газета «Туркестанские ведомости» № 41, 1894 г.

[2] Термином «гази» означается борец за веру против неверных, участник священной войны. В данном случае этот термин передает почтение, с которым жители относились к памяти дорвоза, ставшего жертвой несправедливости и феодальной распри.

[3] Худояр трижды был ханом кокандским — в 1845—1858 и 1862—1863, 1866 гг. Пользовался поддержкой бухарского эмира. Когда Худояр лишался трона, вследствие династичных усобиц, он жил в Бухарских пределах. В 1845 г. Худояр был вначале провозглашен ханом в Ташкенте, а затем уже стал ханом Кокандского ханства, но вскоре был вынужден оттуда бежать. В изгнании он жил в Джизаке и занимался мелочной торговлей. В Ташкенте в это время управлял кокандский правитель эмир Ляшкар, назначенный Малля-Ханом.

сказчики,— ташкентский дорвоз вскоре тоже отправился туда, чтобы дать там несколько представлений во время саиля (на гуляньях по случаю весеннего праздника). Худояр был на площади, где был устроен дор. Дорвоз, заметив в толпе зрителей хана, обратился к нему с просьбой пожаловать дорвоза чем-нибудь, и Худояр подарил ему лошадь. Дорвоз, обрадованный подарком, пригласил присутствующих помолиться, чтобы Худояр поскорее вернулся в Ташкент. Призыв пришелся зрителям по душе, и они, исполняя молитву про себя, сразу подняли руку к подбородку, как это нужно при краткой молитве «дуа» или «фатха», чем дело и окончилось». Однако эта обычная благодарность дорвоза за щедрый подарок обошлась ему дорого. Ташкентский правитель эмир Ляшкар, узнавший об этом эпизоде, решил, что дорвоз агитировал за восстановление власти Худояра в Ташкенте и является эмиссаром бывшего хана.

Между тем дорвоз возвратился в Ташкент. Здесь на скопленные сбережения он открыл чайхану на Чор-Су, так как по возрасту ему уже было трудно давать представления, и думал, что достиг предела своих желаний — тихой, спокойной жизни. Чайхана его не пользовалась, однако, вниманием посетителей. Все стремились посетить те чайханы, в которых подавали чай гостям красивые мальчики. Дорвоз не имел такой прислуги, не имел и средств ее содержать. Он обратился к своему приятелю и попросил его отпустить на время для работы в чайхане его сынишку. Тот согласился, дела чайханы пошли лучше.

Эмир Лашкар не упустил случая и, обвинив дорвоза в противоестественных склонностях, отдал его под суд казиев, а последние, зная желание эмира, обвинили дорвоза в преступлении против моральных норм и приговорили к публичной казни дорвоза и его прислужника — мальчика.

Казнь дорвоза длилась два дня. Все это время его возили по городу, как преступника против законов шариата с надписью: «желающий заслужить смертную казнь,

пусть нарушает правила шариата» и все время палачи делали свое дело: в первый день — прикладывали к вискам раскаленные на углях кости (бараньи позвонки) и на темя клали отруби, которые вынимали из кипящей воды, а в дальнейшем подвесили под мышки и били палками по пяткам и спине. Наконец вывернули руки и ноги в суставах. На второй день — возили связанного по рукам и ногам, громко выкрикивая указанную надпись, и, наконец, подвезли к чайхане, которую построил дорвоз, здесь зарезали его и мальчишку и оба трупа, положив рядом лицом друг к другу, оставили лежать на месте в течение 3 дней.

С переходом города под власть кокандских ханов положение городского посада в Ташкенте существенно изменилось. Посад перестал иметь былое значение и роль. В городе и беклярбекстве хозяйничали только военно-феодальные элементы, а горожане оказались лишь всецело подвластным им элементом, не имевшим гражданских прав. В среде самих ташкентцев складывалась не временно проживающая, а постоянная, собственная феодальная среда. В городах появлялись и светские феодалы из числа становившихся у трона беклярбека представителей феодально-племенной знати, и из городской среды, отдельные выходцы которой вовлекались в состав господствовавшей феодальной группировки и в благоприятствовавших этому условиях феодальных усобиц овладевали феодальной собственностью и властью; появились и духовные феодалы из местных церковников улемы.

В условиях военно-феодального господства Кокандского государства посад перестал представлять собою общность городского населения Ташкента, он включал лишь часть его — хозяйственно-деятельную среду, феодально зависимое податное население города, каким являлся посад любого из городов эпохи развитого феодализма. Кокандское завоевание отбросило посадское население Ташкента назад с точки зрения его общественного положения в государстве, оно поставило его в трудные условия жизни и развития, но не сломило, а лишь подчинило посад, и он в новых, трудных условиях сохранил свои уже определившиеся стремления и нашел пути организации своей деятельности. В этом ему существенно помогло дальнейшее расширение торговых связей с Россией.

Царская Россия в первой половине XIX в. активизировала свою политику на Востоке. Переживая глубокий и

затяжной экономический и политический кризис, порожденный конфликтом между развивавшимися производительными силами и отжившими крепостническими производственными отношениями, она стремилась ослабить влияние этого кризиса, энергично развивая хозяйственные связи со странами Востока, в частности с ханствами Средней Азии. Экономическое значение торговых связей с ханствами определялось главным образом потребностями возникшей в России хлопчатобумажной, текстильной промышленности. Не имея сырьевой базы, эта промышленность полностью зависела от поставщиков хлопка и пряжи — капиталистических государств Европы, в первую очередь Англии. Широкое развитие среднеазиатской торговли хлопком могло облегчить рост текстильного производства в России и отчасти обезопасить страну от политического нажима на Россию со стороны капиталистических стран Европы. Среднеазиатская торговля имела большое значение и для уральского горнометаллургического промышленного района.

Всемерное развитие торговых связей с ханствами Средней Азии становилось поэтому делом государственной важности, и правительство России в XIX столетии предприняло все зависящие от него меры к практическому претворению в жизнь этого политического курса. Развитие торговых отношений со Средней Азией оказало непосредственное влияние на положение Ташкента: этот город был расположен на наиболее удобном для России торговом пути и являлся ближним к России крупным среднеазиатским торговым пунктом. Поэтому для России Ташкент сразу приобрел первенствующее значение в качестве центра на торговых путях к среднеазиатским ханствам и к нему направился основной поток российских товаров.

Связи с Россией стали важнейшим фактором экономического развития города. Несмотря на неблагоприятную политическую обстановку в Кокандском ханстве, связи с Россией постепенно возвышали значение Ташкента и превращали город в крупнейший центр быстро формировавшегося нового экономического района, хозяйственное развитие которого тесно увязывалось с характером товарообмена Средней Азии и России.

В конце XVIII в. ташкентский посол Мухаммед-Ходжа Рахим оглы оценивал ежегодный вывоз среднеазиатских (без Казахстана) и, в частности, ташкентских товаров

в Россию через Ташкент — в пределах 200 000 рублей[1]. В XIX столетии только по официальным данным, собранным А. Семеновым[2], в 30-е годы ташкентский вывоз вырос в 2,4 раза, а в 50-е годы — в 3 раза. В середине XIX столетия ташкентское купечество поставляло в Россию главную массу сухофруктов (85%), вывозившихся из Средней Азии. Оно продавало 72% чая, шедшего через Среднюю Азию в Россию. Ташкент вывозил в русские пределы 26% всех хлопчатобумажных тканей, 50% шелковых тканей, 93% зернопродуктов, 30% среднеазиатской пушнины (основной ее вид — каракуль — шел в Россию из Бухары), 16% хлопчатобумажной пряжи, 12% хлопка-сырца и т. п.

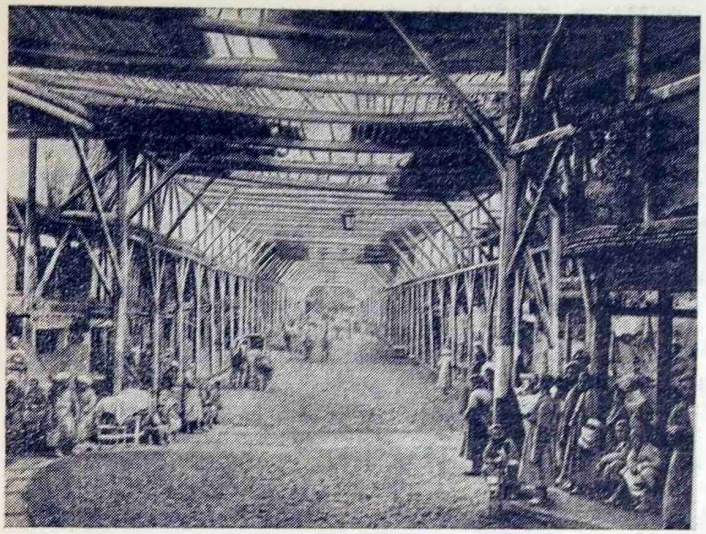
Приведенные данные особенно показательны потому, что общий объем торговых оборотов Средней Азии с Россией между 1830 и 1850 годами почти не возрос. Ташкентская торговля возрастала за счет других ханств Средней Азии, она росла за счет Бухарского ханства, которое начало терять былое преимущество в торговле с Россией вследствие внутренних причин и затруднений, которые встречали бухарские купцы на степных дорогах в Оренбург из-за нападений на купеческие караваны.

Ташкент также расширял ввоз в Среднюю Азию российских товаров. Ташкент закупал почти половину всего шедшего на среднеазиатский рынок металлургического сырья (железа —42%, меди —39%, чугуна —52%), 57,9% хлопчатобумажных тканей (ситца и др.) русского производства, 98% выделанных кож, 59% изделий из дерева (сундуки), 41% суконных и 22% шелковых тканей, 31% красок, около 20% сахара и леденцов, 27% металлоизделий и т. п. Значительная часть российских товаров потреблялась в пределах Ташкента и Ферганской долины, часть же шла на зарубежные восточные рынки и в Бухарский эмират.

Таким образом, Ташкент в 30-е годы XIX в. привлек на свой рынок 44% всех российских товаров среднеазиатского ввоза, а в 50-е годы он ввозил уже 46,5%, то есть почти половину российских товаров. Его квота во ввозе и вывозе товаров международной торговли Средней Азии с Россией продолжала увеличиваться и в 60-е годы.

[1] По документам Омского областного архива.

[2] *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с середины XVIII столетия по 1858 год. СПБ. 1876.



Общий вид одного из рядов старогородского базара Ташкента.

Это вызвало рост городского населения. По данным русской «Организационной комиссии», изучавшей «азиатский» Ташкент по заданию российской администрации в 1868 г., численность его населения в начале 60-х годов XIX столетия определялась в 60 тысяч человек. Плотность заселения городской территории, по размерам мало изменившейся, значительно увеличилась. Рост численности ташкентского населения не был лишь результатом переселений в Ташкент сторонников кокандской власти. Городское население пополнялось и за счет притока добровольных поселенцев, привлеченных в Ташкент его торговой деятельностью. В число его жителей влилось некоторое количество татар (из центральных районов России), бухарских евреев, кочевников, осевших в городе и занятых скототорговлей и ремеслом, некоторую часть новых жителей составляли выходцы из ферганских и других среднеазиатских городов и кишлаков, даже отдельные русские (до 20 чел. по данным комиссии), бежавшие в Ташкент, спасаясь от тягот, постигших их на родной земле.

Быстро развивался ташкентский городской базар. За-

страивались торговыми помещениями пустыри центра Ташкента. Строились караван-сараи для остановок приезжих купцов. На базаре сосредоточивалось ремесленное производство, в основном тех отраслей, которые можно отнести к металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, швейной и т. п. промышленности; вокруг базара возникали мастерские гончарного, тандырного (глиняные печи местного образца для изготовления лепешек) и других производств; строились общественные бани; расширялись чайханный и ашханный ряды; появилось множество хлебопекарен (нонвайхана) вблизи них; появились цирюльни и уличные брадобреи. Расширение денежных сделок привлекло на ташкентский базар не бывавших на нем в XVIII в. менял, ростовщиков и торговцев-индусов, которые облюбовали себе отдельный караван-сарай (на месте современных стадиона «Спартак» и ресторана «Октябрь»). Они оборудовали его для постоянной жизни в нем индусов. В караван-сарае содержалась священная корова, вход в него был сделан по узкому мостику через глубокий арык, а индусы, возвращающиеся из города в свою квартиру, проходя по мостику, «очищались» огнем, расставляя по перилам мостика ряд зажженных свечек. Был караван-сарай, в котором обычно останавливались российские купцы (в нем проживали и армяне, и татары — приказчики русских торговых фирм). Появился на базаре и «рынок рабов», хотя работорговля не играла такого значения для Ташкента, какое она имела для Бухары и Хивы, и ею занимались главным образом приезжие из степи, а не местные купцы.

Во второй половине XIX в. городской базар приобрел наиболее выразительный для него архитектурный стиль. Он представлял собой целый торгово-ремесленный городок, в котором улицы — пассажи составляли непрерывные ряды лавочек и мастерских, собранных по отраслям производства или торговли; они помещались в непрерывно идущих друг за другом небольших, одноэтажных, каркасной постройки, комнатках, которые имели три стенки, так как выходящая на улицу стена не застраивалась и представляла открытый покупателям «прилавок» и «витринное окно». Эти пассажи, по всей длине покрытые сверху специальным навесом — крышей из циновок, защищавших от солнца посетителей базара, создавали специфическое ощущение большого восточного «крытого» рынка.

Россия XIX в. переживала период энергичного развития промышленного производства и быстро вырастала из коротких брючек феодально-абсолютистской монархии, развиваясь по пути к капитализму, первоначальным рубежом которого явились 60-е годы XIX в. «Если бросить общий взгляд,— писал В. И. Ленин,— на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения»[1].

Торговые связи с Россией все более привлекали Ташкент на российский рынок и существенно воздействовали на развитие местного товарного хозяйства.

Экономическая жизнь города, с древнейших времен опиравшаяся на меновую связь продуктами производства оазиса со степью, в XIX столетии все более приспособлялась к новым требованиям, выдвинутым растущими товарными связями с Россией.

Мы можем отметить наличие такой взаимосвязи вообще для среднеазиатского хозяйства. Достаточно привести в качестве примера изменения, которые происходили со среднеазиатским экспортом хлопка и хлопчатобумажной пряжи, в зависимости от развития российской текстильной промышленности. Следует только оговориться, что в XIX в. доля среднеазиатского хлопка и хлопковой пряжи в общем потреблении хлопкового сырья Россией была еще невелика (основное количество его закупалось Россией в Англии и США), да и для Средней Азии хлопок не приобрел еще значения главного товара для экспорта в Россию.

Показательно, что даже до проведения железной дороги в Среднюю Азию и внедрения в среднеазиатских районах американских сортов хлопчатника, вывоз хлопка и пряжи из среднеазиатских государств все время возрастал, но в таких размерах (сырец или пряжа), которые определялись степенью развития отдельных отраслей текстильной промышленности в России.

По данным, подобранным А. Семеновым, было продано в Россию: в 1790 г.—300 пудов хлопка и 2667 пудов хлопковой пряжи, в 1815 г.— 7000 пудов хлопка и 50 000 пудов

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 218.

хлопковой пряжи, в 1834 г.—56 000 пудов хлопка и 166 000 пудов хлопковой пряжи, но в 1851 г.—541 000 пудов хлопка и только 31 000 пудов хлопковой пряжи, а в 1864 г., согласно публикации торгово-экономического органа России «Биржевые ведомости», из Средней Азии было вывезено 600 000 пудов хлопка.

Эти данные свидетельствуют о быстром росте хлопкоторговли с Россией, но они показывают и возрастающее увеличение в ней торговли хлопком-сырцом, за счет хлопковой пряжи. Изменение соотношения этих групп товара было вызвано развитием в России собственной хлопкопрядильной фабричной промышленности. В 1808 г. в России была построена первая прядильная фабрика, а в 1850 г. их стало уже 40, с общим количеством в 35 000 веретен и была создана собственная фабричная промышленность по изготовлению хлопчатопрядильных машин (Александровская мануфактура). Потребность России в среднеазиатской хлопчатобумажной пряже постепенно сошла на нет, но зато возросла потребность в хлопке-сырце.

Однако наиболее показательно воздействие товарного хозяйства в России на специализацию и организацию местного ташкентского производства. В 40-е годы XIX в. Ташкент поставлял в Россию 40% среднеазиатского экспорта сухофруктов, в 50-е годы — уже 85%. Такой колоссальный прирост лишь отчасти объясняется привлечением в Ташкент товарных фондов сухофруктов из бухарских и ферганских районов. Большую роль имело повышение товарности местного садоводства, рост площадей садов и организация садоводческих хозяйств промышленно-товарного характера, вся готовая продукция которых поступала на рынок, а организация и эксплуатация осуществлялась купцами, вкладывающими свой капитал в это производство. Имеются сведения о появлении промышленных садов в Ташкенте уже в 1845 г.

До нас дошло описание одного из таких хозяйств, принадлежавшего ташкентскому купцу Мирзе Хасану. В его саду, который размещался на общинном угодье (маузе) его махалли, было 500 плодоносящих фруктовых деревьев, сад находился вблизи Карасарайских ворот, за чертой города: весь урожай фруктов здесь высушивался и полностью реализовывался на российском рынке. Являясь караван-башем, Мирза Хасан ежегодно водил торговые караваны в Оренбург, знал российский рынок и, участвуя

в торговле своими товарами, организовал хозяйство, которое приносило ему значительный доход. Все необходимое для его организации он приобрел на свой капитал, умело используя при этом выгодные нормы обычного права пользования общинными землями махалли.

Мы уже отмечали, что земельные угодья махалли ежегодно подлежали переделу между ее жителями, причем каждый получал равноценные участки пахотной земли в расчете на каждую, имевшуюся в его хозяйстве, воловью упряжку (кош). Следовательно, представив на время раздела достаточное количество своевременно закупленных им воловьих упряжек, Мирза Хасан мог получить участок общинной земли, достаточный для разбивки большого сада. Купил саженцы, организовал посадку и этим закрепил за собой участок на длительное время[1]. Развивая хозяйство, приобрел садовника-перса (раба) и двух работников (рабов), которым разрешил построить в саду жилище, использовать свободную в хозяйстве землю для огородных растений, чтобы содержать себя, и обязал ухаживать их за деревьями, собирать урожай и сушить готовые плоды. В сушке их принимала участие и вся семья Мирзы Хасана (жены, дети). Полученные сухофрукты становились товаром, который Мирза Хасан и реализовывал на российском рынке.

Следовательно, первоначальные вклады купеческого капитала в садовое хозяйство были не очень велики: покупка кошей (затем, частичное возмещение этой затраты продажей оказавшихся излишними в хозяйстве), покупка сельскохозяйственного и садоводческого инвентаря и орудий, приобретение саженцев и покупка рабочей силы — рабов. Такие первоначальные затраты были сравнительно невелики и не единовременны, они были доступны купцам Ташкента середины XIX в.

В условиях господства феодальных отношений купеческие хозяйства возникали в Ташкенте своеобразным путем, в них использовался труд не сельских пролетариев, а единовременно оплаченный купцом труд работников, по своему положению близко напоминавших крепостных крестьян

---

[1] Участок, засаженный деревьями, долгое время не изымался от махаллинца, который его засадил; однако он на все это время лишался права получить под посев другой участок махаллинской земли.

екатерининской эпохи («почти рабов», по выражению В. И. Ленина).

Такое хозяйство приобретало не феодальный, а почти товарно-капиталистический характер. Оно не было похоже на хозяйство колонов, периода крушения рабовладельческого Рима. Оно не являлось и феодально-крепостническим по характеру своего возникновения, но не было и капиталистическим, представляя собою местную промежуточную форму хозяйственной организации, стихийно складывавшуюся на пути движения его к капиталистической форме. Купеческие хозяйства в Ташкенте возникли в специфической конкретно-исторической обстановке, определявшейся мощным воздействием товарного хозяйства России.

Однако считать такой характер производства типичным для Ташкента 50—60 годов XIX в. нельзя. Господствовавшей формой оставалось обычное в условиях феодализма мелкотоварное хозяйство ташкентских горожан и поселян. Но появление в Ташкенте даже единичных хозяйств иного типа так же, как и спорадическое внедрение купеческого капитала в отдельные отрасли ремесленного производства (текстильное, седельное, некоторые другие), имеет важное значение для понимания особенностей жизни ташкентского городского посада в XIX столетии.

Оно показывает, что местное общество не остановилось в своем хозяйственном и общественном развитии, происходила соответствующая ориентация на российский рынок и местного ремесленного производства. Правда, на него оказывал большое влияние не вывоз, а ввоз продукции российского фабрично-заводского производства. В частности, доставка металла из России вызвала расширение металлургического ремесла. Ремесленное производство Ташкента начало восстанавливать свое значение поставщика товаров на степной рынок и в ряд других районов, а также полнее обеспечивало запросы внутреннего рынка. Одновременно с расширением производства шел, хотя и медленный, процесс совершенствования организации труда и повышения его производительности.

Не стояла на месте и культурная жизнь ташкентского общества. Одним из показателей развития культурной жизни являлось появление на городском базаре торгового цеха по продаже художественной и научной литературы мусульманского Востока. В Ташкенте возникло местное переписное дело, переплетное дело, появились «мельницы»

для изготовления писчей бумаги (из хлопчатобумажного тряпья)[1].

Развитие книжного дела и книготорговля не означали, однако, что в городе появилось большое количество грамотных людей. В Ташкенте, как и на всем мусульманском Востоке, проводилось всеобщее религиозное обучение мальчиков, а отчасти и девочек в мактабах — махаллинских школах при мечети. Обучение в них имело целью лишь ознакомление детей с религиозно-этическими нормами ислама, а не предоставление им знаний практического характера. Поэтому подавляющее большинство населения оставалось неграмотным.

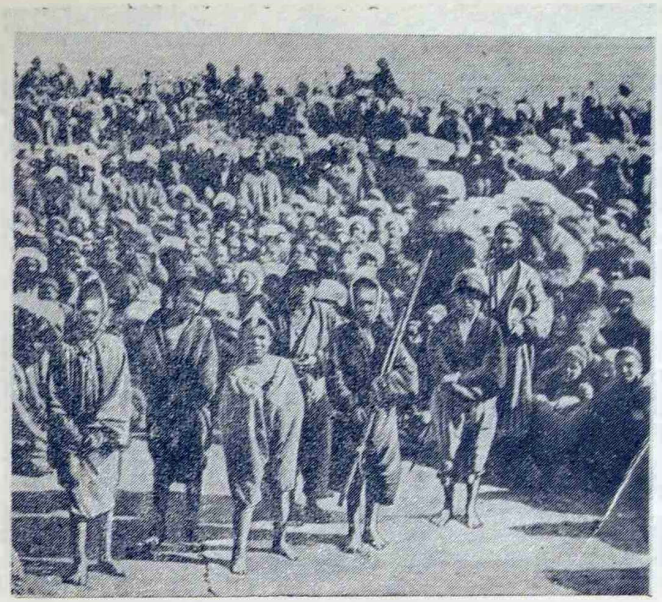
Книга была доступна только небольшому кругу жителей города, тем, кто получил образование в высшей духовной школе—медресе и иностранцам, проживавшим в городе, например татарам. Широкая же масса населения должна была довольствоваться тем, что услышит в устной декламации или пересказе из наиболее известных на Востоке эпических, лирических или религиозно-мистических произведений. И если для более зажиточной торгово-ремесленной группы ташкентцев такие возможности предоставлялись довольно часто во время обычных в их быту гапов (т. е. приемов), то для основной массы населения таким местом являлись только махаллинская или базарная чайханы. Здесь проводило свой досуг махаллинское население. Тут можно было услышать песни шоиров-певцов, разговоры о событиях сегодняшнего дня. Но чайхана служила местом сбора лишь мужской половины населения. Женщине было недоступно даже такое развлечение, ее уделом был дом и замкнутая жизнь в ичкари. Общение с городским миром ей было ограничено волей мужа и установлениями семейного права мусульманского религиозного закона. Шариат запрещал женщине показываться в публичных местах. Основан-

[1] На ташкентском рынке продавались книги (рукописи и литографии) на арабском, персидском и тюркском языках, среднеазиатского, индийского, иранского, турецкого и казанского изданий. Из местных переписчиков книг известны: Ишан-Ходжа ибн Абдулла-Ходжа и Мухаммед Муса-Ходжа ибн Артык-Ходжа ишан Шаши, работавшие в 1860—1862 гг.; для более раннего времени известно имя ташкентского переплетчика Абдурашида Карима — переплет с его подписью относится к началу XIX в. Бумагоделательное производство было заимствовано из Коканда, бумага ташкентского производства была невысокого качества.

ные на шариате правила поведения мусульман в быту и обществе гласили, что «жена все равно, что пленник», и мужу «не следует никогда давать своего согласия на то, чтобы посторонние, запрещенные для женщины люди, посещали бы женскую половину дома». Не надо также дозволять жене — поучал закон — посещать кладбища, когда там собирается много народа, посещать мечети, публичные сборища для слушания проповедей, не надо отпускать ее на многолюдные семейные торжества и поминки, жена не должна уходить из дома, не спросив на то разрешения мужа. Женская половина населения города лишь изредка и под присмотром мужа или отца могла попасть в дни религиозных праздников на городские гулянья. Однако, как правило, и на праздники ходили только мужчины.

В скрупулезном исполнении норм шариата в быту нельзя не видеть воздействия поддерживаемой Кокандским феодальным ханством мусульманской церкви, однако в условиях Ташкента церкви не удалось целиком поработить его посадское население. Оно продолжало сохранять самостоятельность при решении жизненно важных вопросов. И посад на деле доказал это практической деятельностью в наиболее ответственный период, когда нужно было выбрать пути своего дальнейшего развития.

Общественная жизнь населения была развита, как и всюду в Средней Азии, сравнительно слабо и в основном кульминировалась в период религиозных праздников. Излюбленными местами проведения таких праздников в Ташкенте были Шейхантаурский сад, горка в центре города, находившаяся вблизи современной улицы Комсомольской, загородная местность, Минг-урюк, а также кишлаки Зенги-Ата и Той-Тюбе. На базарной площади в центре Ташкента воздвигали на время праздников свои сооружения канатоходцы — «дорвозы», чайханы украшались коврами и паласами, появлялось множество лоточников — продавцов сладостей и незатейливых игрушек, громкими криками усердно расхваливающих свой товар; между гуляющими стремительно продвигались, приплясывая на ходу, дервиши в остроконечных шапках. Они оглашали воздух религиозными возгласами и, потрясая перед верующими кошелями, сделанными из скорлупы кокосового ореха, собирали приношения; праздничный гомон, остроумие маскарабозов (скоморохов), дорвозов (канатоходцев), шутки которых подчас носили очень фривольный характер, вызы-



Маскарабазы. Фотовыставка 1899 г.

вали громкий смех и одобрения; сатирико-юмористические представления театра кукол (кугурчак), песни прославленных певцов — шоиров, искусно орудовавших чайным подносом или тарелкой для изменения силы и тембра голоса,— все это веселило и развлекало многоликую массу гуляющих; однако среди всех этих по-праздничному разодетых людей не было женщин и девочек. Они оставались дома. Лишь от домусульманских времен сохранился в Ташкенте женский народный праздник — кор ягды[1] — праздник первого снега. Со времени утверждения ислама праздник утратил массовый характер и проводился келейно. Женщины и девушки под вечер выбегали на улицу, закрытые покрывалами и, пробегая по махалле от дома к дому, собирали сладости или деньги на их покупку, а за-

[1] Одна из махаллей Ташкента вплоть до XX в. имела наименование «Корягды». Она находилась вблизи от места расположения современного стадиона «Пахтакор», то есть на северо-восточной окраине «старого города».

Музыканты и петрушка. Фото А. Данковской 1899 г.

тем, собравшись у кого-нибудь из махаллинцев на женской половине, угощались собранным, веселились, как умели.

Широко отмечался молодежью только один из домусульманских народных праздников — праздник весны (гул-и-сурх). В этот день молодежь украшала себя цветком степного тюльпана. Делали из тюльпанов и нечто вроде деревца, привязав тюльпаны на прутик или палочку таким образом, что из цветков получался сплошной пушистый столбик. Содержанием праздника было гуляние молодежи по улицам, игры. Девушки и девочки проводили праздник у себя дома и лишь внутренними ходами бегали с цветком тюльпана в гости к своим подружкам. Таким образом, только мужское население Ташкента участвовало в подобии общественной жизни, что было характерной чертой всего жизненного уклада любого восточного мусульманского города тех времен, и Ташкент не представлял исключения.

Город не был исключением и в отношении бытового обслуживания населения. Несмотря на высокое развитие

на Востоке врачебной практики в IX—XII вв. и деятельность в Средней Азии таких выдающихся представителей медицинской науки, как Абу Али Ибн Сина (980—1037), получившего известность во всех странах Востока и Запада, в узбекских ханствах врачебное дело находилось в упадке.

В Ташкенте подавляющее большинство местных табибов (лекарей) было невеждами, и в «медицинской» практике исходили из представлений, что человек заболевает в результате вселения в тело злого духа. Поэтому лечебными средствами считались заговоры, заклинания и различные манипуляции, имевшие целью испугать и выгнать злого духа, приносящего страдания больному. Исключение составляли лишь специалисты — костоправы. Сохранив в памяти опыт поколений своих предшественников, они сравнительно удачно залечивали травмы и переломы.

Уровню врачебной практики табибов соответствовали и профилактические меры против болезней. Профилактическими средствами признавались различные амулеты (тумары), каждый из которых обладал, по мнению веровавших в них людей, точно определенными свойствами; тумары нужно было носить на себе или же хранить в соответствующем назначению месте.

Санитарно-гигиенические мероприятия ограничивались заботами о содержании в чистоте дворика, прилегающего к воротам домовладения участка улицы, и тем, чтобы не загрязнять отбросами водоемы (хаузы) и арычную воду. Примитивны были представления и о санитарно-гигиеническом состоянии учреждений общественного питания — чайхан и столовых (ошхоны). При таком невысоком уровне санитарной культуры и практическом отсутствии врачебной помощи в городе были распространены различные заразные болезни — желудочно-кишечные, накожные и др., а изредка появлявшаяся чума и довольно частая гостья — холера, нередко принимали характер грозных эпидемий, уносивших множество жизней людей всех слоев общества[1].

[1] Сообщая о холерной эпидемии, свирепствовавшей в Ташкенте с месяца «раджаба» по «рамазан» 1263 г. (август — сентябрь 1847 г.), Мухаммед Салих Кори Ташкенди пишет, что от холеры умерли многие знатные люди, ученые и военные и что «вследствие широкого распространения этой страшной болезни в городе и окрестном кочевье появилось плохое настроение».

Итак, уже к середине XIX в. Ташкент приобрел значение главного в Средней Азии торгово-экономического центра. Его возросшая роль в связях с Россией создавала благоприятные предпосылки к дальнейшему развитию хозяйственной деятельности торгово-ремесленных групп ташкентского населения. Однако, продолжая оставаться под властью военно-феодальных верхов Кокандского ханства, ташкентцы не могли достаточно полно воспользоваться открывшимися им возможностями.

Политическая неустойчивость характеризовала весь период подчинения Ташкента власти кокандских ханов. Достаточно сказать, что только за 25 лет, с 1840 по 1865 годы, Ташкент 7 раз переходил из рук в руки, оказываясь в подчинении то Кокандского ханства, то Бухарского эмирата, на короткие сроки овладевавшего городом, то под властью независимого хакима. Помимо этого, город многократно бывал ареной вооруженных столкновений различных феодальных группировок Кокандского ханства, а каждая замена властей влекла за собою казни, конфискации, поборы. Горожане искали средства облегчения своего положения, стремились к обеспечению городу твердой власти.

Часть горожан видела выход в подчинении Ташкента власти Бухарского эмирата, государственную организацию которого они ошибочно считали более устойчивой. Другие являлись сторонниками восстановления самостоятельности Ташкента и оказывали решительную поддержку отдельным царевичам кокандской династии (Малля-Хану, Худояр-Хану), но тоже ошибались, так как, укрепившись в Ташкенте, эти царевичи сразу начинали вооруженную борьбу за захват верховной власти в ханстве. Выступали в борьбе против тягот кокандского владычества и широкие массы городского населения.

Наиболее решительным и упорным было восстание ташкентских горожан против властей Коканда, в период хакимства в городе Азиза Парваначи. Восстание началось утром 23 июля 1850 г. Это было восстание трудового люда — ташкентского посада — «лева-а-ом» (восстание черни), по терминологии Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди. Поводом к выступлению послужило требование немедленной уплаты в казну беклярбека крупного по размеру внеочередного и незаконного налога, якобы для покрытия расходов казны на организацию религиозного праздника.

Во главе восставших был ташкентский ремесленник ткач шелка Ма Юсуф бай. Центром выступления был район Иски-Джуба.

В местности Джан-гох произошло ожесточенное сражение между солдатами кокандского гарнизона, явившимися сюда из Кокандской урды, и восставшим народом. Через сутки к восставшим присоединились все другие группы ташкентского посада. Восстание приобрело широкий размах и упорный характер. Войска кокандского гарнизона терпели поражение и начали с боем отступать через территорию Бешагачской части города. Повстанцы наступали и не давали передышки врагу. С трудом отбиваясь от ташкентских горожан, гарнизон все же смог пробраться к Урде, пройдя туда по улицам Бешагачской и Арпапая. Заскочив в крепость и заняв оборону, кокандцы: «не ожидая вечернего намаза, после разговенья открыли стрельбу по городу из ружей и пушек. Восставший же народ окружил крепость с четырех сторон и подверг ее крепкой осаде».— Так писал Мухаммед Салих.

Гарнизон Азиза Парваначи нес большие потери и слабел. Между тем городские казии, улема и другие «вельможи» (то есть феодальная знать) города послали гонцов с призывом о помощи к кокандскому правителю Кураминского района Нармухаммеду (в город Кереучи) и к сердару ташкентского беклярбекства, находившемуся с отрядом кокандских войск на сборе плагежей с кочевых племен.

Те поспешили к Ташкенту со всеми наличными войсками и, вступив в город, напали на горожан. Но их вмешательство не расстроило ряды восставших. Теперь бои шли на два фронта и продолжались еще 12 дней.

Кокандцам не удалось сломить упорства горожан силой оружия. Нармухаммед стал добиваться этого хитростью. При посредничестве ташкентской феодальной знати он вступил в переговоры с восставшими, добился согласия ташкентцев прекратить войну на условии, что от имени хана будет подписано договорное соглашение об условиях, на каких горожане признают власть кокандских ханов и их представителей в Ташкенте. Текст этого важного исторического документа не дошел до нас. Но Мухаммед Салих Кори Ташкенди указывает, что одним из условий было изгнание из Ташкента Азиза Парваначи и его приверженцев, другим — прекращение произвола властей и практики взимания с горожан незаконных поборов.

Нармухаммед всенародно подписал этот договор от имени кокандского хана Худояр-Хана.

Азиз Парваначи с семьей и его приближенными при общем ликовании: «с обломанными крыльями» выехал в Коканд. Там он был разжалован, но вскоре получил в управление один из мелких городов Ферганы. В Ташкент правителем был назначен Нармухаммед, участник подавления народного движения в Ташкенте.

Ташкентское восстание 1850 г. являлось антифеодальным движением народных масс городского посада; оно показало его силу, но вскрыло и незрелость, неподготовленность вести борьбу до решительной победы, что явилось важнейшей причиной фактической безрезультатности восстания: кокандцы не стали считаться с договорными условиями. Об этом свидетельствуют данные, которые мы приводили в разделе о положении горожан в 1852 г., то есть во время хакимства того самого Нармухаммеда, который сам же и подписывал договор с ташкентским населением.

Поэтому нельзя осуждать тех ташкентцев, которые, разуверившись в возможности добиться нормальных условий жизни и не видя путей для обеспечения себе гражданских прав, бежали из родного города, переселяясь в пограничные районы России, и принимали российское подданство. Это были растерявшиеся люди, которые пошли по пути наименьшего сопротивления. Они встали под защиту российских гражданских законов, а они в XVIII — половине XIX вв. в связи с государственной политикой царской России по отношению к переселенцам из Средней Азии, были даже менее суровы, чем законы в отношении российского тяглового населения. В этих благоприятных условиях переселенцы устраивали себе более спокойную жизнь, чем на родине; они не испытывали при этом и моральных тягот на чужбине, так как имели право сооружать мечети и решать внутренние дела между переселенцами собственным судом по шариату и, как мы уже выше отмечали, могли при прочих соответствовавших этому условиях, быстро развивать свою хозяйственную деятельность не только в области торговли, но даже и в сфере промышленного капитала. Оставшиеся же в Ташкенте местные торговцы и ремесленники продолжали жить в трудных для них условиях развития, под пятой военно-феодальной знати, освободиться от которой они не умели и не имели сил.

Освобождение от кокандской зависимости произошло неожиданно для ташкентцев, хотя отчасти и с их помощью, в ходе наступательного движения России в Среднюю Азию.

Как уже неоднократно отмечалось, в XVIII и даже в начале XIX столетия Россия не ставила себе задачей завоевание Средней Азии, как не выдвигала ее и в период активной внешнеполитической деятельности петровской России, предпринявшей обширную военную акцию в сторону Хивы и Бухары — направление военного отряда Бековича-Черкасского. Не Средняя Азия сама по себе, а дорога на богатые рынки Востока через Среднюю Азию и слухи о золотоносных землях вызвали посылку в Среднюю Азию российского военного отряда.

С тех пор прошло еще около столетия, а Россия все еще не ставила себе задачей включить в свои пределы среднеазиатские районы. За это время, как мы показали на примере Ташкента, основной внешнеполитической линией России в отношении среднеазиатских ханств была, подсказанная внутренним развитием экономики российских городов и деревни, государственная политика, направленная к расширению торговых связей со странами Востока и, в частности, со Средней Азией.

Между тем, к середине XIX в. капиталистические страны Европы, в первую очередь Англия и Франция, усилили свою экспансию на Ближнем и Среднем Востоке с целью захвата новых рынков и приобретения новых колониальных владений. Наибольшую энергию в этом отношении проявляла Англия, развернувшая борьбу за господство в странах Востока. Постепенно вытесняя своих европейских соперников из Индии и утверждая там монопольное господство, Англия предприняла наступление и в более северные районы Среднего Востока.

К 1816 г. ей удалось вытеснить Россию с афганского рынка[1], к 1829 г. она добилась резкого ослабления российского влияния в Персии, а в ханствах Средней Азии

[1] Вслед за этим Англия сделала попытку полного подчинения Афганистана. Начавшиеся англо-афганские войны длились с перерывами с 1838 по 1919 г. Первая война закончилась в 1842 г. захватом Кабула. Но англичанам не удалось закрепиться. В этом же году они были изгнаны из Афганистана, но экономические связи с Афганистаном Англия сохранила. Последующие войны также были для Англии безуспешными.

она развернула энергичную деятельность с целью вытеснения России со среднеазиатских рынков, перемещения среднеазиатской торговли на индийские рынки, для чего и была открыта ярмарка на р. Инд, проводила военно-политическую разведку Средней Азии[1]. Эти устремления Англии не встретили поддержки местного среднеазиатского населения, но вызвали серьезное беспокойство в России. До 1840 г. русские обладали в этом районе (имеются в виду причерноморские и прикаспийские земли) почти исключительной монополией на торговлю иностранными промышленными товарами вплоть до Инда «... английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю»[2].

Английская торговая экспансия в Среднюю Азию составляла для России, уже почти потерявшей из-за Англии афганский рынок и свое влияние в Иране, серьезную опасность потери и среднеазиатских связей, которые, как отмечалось выше, представляли для нее жизненно-необходимую потребность. Россия того времени была феодально-крепостнической страной и переживала крайний предел разложения феодализма. Ее купечество и промышленность, развитые значительно слабее, чем английские, не могли дать действенный отпор английским конкурентам, планомерно развивавшим экономическую экспансию в Среднюю Азию и проводившим подготовку к осуществлению военного вторжения в ее пределы. Все это приводило к обострению отношений между Россией и Англией на Среднем Востоке.

В 1837 г. правительство России изгнало из Оренбурга действовавшую там так называемую английскую «евангелистскую миссию», попутно развернувшую широкую шпионскую деятельность, и приняло ряд мер к восстановлению нарушенного спокойствия отдельных кочевых племен.

[1] Первым английским разведчиком в Средней Азии был *Мир Иззет Улла*, проехавший по Ферганской долине и Бухарскому ханству в 1812—1813 гг. Позже — *Муркрофт* (1826 г.— Афганистан, 1823 г.— Бухара), *Бёрнс*, трижды посетивший Бухарское ханство (с 1831 г.), *Гиникбергер* (Афганистан — Бухара, 1832 г.), *Вейберг* (Хива, 1838 г.), *Конолли и Стоддарт* (Бухара, 1838 г.), *Аббот и Шекспир* (Коканд — Бухара — 1839 г.), *Конолли* (Коканд — Бухара — 1840 г.), *Вольф* (Бухара — 1844 г.). С 1844 г. в Среднюю Азию вместо разведчиков-англичан стали засылаться индусы-разведчики, являвшиеся под личиной купцов. По-видимому, это было вызвано казнями английских разведчиков Вейберга, Стоддарта, Аббота, Шекспира, Конолли в Бухаре.

[2] *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9. М., изд. 2, стр. 7.

Однако Англия наращивала свои экспансионистские устремления.

«Могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и вспахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма»[1], толкало капиталистически развитую Англию на путь дальнейшей активизации своей политики на Ближнем и Среднем Востоке. После неудач, постигших английские войска на Гиндукуше, где Англия не сумела прочно укрепиться, чем задерживалось ее движение в сторону Средней Азии, «поле торговой битвы между Россией и Англией» было «перенесено с Инда к Трапезунду и русская торговля, которая раньше доходила до границ английской империи на Востоке, теперь (была) оттеснена на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы»[2].

Кульминационным периодом этой борьбы была Крымская война с 1853 по 1856 г., закончившаяся поражением России. Война показала гнилость и бессилие крепостнической России и со всей остротой поставила вопрос о необходимости буржуазных преобразований. В годы войны в России резко усилилось крестьянское движение и активизировалась деятельность революционно-демократической интеллигенции. В итоге, царское правительство, ослабленное военным поражением и напуганное крестьянскими бунтами против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 г. крепостное право. Отмена крепостной зависимости крестьянства создала более благоприятные условия для быстрого развития в России капиталистического хозяйства, хотя господствующее положение дворянского сословия продолжало сохраняться еще долгое время.

В новых условиях политика царизма в отношении Средней Азии сохраняла начатый в 1853 г. курс, однако с ростом капитализма внутреннее содержание ее постепенно менялось, приобретая в условиях медленно расширяющегося внутреннего рынка, форму движения российского капитализма «вширь». В связи с этим развивалось военное наступление в сторону Ташкента; правительство России предполагало твердой ногой стать у северного рубежа Средней Азии, создав там «независимое, но подконтрольное России», местное ханство с центром в Ташкенте.

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 4, стр. 76.

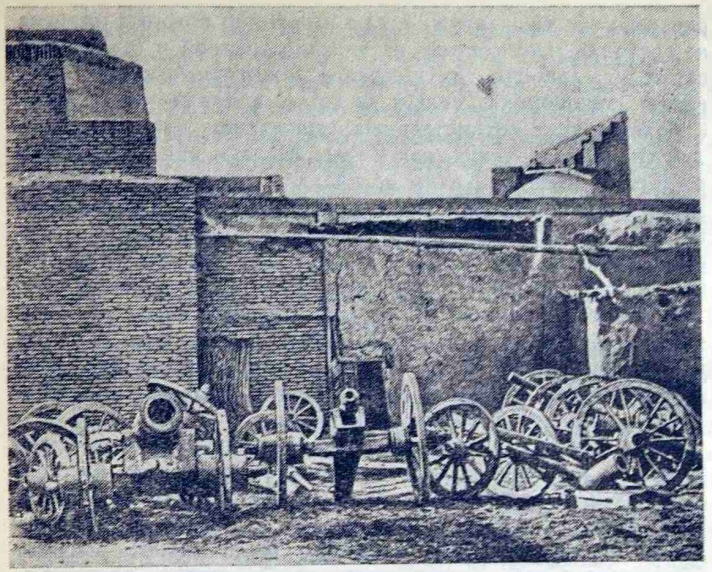
[2] *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9. М., изд. 2, стр. 13.

Для этой цели были направлены на юг военные отряды генералов Черняева и Веревкина. Двигаясь по казахской степи от городов Верного (совр. Алма-Ата) и от Перовска (совр. Кзыл-Орда), по территориям кочевья, захваченного Кокандским ханством, оба отряда сошлись в Чимкенте, утвердив власть России в городах Туркестане, Аулиэ-Ата (совр. Джамбул) и Чимкенте.

Этим был занят рубеж, который намечало русское правительство в отношении южной границы на подступах к Средней Азии.

Однако, сообразуясь с местной обстановкой и учитывая военно-стратегическое значение Ташкента, генерал Черняев не долго задержался в Чимкенте. Развивая достигнутый успех, он предпринял не предусмотренный правительственными планами военной кампании, поход на Ташкент.

1 октября 1864 г. 8,5 роты при 12 орудиях подошли к городу со стороны Юнусабада и стали лагерем в местности Ак-Курган. Гарнизон Ташкента занял оборону, сосредоточив силы на линии Кашгарских и Кокандских ворот. Во всех других местах городской стены были расставлены караулы из горожан. В Коканд поскакал гонец с сообщением о подходе черняевского отряда. Там Султан Сейид-Хан объявил «всеобщий» газават (призыв на священную войну всех мужчин от 7 до 70-летнего возраста) и поход на Ташкент основных военных сил ханства. Между тем Черняев начал рекогносцировки вблизи городской цитадели. Ташкентская артиллерия и стрелки вступали с русскими в перестрелку. 15 ноября полковник Обух добился разрешения Черняева на штурм ворот. После артиллерийской подготовки, подавившей кокандскую артиллерию и сломившей силы стоявших на стене защитников ворот, две роты Обуха бросились на штурм, но были встречены огнем успевших занять позиции новых отрядов гарнизона. Черняев еле смог выручить залегших во рву солдат Обуха. Для этого понадобился шквальный огневой налет всех 12 орудий его отряда, что дало штурмовому отряду возможность соединиться с главными силами. Черняев отступил на Минг-Урюк. Отряд остановился лагерем близ саларского моста на Куйлюкской дороге. Полковник Обух при штурме был смертельно ранен. А кокандцы, спустившись в ров после ухода отряда Черняева, сняли одежду и отрубили головы шести убитым солдатам, оставленным во рву. Нацепив



Пушки кокандской артиллерии. Выставка у стены медресе Кукельдаш. Фото 1899 г.

«трофеи» на пики, они торжественно пронесли их по городским улицам, празднуя победу. Гарнизон кокандского правителя города Муса Мухаммед-бая отразил атаку.

Спустя некоторое время, Черняеву стало известно о движении к Ташкенту кокандского войска во главе с ханом и Алимкулом. Не подготовленный к зимней военной кампании, отряд Черняева снялся с лагеря и ушел в Чимкент на зимние квартиры.

Неудача военного похода Черняева к Ташкенту на разные группы ташкентцев произвела различное впечатление. Кокандская группировка была полностью удовлетворена происшедшим. Но она не выражала мнения всех горожан. Многие жители города восприняли это по-другому. По свидетельству Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, после отступления русского военного отряда, около 3000 ташкентцев бежали из города в занятые русскими города — Туркестан, Чимкент, Сайрам, Аулиэ-Ату. Кто эти люди? Мухаммед Салих дал им исчерпывающую характе-

ристику: ато ташкентцы, «деды и потомки которых никогда не состояли и не состоят на государственной и султанской службе», «любящие имущество — зажиточные купцы, торговцы, лавочники», «люди базара», а также «множество и большинство потомственных ташкентцев, известных людей вилойята — таких, как Садык Магзум ибн Ишан Вали из Кукчи, Магзум Хаким ибн Мулла Атаулла из Шейхантаура и прочие»[1]. Другими словами — это люди городского посада. Уходили горожане, покидали родной город в период, когда развертывалась борьба за обладание Ташкентом между ханством и Россией. Этот факт исключительный в истории города. И так как массовый выезд из Ташкента происходил в то время, когда к нему уже шло все кокандское войско, когда миновала непосредственная опасность захвата — выезд из Ташкента жителей представляется важным и симптоматичным.

Что побудило ташкентцев уйти из родного дома в чужие города и деревни, к тому же занятые войсками, которые лишь только недавно осаждали их город, идти в стужу и снег, терпя лишения и без особой надежды на кров на новом месте? «Многим уехавшим было тяжело,— пишет Мухаммед Салих,— во-первых, уехало много, во-вторых, потому, что было холодно; в Ташкенте молились о том, чтобы им было лучше». Почему ушли они в города, занятые русскими, а не в Джизак, Самарканд или другие бухарские, то есть мусульманские города? Почему подобно ташкентцам в это время покинула свои зимовки часть приташкентских кочевников и тоже переселилась в степные районы, которые находились вблизи городов, занятых русскими войсками?

Не было ли это массовой, стихийной, как огонь, политической демонстрацией явного протеста против произвола и насилия, беззакония и бесправия, которые принесло в Чирчикскую долину кокандское владычество; не являлось ли причиной ухода нежелание защищать опостылевшую власть? И не так ли поняла это кокандская военно-феодальная знать, ответившая террором по отношению к выходцам? Ответ на это может дать только ход дальнейших событий.

[1] *Мухаммед Салих Кори Ташкенди.* Новая история Ташкента. Рукопись Института востоковедения Академии наук УзССР, № 7791, лл. 1172, 1173.

Кокандские войска подошли к Ташкенту уже после отхода русского военного отряда. Они остановились на р. Чирчике (около современного поселка Куйлюк), где 25 ноября 1864 г. их торжественно встретили знать и духовенство Ташкента. Во время церемонии встречи Алимкул объявил присутствующим только что доставленное ему письмо кашгарского владетеля Валихана-Туры о том, что кашгарцы тоже присоединяются к газавату. Затем главнокомандующий кокандских войск призвал к газавату ташкентцев, и все двинулись в город. Войска, артиллерия, газии и Алимкул с Султан Сеид-Ханом разместились в кокандской крепости города.

Первым делом прибывшие гости немедленно сменили правителя Ташкента, несмотря на то, что кокандские войска отстояли город от нападения на него русского отряда. Видимо потому, что правитель не принял должных мер к тому, чтобы не допустить отъезда из Ташкента жителей города. Во всяком случае Мухаммед Салих Кори Ташкенди, хотя и очень глухо и не совсем понятно, но сообщает, что этот выезд произошел «с разрешения мутасадиев города», то есть лиц, занимающих официальные должности»,— по-видимому автор говорит о командирах кокандской стражи у городских ворот.

Правителем города был назначен Мирза Ахмед Кушбеги, один из приближенных к Алимкулу военачальников кокандского войска.

Через неделю в городе «услышали барабан, бьющий сбор на газават,— записал Мухаммед Салих и заметил, что: «звуки этого призывного боя доставляли наслаждение всем тем людям, кто понимает жизнь и религию». Собравшиеся отряды во главе с Алимкулом, Мирзой Ахмедом Кушбеги (правителем Ташкента), Кушбеги-Парваначи, кипчаком Юсуп бай датхо Утаббаевым и ташкентцами Мусой Мухаммед-бием и Беком Мухаммед-бием двинулись под знаменем Султана Сеид-Хана в поход. Воинство газиев торжественно прошло по всему городу — от Урды по Шейхантаурской улице до ворот Сагбан вдоль шпалеров провожавших их в бой клерикалов и жителей Ташкента и, выйдя за ворота, отправились через Сары-Агач на город Туркестан.

Шли с трудом, по глубокому снегу: многие газии отмораживали руки, отставали по пути, но воинство все двигалось вперед, прошло уже мимо селения Икана, как вдруг

встретилось в степи с группой «христиан»[1] и, заняв позиции, бросилось в атаку на неверных. Произошел известный трехдневный иканский бой сотни казаков, имевших одну пушку, с ополчением газиев. Бой закончился их победой. 40 казаков, с трудом отбиваясь, укрылись в крепости Туркестан. На месте боя остался их единорог с заклепанным казаками затвором и 60 убитых. Забрав трофеи, Алимкул вступил в селение Икан. С пристрастием допросив всех жителей деревни, Алимкул учинил расправу «над всеми», кто делал поступки, не подобающие шариату», т. е. подозревался в сочувствии к русским.

После расправы с иканцами, среди которых оказались и некоторые из остановившихся в селении ташкентцев, покинувших город и забрав с собой трофеи — (оставленную казачьей сотней пушку-единорог, амуницию убитых казаков и др.), а также имущество иканцев, Алимкул с войском возвратился в Ташкент, а не продолжил поход на Туркестан. Он решил использовать незначительный успех, достигнутый под Иканом, как средство для подъема настроения жителей ханства.

Алимкул организовал преследование всех, кто сочувствовал русским. Разослал по всей области шпионов вылавливать таких людей. Приказал стереть с лица земли жилище Абдурахмана-бека Шадман Бекова, только что переселившегося в Чимкент[2], и, предполагая, что весной повторится наступление Черняева на Ташкент, сделал ряд распоряжений своим военачальникам.

Коменданту крепости Ниязбек Мулле Ир-Мухаммеду было приказано подготовить ее к обороне и вызвать для усиления гарнизона джигитов от рода канглы. Ему была обещана присылка подкреплений из крепостей Андижан и Тюря-Курган. Всех ташкентцев, пытавшихся бежать к русским, приказывалось арестовывать, имущество конфисковать и, сообщив об этом Алимкулу, ждать распоряжений.

Был назначен и новый правитель в Ташкент — Куш-Парваначи Кипчак.

После ряда подобных распоряжений и расправ Алимкул и Султан Сеид-Хан вместе с ферганскими войсками возвратились в свою столицу — Коканд[1].

Политика жесточайших репрессий против действительных и мнимых противников ферганской господствовавшей феодальной клики, начало которой положил расстрел из пушки командира Аулиэатинской крепости Нияз-Али-бия пансад баши шахрисябси (в 1864 г.)[2] обрушилась как на гражданских, так и военных лиц. Эта политика не способствовала мобилизации населения на защиту Кокандского государства и упрочению внутреннего положения, так как служила поводом к дальнейшему росту неуважения власти и к падению авторитета кокандского правительства среди широких кругов оседлого и кочевого населения ханства.

Все это особенно проявилось во время военных событий 1865 г. В апреле началось новое наступление на Ташкент. Мы отмечали выше, что правительство России предполагало организовать Ташкентское ханство, во главе которого был бы придерживающийся русской ориентации хан. Поход 1864 г. и доклад Черняева в Петербург с оценкой военно-стратегических выгод от включения Ташкента в грани-

---

[1] Мухаммед Салих называет российские военные силы терминами — «христиане», подразумевая под этим русские отряды и «русские», понимая под ними кочевников, которые присоединялись к русским войскам и иногда выполняли отдельные задания.

[2] Абдурахман-бек Шадман Беков,— натурализовавшийся ташкентец, жил в махалле Чувалачи, являлся там должностным лицом и бежал сразу, как узнал, что шпионы Алимкула перехватили его письмо к Черняеву в Чимкент. Вернувшись в Ташкент в 1865 г., Абдурахман-бек нашел на месте своего жилища лишь голый пустырь, заросший бурьяном. Он поцеловал родную землю и взял себе на память о родительском доме горсть земли — все что мог найти на пепелище (Мухаммед Салих).

[1] Дата выезда не установлена. Донесение Черняева по этому вопросу датировано 25 декабря 1864 г.

[2] У Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди мы читаем, что после того, как отряд Черняева захватил Аулиэ-Ата (июнь 1864 г.), Ниязбий пансад баши, натурализовавшийся ташкентец, бежал из Аулиэ-Ата в Чимкент. Тут он остался и принимал активное участие в обороне Чимкента. После того, как первое наступление Черняева на Чимкент было отбито, Алимкул и Султан Сеид-Хан стали раздавать награды отличившимся в бою воинам и по окончании этой церемонии Сеид Хан тут же обратился к Ниязу Али-бию, глядя на него в упор, и стал его «ругать за отсутствие чувства долга, рвения и религиозности, за бесчестность и подлость за то, что задаром отдал он крепость Аулиэ-Ата русским. Потом хан подал знак сарбазам главного начальника артиллерии афганцу и приказал. Тотчас же связали (Ниязу Али-бию) руки и ноги и расстреляли его из пушки так, что тело кусками упало на землю. Каждую часть тела убитого расстреливали с криками, что он (бий) опозорил все Дешт-и-кипчак, что он продался русским. Сыновья же Нияза-Али-бия, все 11, стояли тут же, и они после этой казни сразу убежали к русским». (Цит. соч., л. 1153). Чимкент был занят Черняевым во втором наступлении — 8 сентября 1864 г.

цы государства побудили заняться пересмотром этих планов. Было решено не препятствовать завоеванию Ташкента как временной мере, но предложить Черняеву воздержаться от активных действий до получения достаточных подкреплений. Следуя этому указанию, Черняев, мечтавший о военной славе, видел путь к ее достижению в быстроте и решительности действий и, получив дополнительно всего лишь две роты пехотинцев[1], считал себя вправе выступить в поход.

«В месяц зульхиджа в 1281 г. х. (апрель 1865 г.) генерал Ширинов (Черняев),— писал Мухаммед Салих,— со всем войском явился на городскую базарную площадь Чимкента и через джарчи (глашатая) заявил: «Все, кто имел торговые дела с этими солдатами, татарами, казахами, киргизами и прочими, пусть откликнутся и сейчас пусть сделают по сделкам окончательный расчет, а потом я отправлюсь походом против Ташкента», и как отметил Мухаммед Салих,—«в течение одного дня обе стороны закончили свои торговые расчеты друг с другом по справедливости»[2].

Отряд Черняева, численностью около 2000 человек (пехота, казачьи сотни, 12 орудий), вышел из Чимкента 27 апреля 1865 г. и 29 апреля подошел к крепости Ниязбек. На предложение сдать крепость без боя комендант, надеявшийся на подход подкреплений из Ташкента, куда он дал знать о случившемся, ответил отказом. Были проведены подготовительные работы к штурму крепости и начат ее артиллерийский обстрел. Обнаружив же приближающийся к Ниязбеку кокандский военный отряд, численностью до 3000 чел., Черняев его атаковал, разбил и обратил в бегство. После этого крепость вскоре капитулировала. Гарнизон крепости был отпущен на волю.

Затем, дав отдых войскам в Ниязбеке, Черняев, послушавшись совета опытных людей, закрыл доступ чирчикской воде в ташкентские каналы[3] и двинулся к Ташкенту. По пути отряд сделал остановку в селении Дурмень, затем, поднявшись вверх по течению арыка, стал лагерем в

[1] *Сярковский-Гилярий.* Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864—1865 годов. Военный сборник № 2, № 3, СПБ, 1891.

[2] *Мухаммед Салих Кори Ташкенди*, цит. соч., л. 257.

[3] «Люди, сочувствующие русским, оказавшиеся в Ниязбеке, дали совет закрыть воду в ташкентские каналы» *(Мухаммед Салих).*

местности Шор-тепе, в то время почти незаселенной. Это была низина, обильно заросшая камышом. Незначительная часть земли обрабатывалась сарбазами (солдатами) кокандского гарнизона Ташкента (племени кипчак и других казахских родов), в основном проживавших, однако, в пределах ташкентской крепости. Имелись и единичные жители из среды местных казахских племен. Возвышенную часть местности занимали обширные холмы с удобной для размещения лагеря лощиной между ними[1]. На ней был построен походный укрепленный лагерь отряда Черняева.

В Шор-тепе отряд встретил благожелательное отношение местных обитателей. Один из них Мулла Сафар из племени санычклы даже явился к Черняеву с предложением стать проводником[2]. До Шор-тепе проводником отряда был Абдурахман-бек.

Походы Черняева к Ташкенту довольно подробно описаны участниками их — офицерами отряда, и в основном были освещены в печати. Однако все они представлены с точки зрения людей, пришедших к Ташкенту извне. Позволяя себе занять внимание читателя еще раз описанием этих походов, я стремился их осветить с точки зрения местного населения, используя для этого, главным образом, те сообщения, которые дошли до нас в записи участника сражений ташкентца — Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди. Он не дает полного и систематического описания действий, а пишет главным образом лишь о том, что сам видел, описывает то, в чем сам участвовал, или то, что узнал со слов других очевидцев. Являясь одним из активных участников событий, Салих был хорошо осведомлен о делах кокандцев и ташкентских горожан. Поэтому сообщения Мухаммеда Салиха — сторонника феодального правительства и противника подчинения Ташкента России, позволяют нам глубже оценить происшедшие военно-исторические события, так как автора никак нельзя заподозрить в стремлениях приукрасить их в пользу русских.

[1] Эту местность занимает часть поливных угодий современного поселка им. Орджоникидзе. На одном из холмов ныне поселковое кладбище. Один из шортепинских холмов раньше почитался ташкентскими мусульманами как место остановки на нем, по их представлениям, ноева ковчега во время всемирного потопа.

[2] Племя санычклы в прошлом активно содействовало возвышению Юнуса-Ходжи и долгое время было активным поборником независимости Ташкентского государства. Власть Кокандского ханства была для племени не очень желанной.

Получив сообщение о приходе русского отряда, Султан Сеид-Хан объявил общий газават, а Алимкул стал поспешно готовить к походу в Ташкент регулярную армию ханства. 8 зульхиджа 1281 г. хиджры (среда 5 мая 1865 г.) кокандское войско и ферганские газии вышли в поход. Быстро продвигаясь к Ташкенту по Ходжентской дороге, войска за двое суток подошли к реке Чирчик. Здесь их встретили жители Ташкента (рано утром в пятницу 7 мая): «правитель города, власти и вельможи государства, казии, улемы, шейхи, дервиши и жители», вышедшие навстречу газиям. В сопровождении встречавших войска отправились к городу, перешли саларский мост («серпул», позже названный Первушинским) и проводили прибывшие войска до Минг-Урюка, где они стали лагерем.

Войско и газии разместились на обширной территории Минг-Урюк, а ставка эмирляшкера Алимкула и Султан Сеид-Хана была разбита на тул-и-афросиабе — на вершине наиболее высокого холма в местности Минг-Урюк. Вскоре здесь был раскинут «царский дастархан», за который уселись «дворцовые собеседники» и приглашенная к столу ташкентская знать. Начался официальный банкет, на котором «Мулла Алимкул Гази обратился к присутствующим с зажигательной речью», смысл которой ярко характеризуется приведенными Мухаммедом Салихом выдержками:

«Бухарский эмир Музаффар позвал русских, чтобы держать меня за горло, сделал так, что русские тянут меня теперь за полы; эмир Музаффар отошел от царского пути Тимура, он склонился к русским и теперь нам нужно рассчитывать только на свои силы!» Закончил Алимкул речь горячим призывом: «Всем принять участие в газавате!»

Присутствовавшая ташкентская знать обязалась поддержать газават. В тот же день она провела мобилизацию транспортных средств жителей города для перевозки имущества кокандской армии, оставленного в селении Той-Тюбе, а на Минг-Урюке, в ставке, были организованы молебны («моленья») о здравии и успехах Султана Сеид-Хана, сына Малля-Хана.

«В это время (уже вечером) из Шор-тепе что-то вылетело с большим шумом и поднялось, как звезда сверкая. Тогда Алимкул встал и сказал: «русские узнали, что мы тут находимся и этот знак дан оттуда, чтобы испугать нас». Что-то упало на землю, а потом, как звезды, рассыпалось сверкая»,— записал Мухаммед Салих впечатление о невиданном ташкентцами действии «ракетных станков»— небольших ракет, применявшихся в русских войсках того времени.

В Мингурюкском лагере, между тем, шла деятельная подготовка к военным действиям. К утру был сформирован из сарбазов передовой полк (авангард), командиром (мукадама ул-джими) которого назначили Сиддыка-Туру — одного из дешт-и-кипчакских чингизидов, сына султана Кенисары. Его же утвердили сепахсаларом (командующим) кокандских войск. На торжественной церемонии введения в должность Сиддык-Тура удостоился получения из ханской казны «знамени богатырства», «одежды почести», «шапки Искандера», «пояса Давида» и «был всем облагодетельствован».

Брат Сиддыка — Арслан-Тура, получил назначение сердаром (командующим всеми конными войсками из джигитов племен дугулят, аргун и прочих кипчакских кочевых племен). Начались тактические учения ферганских областных ополчений.

8 мая утром («в субботу, как только стал рассеиваться обычный в это время в Ташкенте утренний туман») вышли из ворот Ташкента и направились на Минг-Урюк «любящие веру, друзья мухамеддийские, собравшиеся по призыву улемов и обитатели медресе Ишан кули — дадхо»; совершив салам и таазим перед Султаном Сеид-Ханом, они объявили себя газиями и остались в лагере, ожидая распоряжения к началу газавата.

В это время прискакали со стороны местности Шортепе нукеры — связные Сиддыка-Туры, отряды которого были утром посланы на разведку, «чтобы доставить сведения о русских».

Они рапортовали, что два отряда русских вышли из Шор-Тепе на дорогу Алтун-Тепе. Они уже прошли Алтун-Тепе и около Курганчи Назар Кушбеги соединились. Один отряд конный, другой состоит из пехотинцев. Между этими двумя отрядами двигается одна пушка. Они остановились на берегу Салара[1].

[1] Рекогносцировочный отряд из двух рот был направлен 8 мая 1865 г. Алтын-Тепе — местность по правую сторону от современного Луначарского шоссе, касаясь его в районе автобусной станции «Граница», простирается по ул. Петрова (Паркентская). Курганча Назарбека находилась недалеко от арыка Салар.

Это сообщение всех привело в движение. Алимкул подал сигнал к немедленному выступлению. Построив войско в походный порядок и став впереди него, двинулся мимо Кокандских ворот к арыку — Тархан-Сайот (современный Дархан). В голове колонны вслед за Алимкулом, скакавшем на коне, шла артиллерия (36 пушек) под начальством командира артиллерии Хиндустани и хинду Баджи-Юзбашия; за нею гвардия гулямов «абиссинская» (легко вооруженные воины), а затем полки: два полка «ахан-пушей» (в кольчугах), два — «зрих-пушей» (в латах), четыре полка «айна-пушей» (в зеркальных латах — дабалге) с прикрепленными металлическими пластинами, два полка «кулак пушей» (имевших высокие меховые шапки), два полка кавалеристов-стрелков, вооруженных дальнобойными ружьями. Между каждым полком в интервалах шли по две пушки, привьюченные к седлам для стрельбы сходу (занбурак).

Колонна быстро достигла Тархан-Сайота, развернувшись по правому берегу арыка Дархан (вблизи современных улиц Урицкого и Пушкина), кокандские силы заняли позицию против русского отряда. «При виде их со стороны русских ударила пушка, и отряд русской пехоты бросился вперед в атаку»,— записал Мухаммед Салих. Алимкул дал приказ открыть огонь и двинуться на противника. «Артиллеристы Юзбаши и Хиндустани, сарбазы и стрелки, быстро приготовившись, открыли из ружей и пушек огонь так, что на каждом шагу из многих мест кто-нибудь из пушек или ружей стрелял». Пули и снаряды летели со всех сторон. Оба отряда скрылись в дыму от ружей и пушек, а также в пыли, поднятой скакунами газиев.

Алимкул, спешившись, бегал по полю боя, одобряя воинов, призывая командиров к стойкости. Кокандцы несли большие потери, появились люди, которые давали умирающим чашку воды.

Русские стали отступать к Салару, потом — за Салар.

«Одушевленные Алимкулом кокандские воины бросились вперед бегом, с трех сторон атакуя русских, тесня их к Курганче Назарбека Курбаши, оттуда дальше на дорогу Аличак и Алтун-Тепе и оттуда к Шор-тепе.

Только спустившись вниз с холмов Шор-тепе в свой лагерь, эти отряды освободились от преследования мусульман.

Алимкул разрешил бить в барабан победы.

Войска возвратились на берег Дархана, куда была перенесена и ставка главнокомандующего».

Так описал Мухаммед Салих первую встречу кокандских воинов с русскими, в сражении на Дархане. О ней нет упоминаний в русских военных документах. В них говорится лишь, что утром 7 мая 1865 г. были высланы в рекогносцировку рота пехоты и эскадрон казаков при одной пушке.

Таково начало военных действий кокандских войск под Ташкентом. Преувеличенная оценка значения достигнутого успеха вызвала ликование кокандской партии и тесно связанных с клерикалами слоев ташкентского населения. Город праздновал победу. Алимкул наградил особо отличившихся воинов из артиллеристов афганского отряда, абиссинских гулямов, стрелков и сарбазов отпуском в Ташкент на праздник в честь победы. Их встретили в Ташкенте поздравлениями, хлебом и фруктами[1].

Но сам Алимкул правильно оценивал происшедшее и видел все малое значение боевого успеха, хотя в дело была брошена вся армия и отряды газиев. Энергичный правитель и способный военачальник, он ясно понял, что с наличными силами не добьется реальной победы и что конечного успеха сможет достигнуть только привлечением новых отрядов газиев, чтобы подавить противника численным превосходством.

Поэтому Алимкул не препятствовал гиперболизации достигнутого успеха, чтобы этим создать у широких масс мусульманского населения города и области превратное представление о силе кокандского ханства, о незыблемости его власти и этим привлечь их в ряды газиев. Мухаммед Салих Кори Ташкенди отмечает, что на празднике «победы» Алимкул вновь обратился к ташкентцам с призывом к священной войне[2].

В 7 часов вечера Алимкул собрал ташкентских и кокандских «известных людей» для обсуждения плана дальнейшей кампании. На этом совещании Алимкул предложил послать в дешт-и-кипчакскую степь уполномоченных для того, чтобы рассказать о «блестящей победе» кокандского оружия и добиться, чтобы племена кочевников Чимкента,

[1] *Мухаммед Салих Кори Ташкенди*, Указ, соч., л. 1205.
[2] Там же.

Сайрама, Туркестана, Ак-Мечети, Пишпека и всех других мест Дешт-и-Кипчака подняли восстание против русских и присоединились к газавату[1]. Затем он вновь обратился к ташкентцам с призывом, точнее с требованием, принять активное участие в газавате, в котором Алимкул отводил ташкентцам особое место. Он намечал им и большую роль в предстоящем на завтра генеральном сражении. Ведь Ташкент мог выставить более 20 000 газиев-горожан, т. е. почти втрое увеличить силы Алимкула.

Относясь к горожанам, как и все феодалы, пренебрежительно, Алимкул не предполагал, что жители Ташкента осмелятся ослушаться его. Он не видел глубокой пропасти, которая уже отделила значительную часть ташкентцев от феодального Коканда, и не понимал изменений, которые за последние десятилетия произошли в ташкентском обществе под влиянием роста товарности хозяйств, вызванного связями с Россией.

Поэтому он был уверен в приходе газиев Ташкента и даже указал им «новое место сбора», а сам уехал в свой дарханский военный лагерь готовить войско к завтрашнему бою, который он решил дать Черняеву вблизи от Шор-тепе, начав сражение внезапным нападением на русский лагерь.

Однако Алимкул обманулся в своих расчетах. Кокандское ханство из-за своей феодальной ограниченности уже стало той сдерживающей силой, которая тормозила нормальное развитие и рост хозяйственной инициативы торгово-ремесленных слоев населения, не обеспечивая ему охраны личности и собственности и все более затрудняя развитие ташкентского общества по пути экономического прогресса.

Поэтому неприязнь ташкентцев к кокандскому господству, возникшая с первых дней утверждения кокандской власти ко времени продвижения в Среднюю Азию российских военных отрядов, не только не ослабла, а еще более

[1] Из всех присутствующих на совещании лишь один из виднейших вельмож ханского двора Атабек Шаббаддор-кокандский решился высказать свои сомнения в реальности плана Алимкула. В ответ на критику Алимкул воскликнул: «хорошо думаешь и говоришь, но не вовремя, сейчас главное — победить, а после победы, что будет — это уж наше дело». (*Мухаммед Салих*). В этом коротком заявлении — вся суть Алимкула и ведущий принцип государственной политики феодального ханства, принцип, отталкивавший народные массы от Кокандского ханства не только в Ташкенте, но и в кокандских владениях на территории кочевья.

усилилась. По мере роста посадских связей с российским товарным рынком она вырастала в непримиримые противоречия между начинавшим двигаться по пути к буржуазному развитию ташкентским обществом и реакционным феодально-клерикальным сословием. Радикально разрешить это противоречие собственными силами ташкентский посад не имел еще возможностей. Не созрели еще и предпосылки для такой борьбы. Однако ташкентский городской посад уже ощущал потребность изменить свое положение и в меру возможностей стал действовать в своих интересах.

В этих условиях ташкентцы лишь уклонились от активной защиты своих угнетателей и дали несоразмерно малое число газиев в войско Алимкула[1], но для Кокандского ханства это было тяжелым ударом, с последствиями которого Алимкулу пришлось столкнуться уже в ночь на 9 мая.

Алимкул и генерал Черняев в ночь на 9 мая 1865 г. готовились к сражению следующего дня. Максимально используя свои преимущества — прекрасное знание местности и надеясь на огромный численный перевес своей армии, Алимкул наметил новые позиции — ближе к местности Шор-тепе с тем, чтобы создать условия для охвата русского отряда, а затем вынудить отряд к оборонительным боям в окружении.

Рассчитывая взять инициативу в свои руки, Алимкул двинул свою армию на новые позиции скрытно, в предрассветной тьме, колоннами, каждая из которых шла своей дорогой, соблюдая тишину и осторожность. К рассвету кокандское войско уже начало размещаться на выбранной позиции. Алимкул переоценил свои силы. Их не хватало для полного охвата русских позиций. Пришлось занять лишь главную линию фронта, разместив войска длинной дугой, правый фланг которой находился в местности Дурменча, а левый — на Алычаке. Опорными пунктами позиции были три 12-пушечные батареи, которые поставили в местности Алычак, в Дурменче и на середине пути между ними; первую линию заняли стрелки с ружьями «кара-кундак» и газии, расположившиеся по позиции между батареями, а

[1] По словам Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, основной костяк ташкентского ополчения газиев составили лишь студенты ташкентских медресе, муллы и феодально-клерикальные элементы города. Автор отмечает крайне глухо, однако, и нестойкость газиев говорит, что уже в ночь на 9 мая некоторые газии стали покидать войска Алимкула.

основные силы армии были сосредоточены в центре боевого порядка[1]. Однако создать фактор неожиданности Алимкулу тоже не удалось. С восходом солнца 9 мая, по свидетельству участника боя, русского офицера Сярковского-Гиллярия, пришел в движение и черняевский лагерь. Предоставим слово этому участнику сражения — он командовал ротой, которая первой вышла в этот час из шортепинского лагеря: «По команде: «Восьмая стрелковая рота в ружье!», мы бросились вперед, добежали до мазара и наткнулись на многочисленных всадников, гарцевавших вокруг нашего лагеря; вдали виднелись густые массы конных ташкентцев, двигавшихся тихо, как будто в обход лагеря». Таким образом Черняев узнал о перемещении кокандской армии и имел возможность подготовить свой отряд к сражению.

Бой начался обстрелом шортепинского лагеря кокандской артиллерийской батареей с высоты Алычака, и перестрелкой двух рот стрелков с алычакской группировкой кокандской армии[2].

Кроме подробного описания этого боя Сярковским-Гиллярием, имеются сведения о нем в военных документах того времени и в популярной литературе. Описание боя дано и Мухаммедом Салихом Кори Ташкенди, причем ход боевых действий русскими источниками и ташкентским автором изложен в основном одинаково. Так как описания сражения по русским источникам уже публиковались в печати[3], мы приведем данные ташкентского автора (сокращенно, но по возможности сохраняя его выражения).

«Начался бой. От дыма стало темно. Вскоре бой перешел в рукопашный. Бились винтовками и топорами. Когда

[1] Судя по словам Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, общая численность кокандского войска без артиллеристов, газиев и абиссинской гвардии была 12 000 чел.; американский путешественник Скайлер, посетивший Туркестан в 1873 г., в своей книге «Туркестан» указывает численность выступавшего в бою кокандского войска в 7000 чел. Русские официальные источники не приводят конкретных сведений о численности кокандской армии.

[2] Дальность полета ядер кокандской батареи соответствовала дальности боя пушек русского отряда. Кокандцы могли вести и прицельную стрельбу. Имеются сообщения, что одно из ядер кокандской артиллерии упало вблизи Черняева, сидевшего у своей палатки в лагере, откуда он руководил сражением, но было во-время отброшено. В официальных документах этот случай не отмечен.

[3] *Сярковский-Гиллярий.* Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864—1865 гг. Военный сборник, год 34-й, № 2 и № 3, СПБ, 1891, стр. 159—160.

дым рассеялся, увидели: некоторые газии пошли по приглашению бога в рай, а многие без приглашения в ад пошли, так как бежали с поля боя. Началась конная атака русских. Тогда часть атакуемых верхом бросилась ко второй центральной батарее. Алимкул же велел Абдуллабеку скакать к первой батарее и сам поскакал за ним. Прискакали, но тут Алимкула ранило пулей в живот.

Вызвав сюда все три батареи, Алимкул решил продолжать бой регулярными войсками, а бывших на линии газиев отпустил домой. В наступавших стреляли из всех 36 пушек, очередями по 6 орудий.

Алимкул оставался с войском, чтобы его удержать и, стоя в Дурменче, давал команды.

Карнай протрубил сигнал общей атаки. Начался повсеместный рукопашный бой. Русские пошли в штыки».

После этого кокандские полки, отстреливаясь, стали отступать к Салару. Последние газии бежали через Дархан к Минг-Урюку. В это время конный отряд русских с одной пушкой от Дурманчи бросился к Ташкенту и попал к Сибзарской части. Об этом (по узун-кулаку) услышали горожане и кокандские военные отряды, бывшие в южной части города. Ополчение казахов, киргизов и андижанские газии, захватив военное снаряжение, побежали из города и через реку Чирчик устремились в Коканд. Вслед за андижанцами кинулись из Ташкента в Коканд и ряд ферганских отрядов. Следом за ними поддались панике и другие кокандские ополченцы и газии.

Однако ташкентцы и в этих условиях не оказали поддержки кокандским военным силам. Ташкентцы оставались у себя в домах; число ташкентских газиев не только не увеличилось, а стало еще меньше. Упадок боевой энергии и дезертирство с фронта начались и в среде регулярных частей Коканда. Мухаммед Салих вместе с несколькими ташкентскими газиями в это время возвратился в город из Минг-Урюка. Проходя Кокандскими воротами, они увидели около города 16-пушечную батарею с пушкарями-афганцами, которую поставили здесь в начале боя. Пушкари бросили орудия и разбежались, остались у пушек только двое афганцев-караульных, но и они стремились освободиться «плача, просили они прохожих помочь им завести в город пушки, но никто не помогал.., а прискакавший в город с позиции алимкуловский офицер (Али-Кулави) с золотым топориком, золотым поясом и серебряной

шашкой закричал на них: «не бежать, стоять на посту на месте», а сам,— добавляет автор,— с поля боя дезертировал»[1].

Газии вместе с Мухаммедом Салихом завезли пушки в город (после чего и последние афганцы исчезли) и остались на бастионах городской стены. В это время «к городу подъехал еще один отряд русских с двумя пушками[2] против того места, где мы были и разместили пушки в ложбине на Ак-Кургане. Выстрелили, снаряды разорвались в крепости, где в то время находились 500 воинов Мирбаба пансадбаши.

Так как при пушечной батарее на городской стене артиллеристов не было, то не из пушки, а сами мы стали стрелять из ружей. Тогда подошел один, спрашивает: «что делаете, муллы?— «Шариат велит самим стараться»,— ответили. Он говорит — «Не трудитесь» и сам поджег фитиль и из пушки выстрелил. Пушечный бой шел 1,5 часа. Вдруг увидели мы,— русские пушки двигаются по горбатому мосту (пул-и-кутарма) арыка Ак-Курган обратно по дороге к Ниязбеку. Между тем, кокандские войска за это время рассеялись, видимо мечтая убежать в Коканд и Ходжент, как будто бы наступил день Киямат. Алимкула же унесли из центра боя и доставили в Ташкент через кокандские ворота по левому старому берегу арыка Чаули».

В Ташкент вернулась незначительная часть кокандской регулярной армии (артиллерийские подразделения, частично солдаты и офицеры других подразделений, Чустский полк и некоторые отряды из кочевников). Бой закончился полным разгромом кокандской армии и ополчения газиев.

Итак, 9 мая 1865 г. Ташкент освободился из-под власти ханства, в результате полного разгрома кокандских военных сил, бежавших с поля боя, побежденных, деморализованных ударами отряда Черняева и в большинстве ушедших обратно в Ферганскую долину.

---

[1] Заканчивая описание этого эпизода, автор говорит о себе: «А я, узнав, что он убежал с поля боя, сказал ему: «В такой форме тебе стыдно убегать, лучше умереть!» и так ударил его по шее, что он упал с лошади».

[2] В этом отряде был и генерал Черняев. Он подходил к Кашгарским воротам. О конном отряде, достигшем Сибзарской части, русские источники не упоминают.

В чем причина столь катастрофического поражения под Ташкентом кокандского войска в бою, в котором участвовало не только ферганское ополчение, а вся регулярная армия ханства? Обычно отвечают — в военно-техническом превосходстве русского военного отряда. На самом деле это далеко не так. Нельзя, конечно, отрицать наличия военно-технического превосходства русского отряда, но оно было не во всем: артиллерия была почти такой же и управляли ей обученные офицерами-индусами сарбазы, огнестрельным оружием было вооружено не меньшее, а большее число солдат, чем в отряде Черняева, и т. д., а кроме того, русский отряд по своей численности был горсткой по сравнению с армией Алимкула.

Имевшееся преимущество вооружения, выучки, дисциплинированности русских солдат и военно-теоретической подготовленности офицерских кадров в значительной степени компенсировалось тем, что отряд Черняева был наступавшей стороной, а ханство обороняло «собственные» земли и значит должно было иметь поддержку широких масс населения страны. Факты показывают, однако, обратное. Ни кочевые племена, ни ташкентцы не откликнулись на призывы к газавату, так же, как ранее не отозвались они на требования турецкого султана начать войну с Россией в дни тяжелой для нее Крымской кампании[1]. И теперь, испытывающее тяжесть угнетения, население кокандской «колонии»— ташкентского беклярбекства, отказало ферганским феодалам в поддержке, предоставило им самим, без помощи ташкентцев и местных кочевых племен, отстаивать собственные интересы, посильно содействуя этим наступавшему отряду русских войск. Это было закономерным результатом углубления и обострения внутренних противоречий в стране — противоречий между «колонией» и «метрополией».

Массовый невыход ташкентских горожан на поле битвы под Ташкентом являлся общественно-осознанным бойкотом военно-оборонных мероприятий ханства, предотвратить который ханство не имело ни времени, ни сил, ни средств. Этот бойкот был своеобразной формой полити-

---

[1] В Крымской войне 1853—1856 гг. против России выступала коалиция держав в составе Англии, Франции, Турции, Сардинии, Россия союзников не имела. Руководящей силой коалиции была Англия.

ческого выступления, идейно направленного против сдерживавших развитие ташкентского посада сил реакции, которые господствовали в Кокандском ханстве, против феодального произвола, гражданского бесправия и экономического угнетения.

Таким образом, основными причинами, предопределившими поражение сил господствовавшей в Кокандском ханстве военно-феодальной группировки, явились отсутствие поддержки ее со стороны народных масс и отсталость и гнилость феодально-деспотической системы ханства; военно-техническое несовершенство кокандской армии имело при этом лишь второстепенное значение.

V. ЗАВОЕВАНИЕ ТАШКЕНТА

Ташкент после боя у Шор-Тепе. Образование Ташкентского ханства. Выдача Ташкентского хана бухарскому эмиру, утверждение бухарского протектората над Ташкентом. Штурм и завоевание Ташкента генералом Черняевым. Отношение городского населения к военным событиям.

Смертельное ранение на поле боя Алимкула, доставленного на носилках в Ташкент, потрясло и без того деморализованное воинство Коканда. В лице Алимкула кокандские феодалы теряли единственного среди них способного и деятельного организатора и предприимчивого предводителя, энергичного и решительного руководителя вооруженных сил Кокандского государства. Дезорганизация армии достигла предела. «...мы услышали шум на улице. Удивляясь сегодняшнему случаю (поражение войска, смертельному ранению Алимкула), мы — я с револьвером в руке, а за мной Ишан Ходжа-Хан с шестопером (булава с шестью остриями), вышли за ворота,— писал Мухаммед Салих Кори Ташкенди,— и увидели проходящий по улице Чустский полк. Его командир, правитель города Чуста Мухаммед Айюб, верхом, с двумя шашками — одна в ножнах, другая наголо, в золоченном поясе, в салля, а с ним приблизительно тысяча солдат быстро шли со значками подразделений, красными и белыми и свернутым знаменем полка по улице города. Поравнявшись с нами, Айюб подъехал, остановился. Мы его вежливо приветствовали, спросили: «Эй, Айюб, командир мусульманского войска, на какую службу идете с такой скоростью?» Ответил: «От Кукчинских ворот русские наступают, эмир-Ляшкар дал нам приказ идти туда».

В тот же момент один человек мне на ухо шепнул: «Эмир-Ляшкар Алим Кули из этого простого света в радостный действительный свет ушел (умер). Эти люди начали бежать». Полк продолжал свой путь и ушел из города. Бегство воинских частей продолжалось и позже.

Началось казнокрадство, мародерство. «Из старой урды двое конных проехали мимо нас... Под чапаном у них — шашки. За ним еще один с привязанной к хвосту лошади второй лошадью на поводу. Я вышел на середину улицы и им кричу: «В такое военное время куда идете?»— «Мы купцы, в караван-сарай пойдем»,— отвечают. «Тут ехать опасно, кто Вы?— спросил.—«Мы погонщики, это груз купцов и торговцев». Один из моих учеников мне говорит: «Я знаю их, это люди Кары Шамсутдина, служащего Алимкула». Я долго думал, как поступить,— пишет Мухаммед Салих.— Затем приказал груз сложить в подворотье Муса Мухаммед-бия (аксакала Шейхантаурской части)». Когда в дальнейшем Мухаммед Салих довел об этом случае до сведения Султана Сеида, тот послал людей проверить груз. Там оказались мешочки с деньгами и драгоценные вещи. Посланные все конфисковали и перед тем, как отправить в ставку Султана Сеида, из всего обнаруженного «на 12 000 динаров взял Хаким-джан, 1000 динаров — Якуб-бай, а часть раздали остальным участникам этой «проверки». Затем составили акт, что население успело разворовать кладь и что удалось возвратить только 6000 динаров, которые и представляются хану; люди, посланные с актом и деньгами, по пути воспользовались случаем и в акте исправили 6 тысяч на 4 тысячи, которые и сдали в казну.

Описывая Ташкент этих дней, автор приводит ряд примеров подобного рода. А войска уходили, уходили, бросая обозы, снаряжение.

«... Проходили около ворот города, видим один человек собирает казенные вещи. Увидев нас,— пишет Мухаммед Салих,— посмотрел и сказал: «Эй светильники веры! Снаружи ворот четыре арбы полные ценными вещами и две арбы с лепешками остались. Теперь время ворота закрывать, эти вещи останутся на ночь наружу! Мы сейчас же с помощью народа и солдат затащили все внутрь, а лепешки раздали этим солдатам».

Власти в городе фактически не было. Среди знати царила растерянность. Сердар (один из высших офицерских чинов армии) «тоже не знал, что делать». На улицах происходили драки, споры между отдельными группами воинов, а иногда между ними и горожанами из числа активных газиев. Однажды чуть не избили и Мухаммеда Салиха, попытавшегося пристыдить и уговорить бегущих.

Между тем Ташкент оказался в неопределенном положении. Кокандской власти не стало, но и Черняев не вошел в город. Сразу после боя 9 мая, разгромив армию Алимкула, отряд Черняева расположился вновь на Шор-Тепе и оставался в лагере до 17 мая, не предпринимая никаких решительных шагов. В дальнейшем генерал объяснил свои действия тем, что «не имел указаний из Петербурга», но эта причина была, видимо, второстепенной, так как в последующем Черняев начал штурм города не только не ожидая приказания, а даже в противоречие к полученному распоряжению ожидать приезда генерала Крыжановского. На деле Черняев не решился войти в Ташкент, так как внутреннее положение большого города ему было неясно. Черняев боялся потерять в Ташкенте весь свой отряд, если его начнут теснить городское население и оставшиеся отряды разбитой армии.

Наконец, через некоторое время ташкентская знать опомнилась. Первыми — Атабек Шаббадор-кокандский, Мула Юнус-Хан Шегауль-ташкентский, Джамандор Хиндустани — начальник кокандской артиллерии — индус. Со своими отрядами явились в Урюкзар — местность[1], где находился в Ташкенте Султан Сеид, и начали действовать от его имени. Они старались восстановить порядок в городе и прекратить дезертирство войск. Но действовать решительно боялись. Общую мысль хорошо выразил Мансур-Ходжа, сказавший Атабеку, когда его люди направлялись в город: «Эй, Атабек, время сейчас смутное, делайте, что надо, но не насилием, так как среди этих людей (людей, достойных наказания) есть и люди из семей кокандских вельмож. Надо делать так, чтобы они не собрали вокруг себя своих людей и их тоже не увели бы в Коканд». Начав наводить порядок, они боялись тронуть золотопоясную знать, мародерствующих, бесчинствующих, дезертирующих, чванливых представителей вельможной верхушки военно-феодального сословия ханства.

Решительным шагом оказалось лишь «избрание» Султана Сеида ханом Ташкента.

По свидетельству Мухаммеда Салиха, 10 или 11 мая (дату он не называет) Сиддык-Тура и Арслан-Тура

[1] Урюкзар — наименование местности (обильное урюковыми деревьями) находилось в с. в. части Кокандской урды в районе, близком к современной улице Иртышкан. Угодье принадлежало сибзарцу ишану Хакиму-Ходже.

(чингизхиды), Мулла Салих бек-Ахун (видный представитель улемов Ташкента), Бабаджан-бий пансадбаши, Ата-Кул Ясаул и другие кокандцы, а также некоторые горожане, в том числе и Мухаммед Салих Кори Ташкенди, собрались на Урюкзаре и здесь: «поклонились Султану Сеиду. С общего согласия они посадили молодого шах-заде на середину квадратной белой кашгарской кошмы лицом к кибле и, подняв его на кошме[1], прочли молитву, а потом, пересадив на ханское место и водрузив на голову шах-заде тадж (знак ханского достоинства), объявили Султана Сеида ханом Ташкента. После смерти и похорон Алимкула[2] вновь собрались в Урюкзаре многочисленные «известные лица — от молодых до стариков» и, начиная меджлис, Юнус-Хан шегауль спросил присутствовавших: как управлять теперь? Как быть с русскими? Кто как думает?»

Это собрание прошло довольно бурно. Общим было мнение, что «кокандские войска рассеялись, и надежды на то, чтобы их собрать — нет.., что «в феодальной среде такой беспорядок, что бороться мы не можем» и что «нужно просить помощи у Бухары и Хивы, однако с тем, чтобы это произошло в порядке содействия мусульманской стране, попавшей в беду, а не было бы причиной последующего подчинения им Ташкента».

Решили обратиться с призывом о помощи даже к кокандским феодалам, поименно обратившись в каждому из знатных в ханстве лиц. Тут же наметили состав делегаций и вручили им соответствующие письма.

К бухарскому эмиру направилось посольство во главе с сибзарцем Ишаном Хакимом-Ходжой-кази каляном Ташкента. В Коканд шло два письма — к известнейшим вельможам и феодалам ханства с призывом организовать защиту города и к вновь назначенному в Коканде хану. Оба послания везли в Коканд Куш Парваначи-кипчак и его товарищи; была отправлена депутация и в Хиву.

Таким образом феодалы в это трудное время пытались решить судьбу Ташкента сами, своими силами без народа. Военно-феодальное сословие ханства было настолько далеко от народных масс, его забот и интересов, настолько чуждым был для них народ, что к нему они даже не обращались.

[1] С одного угла кошму держали начальники племен и ученые, с другого — Сидык-Тура и другие сарбдары кочевников, с третьего — кокандские военачальники, с четвертого — ташкентские военачальники.

[2] Был погребен на Шейхантаурском кладбище 10 мая 1865 г.

И народ молчал.

Возникшая в Ташкенте самостоятельная ханская власть с ее феодальным окружением была ему также чужда и далека, как и кокандская.

Тем временем посольства начали возвращаться[1]. Первым возвратилось посольство из Коканда. Поездка была неудачна. Оно привезло отказ кокандской знати «мы будем защищать государство к Коканде»,— заявила она. Ферганские феодалы официально признали этим крах своей власти в ташкентском беклярбекстве и отказались от ташкентских владений. Они не показали и желания дать помощь «мусульманам, оказавшимся в беде», о чем просила феодальная группировка Ташкента. Даже более, отдельным письмом в адрес «своего» человека — Аталыка Шаббадора, кокандская знать потребовала от него: «любою хитростью схватить и привести в Ферганскую долину ташкентского хана Султана Сеида»— сына Малля-Хана. Как видно, даже в условиях военной угрозы, нависшей над Кокандом, господствовавшая в ханстве военно-феодальная и феодально-племенная знать не прекратили внутренних усобиц. Они продолжали вить свою сеть внутридинастических интриг. Ничему они не научились на горьком опыте предшествовавших лет.

Вскоре возвратились и посланцы к эмиру. Они успели побывать в ставке эмира близ Самарканда и съездить оттуда дальше на юг для встречи с виднейшим вельможей эмирата, Шукурбаем инаком (консультантом эмира). Последний дал им письменное изложение своего мнения для доставки эмиру, и посланники, прибыв к эмиру и получив от него письмо, отправились в Джизак; эмир поручил дальнейшее ведение дела правителю Джизака — Якубу Ирани.

Ишан-Ходжа Казы Калян привез домой согласие эмира Бухары оказать «помощь» Ташкенту, но лишь после того, как город вышлет к эмиру в ставку своего хана Султана Сеида. Другими словами, если Ташкент признает над собой верховную власть эмира.

По поводу письма вновь собрался широкий феодальный совет на Урюкзаре. Было зачтено послание Якуба Ирани.

[1] Посланники в Хиву не успели возвратиться обратно, подчинение Ташкента Черняевым их опередило.

Началось обсуждение письма. «Некоторые плохо развитые, непонимающие начальники Ташкента,— писал Мухаммед Салих,— не разобравшись из-за своего скудоумия в деле, согласились на отправку хана в Бухару. Другие же резко возразили. В этом плане высказался и сам Мухаммед Салих, когда спросили его мнения по вопросу. «Чей это сын?— указывая пальцем на Султана Сеида,— воскликнул Мухаммед Салих. «Это сын Малля-Хана, того, кто стал шахидом в Фергане, а как правитель города Ташкента оставил о себе хорошую память[1]. Поэтому неразумно передавать Султана Сеида —«этот драгоценный камень ханской казны», в чужие руки. Отдать его эмиру — это уму непостижимо!» — закончил он свою речь».

Присутствующие долго обдумывали потом вопрос молча, в конце же решили хана не отсылать, «повсюду разослать вельмож и посланных, чтобы призвать народ помочь молодому хану».

Итак, феодально-клерикальный совет решил обратиться к народу. Искренне ли? Не осталось ли это пустыми словами?

Ответ на это дают дальнейшие действия военно-феодальной знати Ташкента той поры. Через несколько дней в Ташкент прибыли посланники эмира (6 человек). Почетных гостей разместили в доме Нияз Мухаммеда Садыка дафтардара[2].

Прибыл в город и Мухаммед Серкер Кашгари, переселившийся в шортепинский лагерь из Ташкента и там все время проживавший. Он информировал горожан о желании Черняева встретить у себя ташкентских посланников для разговора с ними о положении города, а также передал и о том, что в отношении дальнейших действий своего отряда Черняев ожидает указания из Петербурга.

Но события развертывались быстрее, чем успевали их осмысливать ташкентцы.

Уже 17 мая они вдруг узнали, что отряд Черняева снялся с лагеря, оставив в нем только охранные подразделения (три роты при четырех пушках).

[1] Малля-Хан, назначенный правителем Ташкента, сделал попытку овладеть кокандским троном. Он был вскоре зарезан подосланными убийцами. Поэтому Мухаммед Салих счел Малля-Хана — шахидом, т. е. погибшим за дело веры.

[2] Дафтардар — правитель канцелярии по фиску — государственной казны.

Черняев узнал о прибытии в Ташкент посланников эмира и немедленно предпринял меры для предупреждения возможных осложнений. Он вывел с собой большую часть отряда и направил его в сторону дороги на Бухару. Обойдя Ташкент, отряд дошел до селения Зенги-Ата и здесь остановился. Отсюда была выдвинута застава под Ташкент— небольшой отряд с 2 пушками. Она расположилась в местности Кувейт вблизи Ташкента[1]. Отсюда начался методический ежедневный, хотя всегда и кратковременный, обстрел ближайших к заставе крепостных укреплений. Движением отряда Черняева на Зенги-Ата начался длительный период «блокады», по выражению Черняева, города Ташкента.

Афганские офицеры на среднеазиатской службе.

Ташкентская артиллерия энергично отвечала черняевской заставе. По приказанию Султана Сеида артиллерийские батареи, по две пушки каждая, были установлены в шести пунктах крепости. С них стреляли побатарейно. Одна из батарей находилась близ ворот Кирилмас на горке (тупхана-и-Кирилмас), вторая на башне ворот Кирилмас, третья у недействовавших ворот Бешардор (в районе цитадели), четвертая около склада военных доспехов под командованием Хинду-Баджу (в цитадели), пятая — на кокандских воротах и шестая вблизи ставки хана.

В результате артиллерийской дуэли было подбито несколько пушек кокандских артиллеристов, нанесены потери русской батарее и ее прислуге. В русских военных документах этот ущерб не отмечен. Мухаммед Салих, пришедший на батарею Хинду-Баджи, пишет о том, что при нем на

[1] Кувейт — «отдаленная гора». Местность находилась в районе современной улицы Мало-Мирабадская, невдалеке от арыка Чаули. В то время эта местность была владением Азиза Берды-аксакала Киятской махалли, возникшей после постройки Кокандской урды.

русской батарее метким попаданием кокандских пушкарей была убита конская запряжка, а в батарее Хинду-Баджи он видел две пушки, разбитые снарядами русских артиллеристов.

Мухаммед Салих, недолго побыв на батарее, ушел в ставку хана. Там собрались: «все знаменитые люди: казии, офицеры, генералы, верные люди» и Юнус-Хан Шегауль зачитал им письмо, доставленное посланниками эмира; затем письмо было зачитано снова в переводе на узбекский язык, после чего Юнус-Хан отдал письмо хану. Этим письмом эмир вторично и настойчиво приглашал Султана Сеид-Хана покинуть Ташкент и приехать в Самарканд. Султан Сеид, конечно, знал цену и последствия таких любезных приглашений. Ведь случаи убийства, казни, отравления таких гостей во дворце бухарского эмира были частым явлением. Понятна поэтому запись Мухаммеда Салиха, что хан «со слезами на глазах» обратился к собравшимся с вопросом, как поступить. На многолюдном собрании лицом к лицу с ханом его сановники и все остальные не решились высказаться откровенно, а громко провозгласили: «не надо нам никакого другого хана».

А через несколько часов, уже в отсутствие хана, произошло следующее.

«В час дня,— повествует Мухаммед Салих,— пришел ко мне слуга Абдуллы-бека джана и вызвал меня посетить Юнуса Али-Ходжу. Когда я прибыл, там уже были люди, пришел и Абдулла-бек джан, он сообщил: «Теперь Совет по-другому решил вопрос. Признано необходимым сегодня же после последней молитвы (в 9 часов вечера) отправить хана в Самарканд. Его вывезут через Кукчинские ворота. Сопровождать его в пути будет Мирхалим Аксакал-оглы. В 5 часов вечера мы соберемся в Шейхантауре, чтобы подготовить отправку хана. По этому поводу Вы как думаете? Я в ответ спросил: «Сейчас итти в то место и узнать, каково там положение?» Тогда Юнус Али-Ходжа и Махмуд Салих Тура-Ходжа отправили всех присутствующих в Шейхантаур, обещая притти туда же позже. Я же, придя со всеми в медресе Ишанкула датхо, вскоре вышел на двор Шейхантаура и увидел, что там уже собрались люди. Там оказались: Берды-бай чушка, Азим Аксакал, городские чиновники, военные лица «с языка Хаким-Ходжи Казы Каляна» и другие. Всем им Атабек Шаббадор рассказывал, что по словам Яхъя-Ходжи все именитые люди считают,

что: пока хана не пошлем к бухарскому эмиру, последний нам помогать не захочет. Но кто это решал, почему решали снова ни я, ни другие не знали». «Такие вещи,— философски отмечает Мухаммед Салих в своих записках,— никогда никто не знает». И добавляет: «Эти генералы, майоры и другие военные слуги и приближенные хана хотели, чтобы он покинул город, по-видимому потому, что хотели его видеть более бессильным...» В четверг в ночь на пятницу молодого хана вывезли из Ташкента тайком в сопровождении Мирахмед Мир-Алимова и военного экскорта в 50 солдат, имеющих с собой одну дальнобойную пушку.

Не желая опираться на народ и не доверяя народу, боясь, в частности, ташкентского городского посада, военно-феодальные верхи осажденного Ташкента выдали Султан Сеид-Хана бухарскому эмиру, надеясь его силами укрепить свои позиции, с его помощью отстоять Ташкент, а затем из рук эмира вновь получить власть над городом, в качестве верноподанных Бухары.

Справедливы были выводы Черняева, что в Ташкенте (внутренней обстановки Черняев не знал) победила бухарская партия и отдала город под защиту бухарского эмира. Но это не было делом ташкентского населения, лишь немногочисленные его группы стали на сторону кокандской, а в последующем — бухарской власти.

Это было делом военно-феодальной клики и улемы, которые упорно защищали собственные интересы и ради них готовы были служить любому господину, который мог помочь сохранить феодальную власть, обеспечить им господство над народом. Таким «господином» им казался в данной ситуации эмир бухарский. К нему на службу и ринулись застрявшие в Ташкенте группы феодалов и связанные с ними феодализировавшиеся элементы города, не исключая высших клерикалов (Казы-Калян и пр.). На службу новому «господину» перешел и весь состав кокандских артиллеристов, возглавленных командирами-наемниками.

Между тем, Черняев, продолжая маневр, имевший целью помешать движению бухарской армии к Ташкенту, начал продвигаться к Чиназу. Здесь находилась одна из трех важнейших в Средней Азии переправ через Сыр-Дарью.

В одном переходе от Чиназа Черняев получил сведения, что гарнизон Чиназской крепости бежал за реку.

Направив в Чиназ небольшое подразделение с двумя пушками для уничтожения переправы и боеприпасов, Черняев отправился в обратный путь. Вскоре отряд подошел к Ташкенту с южной стороны и стал лагерем в семи верстах от города, в стороне от кокандской дороги. Две роты с двумя орудиями были поставлены на самой кокандской дороге в качестве заставы.

Теперь Черняев имел заставы в Шор-Тепе, на Кувейте и на юге города. Это было временем максимально плотного кольца его «блокады», хотя то были лишь незначительные военно-опорные пункты, не связанные друг с другом и удаленные на такое расстояние, что в случае необходимости, вряд ли смогли оказать друг другу быструю помощь, особенно в случае, если городское население совершило на них неожиданное нападение в вечернее или ночное время.

Но нападений не было. Отряды феодальных войск не выходили из города ни днем, ни ночью, а население не вступало в борьбу против русского отряда. Группы горожан иногда выбегали за стены города, чтобы успеть собрать продукты для питания на принадлежавших городу маузах. Черняев заставлял их укрываться снова за городские стены, посылая легкие отряды конницы. В такие случаи ловили также и «языков»— брали в плен неуспевших возвратиться в город. Генерал стремился вынудить Ташкент к капитуляции при помощи голода, жажды и других лишений.

В городе было мало воды. Жители вынуждены были доставать ее только из колодцев и пересыхавших понемногу хаузов (прудов), так как арычная вода не поступала. Они должны были резко ограничить свой продуктовый рацион, так как подвоза хлеба извне не было и редко удавалось собрать что-нибудь съедобное и на пригородных маузах.

Но тяжело было не всем. Мухаммед Салих неоднократно отмечает обильный стол военно-феодальной знати, не чувствовавшей тягот и в это время. Ни одним словом автор записок не упоминает, что военно-феодальная среда хоть что-либо сделала для облегчения положения народа. Феодалы были всецело поглощены собственными делами, действовали лишь в своих интересах.

Между тем, в ночь с 6 на 7 июня 1865 г. (18—19 июня нового стиля) Черняевым была предпринята попытка

штурма города. Направив отряд (2,5 роты, 4 орудия), стоявший на кокандской дороге (под командой подполковника Краевского), к Кокандским воротам города и оставив на месте одну роту с 2 орудиями, Черняев снялся с позиции и с остальной частью наличных сил двинулся вдоль южной стороны города, чтобы обойти его с запада.

Эта операция сорвалась. Колонна, возглавляемая Черняевым не смогла перетащить артиллерию через попавшийся на пути большой овраг и остановилась. Черняев ограничился лишь посылкой рекогносцировочной группы под командой военного инженера Макарова. Рекогносцировка была проведена, несмотря на то, что группа подвергалась обстрелу, в том числе и из артиллерийских орудий. Нам не следовало бы и упоминать об этом «штурме», не будь заметок Мухаммед Салиха о сражении с отрядом, направленным к воротам Кокандской крепости Ташкента. Эти заметки представляют интерес для нашей темы.

Мы уже говорили, что 2,5 роты при 4 орудиях были высланы к городской урде. О бое с ними и рассказал нам Мухаммед Салих. Приводим сокращенное изложение его сообщения.

«Еще до 4 часов утра услышал я звуки пушечной пальбы со стороны ворот Хиябан на юго-западе города. (Речь идет о пальбе в сторону черняевской группы). Часов в 6 утра, когда мы кончили утреннюю молитву,— продолжает автор,— мои друзья приветствовали меня, я их тоже и, спешно вооружившись, мы вышли из ворот мечети и направились на батарею Хинду-Баджи. Выглянув из-за кунгра (зубцы на верху крепостной стены для того, чтобы укрываться воинам от обстрела наступающих), увидели, что русские, поставив, как и раньше, две пушки на земле Азиз-Берды аксакала Киятского, стреляют по очереди из той и другой. Спешившиеся солдаты тоже стреляют, и пехота, разместившаяся у кирпичного завода Ишана падша-Ходжи, оттуда тоже стреляет. Посмотрел я, как стреляют артиллеристы Хинду-Баджи. Вижу — снаряды летят на сто шагов и падают на пахоту. Между тем звуки пушечной канонады со стороны ворот Хиябан доносятся все сильнее и так часто, будто дождь идет.

Тогда я говорю Хинду-Бадже: «Слышишь, как бьются в стороне ворот Хиябан? Ты не слышишь?! Сегодняшний бой не обычный ежедневный бой!»

Отвечает Хинду-Баджи: «Каждодневный бой бывает согласно дневного рациона питания. Сегодня мы люди некормящего господина. Пусть и сам господин не кормится от кормящего (бога)!!», и, показав глазами на палатку Атабека Шабадора, сказал:

«У чиновников совесть потерялась! Мы были осведомлены»...— начал говорить Хинду-Баджи, но вдруг прервав себя, закричал: «Эй, муллы, осторожней будьте, как бы снаряд врага не угодил в вас!»

Действительно, снаряд пролетел как раз над нами и упал в воду.

Тут сразу же Сиддык-Тура и его братья, находившиеся тут, а за ними Усман Нияз-Али вскочили на коней и бросились вон с софита крепости; за ними побежали и другие.

Мы закричали: «Эй, вы, бегущие, остановитесь! Ведь вы снаряд ислама!» Но тщетно, часть их все же удрала».

Это свидетельство очевидца нам интересно тем, что подтверждает наличие разложения внутри армии ташкентских феодалов, появление недовольства солдат и низших офицеров командирами — недоверия к ним. Нас интересует это свидетельство особенно потому, что в нем говорится о привилегированной, лучшей и важнейшей части ташкентской армии — об артиллерии и потому, что солдаты и офицеры этого рода войск пошли уже на саботаж, лишь на внешнее исполнение своих обязанностей.

Свидетельство Мухаммеда Салиха интересно и потому, что оно отмечает факт разложения военной дисциплины и потерю боевого духа даже высшим командным составом армии, такими людьми, как организатор и активнейший деятель ташкентской феодальной группировки Сиддык-Тура. Он был главнокомандующим при Алимкуле, он возводил на трон Султана Сеида, а здесь он первым побежал с позиций от страха.

Чванливая, злобная, коварная, свирепая, нечистоплотная и вороватая, трусливая военно-феодальная знать была недостойна господствовать над народом, который шел по пути развития. Понимала это все большая часть ташкентского городского посада.

Можно сказать, что на территории Ташкента, в условиях, подготовленных предшествовавшим развитием общества, в обстановке военной блокады города отрядом Черняева, социальная противоположность двух общественных сил — военно-феодальной среды и городского посада настолько обнажилась, что стала видна большинству населения.

И ташкентцы нашли в себе силы преодолеть сковывавшие их сознание традиции средневековья и проявили подлинный героизм, чтобы первыми в Средней Азии порвать эти путы.

Не «отсутствие патриотизма», как оценивал этот факт дореволюционный этнограф Н. Лыкошин, а любовь к своей родине, к ее будущему заставили подавляющее большинство ташкентцев отказать феодалам в поддержке в страшные для всех дни действительного штурма города отрядом русских войск. Был нужен героизм, чтобы удержать себя в домах, не ввязываясь в бой, когда по улицам родного города шел вооруженный отряд завоевателей. Не страх, поскольку отряд был мал, не страх, поскольку отряд разбился в городе на части, числом по 100—150 человек. В любом переулке мирное население могло, поднявшись на врага и окружив его со всех сторон, закидать отряд камнями, коль не имелось оружия. Героизм населения был нужен, чтоб сохранить спокойствие, когда в городе «неверные» и не мешать им уничтожать военно-феодальную клику.

Ташкентский городской посад, собрав все свои силы, уверенно шагнул в свое будущее.

Лишенное поддержки горожан, феодальное войско было разгромлено Черняевым в итоге штурма города 15 июня 1865 г. и за три дня в Ташкенте были уничтожены все местные очаги сопротивления. 17 июня старейшины города сдали Черняеву «ключи города».

Посадское население отважилось на такой решительный шаг не сразу, как мы видим, и, даже не в целом, а лишь той его большей частью, которая смогла осознать его необходимость. Посад решился на этот шаг не только потому, что рвавшийся в Ташкент отряд иноземцев — «неверных», мог уничтожить опостылевшую народу, изжившую себя, военную группировку кокандских, бухарских и ташкентских феодалов, а потому, что это был отряд хорошо известной ташкентцам страны, к которой в прошлом они обращались за помощью и ее находили, страны, в которую уходили ташкентские переселенцы и получали себе условия для развития более широкие и благоприятные, чем на своей родине, страны, с которой до последних дней ташкентцы были связаны тесными хозяйственными отно-

шениями, содействовавшими их хозяйственному расцвету и способствовавшими некоторому общественному развитию, хотя и затрудненному местной обстановкой.

Генерал Черняев не думал о всех этих вопросах и не ставил себе задачей облегчить положение городского посадского населения. Но он знал о том, что в среде населения имеется широкий круг людей «сочувствующих России» и принимал это во внимание в своих военных расчетах. Черняев ставил себе лишь конкретные военные цели — занять город, который, по его мнению, должен был стать важнейшим военно-опорным пунктом на южной границе России, сделать его крепостью, которая могла бы обеспечить России устойчивость ее власти в только что подчиненных районах и оградить новые владения от «посягательства» на них со стороны среднеазиатских ханств. И его действия в этом направлении в 1865 г. оказались успешными.

При молчаливом спокойствии большинства простых жителей города, не поддержавших нестойкие и разобщенные военно-феодальные силы, город был взят военным отрядом, который насчитывал менее 2000 человек.

Нельзя не отметить, что немаловажными обстоятельствами, которые облегчили отряду выполнение задачи, явились паника в рядах военно-феодальной клики, которая возникла вслед за появлением солдат Черняева внутри города, и чрезвычайная динамичность наступательных действий.

Штурм начался на рассвете артиллерийским обстрелом из легких пушек (группы Краевского) укрепления у Кокандских ворот и одновременным вторжением главных сил отряда в город через Камеланские ворота. Штурмовая группа капитана Абрамова (250 солдат), бесшумно сняв наружный караул, по штурмовым лестницам взобралась на стену, коротким ударом сбила охранный отряд, откопала заваленные изнутри Камеланские ворота, отражая пытавшихся помешать этому подбегавших защитников, и открыла ворота отряду. Как только в город вошли первые части, немедленно началось движение колонны Абрамова по городской стене к цитадели города. Она двигалась форсированным маршем, на первых четырех парапетах боем сламывая сопротивление защищавших их гарнизонов (артприслуги при 4 орудиях и сарбазов по 100—200 человек). Дальше они двигались уже свободно, так как на

парапетах солдат больше не встречали. К 7 часам 30 минутам утра колонна была в цитадели и ее заняла.

Появление отряда Абрамова в цитадели вызвало бегство из города, через Кашгарские ворота, всех конных частей ташкентского гарнизона, а пехотные части отступили внутрь города. Командование гарнизона, видимо, тоже скрылось. Во всяком случае оно потеряло связь с рассыпавшейся в различные районы пехотой. Артиллерия тоже осталась без прислуги. Отступавшие подожгли «ханские постройки» в Урде. Мухаммед Салих, бывший в то время у Кокандских ворот, писал: «Худай-Кули со своими джигитами, охранявший узкий проход около ворот Кирилмас, как появились русские, убежал и эти узкие (удобные для обороны) места русские прошли (свободно). А здесь (в районе Кокандских ворот) Карибадал и Джан-Той раньше всех побежали. В это время от местности старых закрытых ворот Ширдар вышли русские солдаты и наверх софита смотрели. Я увидел их и пустил в них подряд 15 пуль, тотчас и Ишан Махмуд Ходжа Муса Мухаммед Алибаба тоже начали стрелять. Оглянувшись же, я увидел, что пока я стрелял Хинду-Баджа бросил свои пушки и исчез, стоявших тут же несколько других известных стрелков — тоже стало не видно. Они сбежали.

Тогда я сказал своим друзьям: «теперь это место не для боя. Пройдемте вон в тот дом, напротив нас...»

Отряд Абрамова, по существу, без препятствий дошел до Карасарайских ворот, оттуда к центру города (к базару) и возвратился по главной улице к цитадели. Лишь в районе базара он встретил сопротивление противника. За группой Абрамова следом, преодолевая сопротивление мелких групп защитников города, прошли от Камеланских ворот до цитадели еще два отряда. 16 июня группа под командой Краевского вновь прошла от Камеланских ворот и в цитадели взорвала ее стены и укрепления.

Вечером к Черняеву явились аксакалы Сибзарской и Кукчинской частей с заявлением, что назавтра будет сдача города.

Нельзя не отметить, однако, что неожиданная необходимость вести бои на улицах города вызвала упорство части войск гарнизона и подбадривавших их газиев. Они постепенно стекались к Камеланским воротам. Были случаи проявления героизма солдат, безумной храбрости отдельных газиев (от фанатизма и отчаяния). Например,

известен случай, когда старик-гази, подняв топор, один выбежал из толпы навстречу взводу русских солдат, бросился на штыки и сделал себя «шахидом»[1].

Но в целом ни гарнизон, ни газии не представили серьезной опасности из-за разобщенности, неорганизованности и не причинили серьезного ущерба отряду Черняева. За три дня боев его потери составили 25 человек убитыми, 117 ранеными и контуженными.

17 июня утром к Черняеву явилась депутация города, заявившая о капитуляции Ташкента и сдавшая Черняеву ключи от городских ворот. Выделенные Черняевым части отряда отправились подбирать крепостное и личное оружие, брошенное воинами. Кроме этого, жители собрали и сдали 20 пушек и собрали около 300 ружей.

В день капитуляции через Кашгарские и Кокандские ворота покинули Ташкент последние отряды гарнизона. Покинули город и оставшиеся в нем командиры феодальной армии. В частности, выехали в Бухару на службу к эмиру Сиддык-Тура и Арслан-Тура. Через Кукчинские и Самаркандские ворота ушла из города вместе со своими семьями и часть городской знати из числа придерживавшихся бухарской или кокандской ориентации жителей и даже купцов. Некоторые же, например, Мухаммед Салихбек Ахун, остались в городе, чтобы действовать в качестве агентов и эмиссаров бухарского эмира.

После капитуляции города отряд Черняева сначала отошел и стал лагерем в местности Чиль-Духтаран (близ современного железнодорожного вокзала), а позже перебазировался на территорию городской Кокандской урды. Офицерский состав отряда расселился в уцелевших домиках бывшего Кашгарского района. Жители его, кашгарлыки, покинули Ташкент еще в период боев. Солдат поместили в казарменных постройках Кокандского гарнизона. Черняев и его штаб находились в уцелевшем при пожаре доме внутри цитадели.

Начался новый важный этап истории Ташкента, его жизнь под эгидой России.

---

[1] Шахид — воин, убитый на поле сражения с «неверными» в «священной войне». По корану шахид, в отличие от прочих мусульман, которым предстоит проверка перед тем, как решить, достоин ли он райского блаженства, попадает в рай немедленно и без всяких проволочек.

VI. ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ. ПОДДЕРЖКА ИХ МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Договор 1865 г. и ташкентское население. Сооружение русской крепости. Ликвидация рабства. Организация управления. Сооружение «нового» города.

Политическую программу военной администрации Ташкента характеризует «договор», переписанный в четырех копиях на узбекском языке для каждой из 4-х даха, вывешенный на городском базаре Ташкента и доведенный до всеобщего сведения населения джарчами города[1].

«По приказу белого царя и по приказу его наместника генерала Искандера Черняева, мы при сем сообщаем жителям города Ташкента, что они должны подчиняться согласно повелениям всемогущего бога и исповедывать правоверную религию Мухаммеда, за это на них и на их потомках будет божее благословение; не отступать ни на одну иоту от законов, установленных им.

Пусть все, поскольку они могут, действуют для выгоды и пользы этой страны. Пусть они исполняют повсюду молитвы пять раз в день, не пропуская указанного времени, часа или даже минуты. Пусть муллы постоянно ходят в свои школы и внедряют законы мухамметанской веры. Ни один час не должен проходить для учеников праздно. Пусть дети не пропускают ни одного урока и пусть учителя собирают детей в школу и не дают им проводить время в безделье и, в случае необходимости, пусть используют

---

[1] Выдержки из договора приводятся на основании английского перевода его Скайлером. Скайлер был в Ташкенте в 1873 г. и, по его словам, ему показали один из сохранившихся в частных руках экземпляр опубликовывавшегося на базаре текста договора. Текст Скайлера сверен нами с характеристикой содержания договора, данной Мухаммедом Салихом Кори Ташкенди в его мемуарах, и русским текстом из собрания документов Серебренникова. Существенных расхождений не обнаружено.

крутые меры, даже порку, чтобы заставить их учиться, а если их родители проявят беспечность, пусть их, согласно шариата, приведут к раису — главе города или к Кази-Каляну и хорошо накажут.

Пусть жители этой страны займутся своей работой. Пусть люди базара производят свою торговлю, а не проводят время праздно.

Пусть каждый человек займется работой.

Ничего не разрешайте выбрасывать на улицы и содержите их в чистоте.

Мухамметанская религия запрещает вам пить бузу и водку, играть в азартные игры или быть безнравственными,— поэтому остерегайтесь всякого новшества, которое идет против законов религии.

Все жители города Ташкента, богатые и бедные, должны строго выполнять все, что сказано выше.

Дома, сады, поля, участки, водяные мельницы, которые вам принадлежат, останутся в вашей собственности.

Солдаты ничего не возьмут у вас.

Из вас не сделают русских казаков.

Расквартирование солдат вас не коснется.

Никто из военных не войдет в ваш дом, а если и войдет — дайте знать, тотчас же он будет наказан.

Большую заботу проявил к вам белый царь, поэтому вы должны молиться за здоровье белого царя.

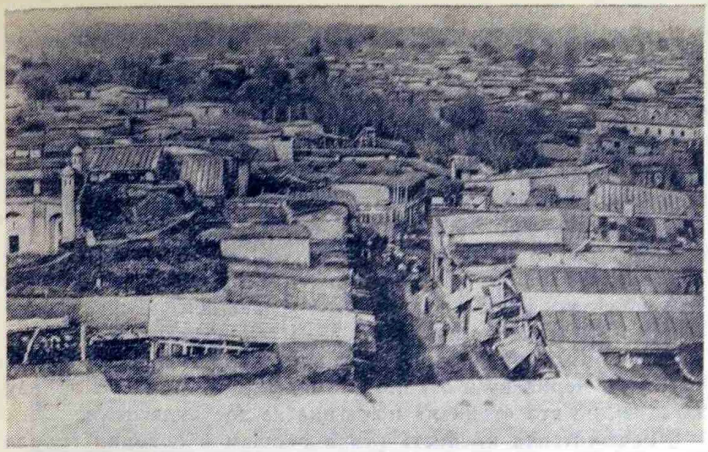
Если кто-нибудь убьет кого-либо, или ограбит купца, его будут судить по русскому закону.

Если кто-либо покончит жизнь самоубийством, его имущество переходит его наследникам, согласно шариату, мы ничего не возьмем из его имущества.

Я, губернатор Искандер Черняев, на этот год освобождаю вас от уплаты налогов, но как будет впоследствии — будет зависеть от желания нашего великого белого царя проявить к вам еще большую доброту (1 июля 1865 г.)».

Этот документ был составлен на узбекском языке законоведами (улемами) и представителями города, которые были приглашены Черняевым. Договор излагал те условия, которыми определял Черняев поведение русских властей в отношении ташкентцев и ташкентцев по отношению к русским властям.

Текст договора подписали обе стороны: Черняев и все присутствовавшие офицеры и предводители кочевых пле-



Ташкент. Общий вид Кукчинской части. Фото И. Ходжаева. 1899 г.

мен и все присутствовавшие представители города во главе с Ишаном-Ходжой Кази Каляном. Этот чрезвычайно любопытный документ долгое время оставался своего рода основным законом поведения для той и другой сторон.

Только домулла Салих бек-Ахун пытался сорвать подписание договора, заявив, что подпись генерала и русских недействительна, так как по обычаю и шариату следует прикладывать личную печать. Его вылазка не имела успеха, присутствовавшие согласились, что русский обычай иной — и подпись действительна[1].

Государственная жизнь Ташкента встала на новые рельсы. Население города впервые за свою историю получило от власти какую-то реальную гарантию его прав и защиту личности и имущества. Поэтому влияние настроенной в пользу России группировки ташкентских горожан быстро росло и ширилось, усиливалось доверие и к российской власти, в частности укреплялось доверие и лично к генералу Черняеву.

Еще более упрочились контакты с горожанами после осмотра Черняевым города Ташкента. Он посетил все чтимые места религиозного культа, беседовал с людьми, был

[1] Черняев учел замечание и вскоре обзавелся своей печатью.

в гостях в доме Ишана-Ходжи Кази Каляна, познакомился с наиболее отличившимися в боях газиями и в знак уважения к их храбрости выдал некоторым из них официальные охранные грамоты и т. п.

Вторым крупным мероприятием было сооружение новой крепости. Черняев снова вызвал представителей города и попросил их указать свободное место, где можно было бы соорудить русскую крепость. Ему указали Тили-Кирилмас. Мухаммед Салих-Ахун, найдя подходящий случай, уколол самолюбие шейхантаурцев напоминанием, что через эту часть города вошли в Ташкент и кокандские войска. Но разжечь раздоры среди ташкентцев ему не удалось. Бухарская партия все время пыталась противодействовать Черняеву и отколоть Ташкент от России в пользу Бухары, но эта «тонкая» политика не достигла цели.

Ташкентская крепость стала первым в истории города сооружением, которая строилась наемным, а не принудительным трудом. Организация найма рабочих на все земляные работы осуществлялась ташкентским купечеством, поставщиком рабочей силы был городской посад. Особенно энергичную деятельность стал развивать Сеид Азим Мухаммедбаев, ташкентский купец, торговавший в городе Троицке, откуда его караван пришел в город уже после занятия Ташкента отрядом Черняева.

Являясь видным представителем пророссийской группировки ташкентских горожан, дважды уже подававший троицким властям прошение о приеме в российское подданство, знавший довольно хорошо русский язык, который он выучил за время своих посещений Троицка, Сеид Азим оказался очень удобным посредником для русских военных властей и очень скоро добился заметного положения в местном обществе и при штабе Черняева. Он умело использовал это для развития коммерческих дел и быстро разбогател, являя собою образчик нового типа ташкентца-дельца.

Между тем бухарский эмир с войсками вошел в Джизак, потом в Ходжент. Туда к эмиру устремились все покинувшие город ташкентцы и другие сторонники эмирата или Кокандского ханства, ушедшие из города в памятный день капитуляции. Это обстоятельство чрезвычайно обеспокоило Черняева и для предотвращения неожиданностей он решил выступить из Ташкента, расположившись ближе к Сыр-Дарье,

Характерно, что покидая город, Черняев поручил начальствование в Ташкенте на время похода не русскому офицеру, а ташкентцу — Ишану-Ходже Кази Каляну, на деле демонстрируя полное доверие ташкентскому населению.

Вскоре по возвращении из похода Черняевым было проведено еще одно мероприятие, которое имело историческое значение. Это освобождение рабов. Вот как описывает события Мухаммед Салих Кори Ташкенди:

«Знати вилоята сообщили, чтобы они собрались около «Хауза калян» в Кухне Урде. Арбобы, купцы, Кази Калян, улема и др. пришли и стали на берегу хауза. В это время пришел сюда Черняев и сказал: «Так как во всяком доме или дворце, будь то богатый или бедный, имеется гулям или мушта и раб, будь он куплен или получен по наследству, то, чтобы доставить удовольствие падишаху Петербурга, пусть владельцы их всех отпустят на волю», и дал на размышление 2 часа.

Все присутствующие разбились на кучки по 3—5 человек и по группам — купцы, улемы, другие и т. п., начали громко обсуждать сказанное.

Наконец законоведы закричали: «Эй, мусульмане, эй, правоверные города! Мы, ташкентцы, никому из соседей вреда не причиняли ни Бухаре, ни Коканду, но с ними мы к тому же единоверцы и единоплеменники. Дадим же Черняеву ответ согласно постановлениям шариата. По шариату торговля рабами является законной и что заплативший деньги законно берет себе для работы гулямов и рабов. Всякий свободен выбрать, кто, что хочет, как поступить с рабом, которого купил,— пусть хоть отпустит на свободу, пусть хоть заставит его служить. Так что освобождение по приказанию другого — это насилие, противоречащее хадисам пророка, ущерб государству и всем людям полный убыток». Так сказали законоведы.

В это время один, по имени Сеид Азим сын Мухаммеда, из группы купцов встал и подошел к группе улемов. Смиренно, сложив руки на груди, он вежливо сказал: «Эй, мураджане веры мусульманской. Я надеюсь получить от вас разрешение одного вопроса. Эти люди являются купцами и торговцами и не понимают подобного рода блага государству. По моему предложению они сочли нужным дать отпускную именем этого города Ташкента рабам и рабов своих освободили и доброе имя этим купцам остается. Я сделал благоразумно?

А улемы и фазилы отвели Сеид Азима в уголок собрания и, скрыв его от взглядов посторонних, сказали: «Разве тебе мало, что вы (купцы) причиной разрушения этого вилойята сделались?! Порицание и упрек тебе за это дело до дня страшного суда висеть на шее твоей и твоих детей будет!»

Однако, утаив свое озлобление против купечества, они, при выходе Черняева за ответом, все вместе хором ответили, что все согласились отпустить именем города всех рабов на свободу».

Действительно, Ташкент с этого момента уже не имел рабов и рынок рабов был закрыт. Отпущенным же на свободу рабам в районах Кара-Камыша и по дороге Алычак были отведены земли для поселения и разведения полевых угодий.

С этих времен началось врастание ташкентского посада в новую жизнь и в новый мир, который развивался по буржуазному пути. С присоединением Ташкента к России местное общество вступило в непосредственный контакт с ее народами. С присоединением к России исторические судьбы местного населения объединились с историческими судьбами русского народа.

На ташкентской почве местное население встретилось со всеми слоями российского общества. И с реакционными, классово-чуждыми трудящимся массам, господствовавшими в России слоями населения; и с быстро шедшими по пути буржуазно-капиталистического развития элементами, имевшими определенные интересы в Ташкенте и в Средней Азии; и с прогрессивными слоями русской интеллигенции, чистосердечно стремившейся помогать культурному и хозяйственному развитию местного общества; и с русским революционным рабочим классом, многочисленные представители которого в Ташкенте и в Средней Азии являлись первоначальным ядром нарождавшегося здесь пролетариата; и с кулацко-эксплуататорской верхушкой русской деревни, организовавшей на местной земле свои сельскохозяйственные предприятия; и с трудовым русским крестьянством, охотно делившимся с местными земледельцами своим многовековым опытом и охотно воспринимавшим дружеские советы местных земледельцев.

Конец XIX, начало XX вв. было временем перемещения в России центра мирового революционного движения. Его могучее влияние приобщало трудящиеся массы

города и кишлака к активной революционной деятельности, в конечном счете подняв сознание масс до уровня, который обеспечил им активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции.

Нельзя не вспомнить в связи с этим высказывания Ф. Энгельса о том, что: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»[1]. Сказанное о России вскользь в связи с рассмотрением центральноевропейских дел в 1851 г. это высказывание Энгельса оказалось пророческим для Средней Азии. Оно справедливо и в отношении Ташкента, для оценки прогрессивных последствий его присоединения к России, и для характеристики российского воздействия на жизнь и развитие ташкентского городского посада в более ранний исторический период, особенно же в первой половине и, в частности, в третьей четверти XIX столетия.

Присоединение Ташкента к России было новой вехой на историческом пути развития городского посада, отметившей начало нового этапа его движения к капитализму. И местное общество правильно ощутило значение происшедшего завоевания города. Оно правильно реагировало на изменение собственного положения, хотя и не вполне одинаково.

Феодализировавшиеся элементы, оставшиеся в городе после его завоевания Черняевым, как указывалось, пошли на службу к новой власти (Абдурахман-бек, Ишан-Ходжа Кази Калян и др.). Незначительная часть из них, созда-

---

[1] Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу, содержащее данное высказывание, датировано 23 мая 1851 г. В нем Энгельс говорит о Польше и России и, отмечая прогрессивную роль России по отношению к Востоку, в частности, аргументирует свое мнение тем, что «несмотря на всю свою мерзость и славянскую грязь, господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар», так как «Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности промышленности, чем... Польша и что «Преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с царя и князя Демидова (потомки тульских Демидовых, основателей горной металлургии в России при Петре !) и кончая самым последним боярином XIV класса, у которого только и есть, что его «благородное» происхождение, фабрикует (т. е. заводит фабрики), барышничает... и т. д.», т. е. даже дворянство внедряется в товарно-денежное хозяйство и действует в направлении его развития, не замыкаясь в рамках натурального хозяйства. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. 21, стр. 211.

вая видимость сотрудничания с новой властью (Мухаммед Салих-бек Ахун и ему подобные) пытались вести в городе подрывную работу в пользу Бухарского эмирата, в частности, агитировали за отъезд из города богатых купцов и других представителей посада, пытались организовать помощь бухарскому военному отряду, расположившемуся в Кураминском районе, пробовали, как уже отмечалось, дискредитировать указания новой власти.

Городское посадское население полностью признало новую власть. Часть его, наиболее активные, но недостаточно экономически сильные, элементы вроде Сейид Азима Мухаммедбаева, умело использовали благоприятно складывавшуюся обстановку для быстрого обогащения. Другие — и до присоединения стремившиеся к энергичному развитию своей хозяйственной деятельности (Ходжа Юнусов, организовавший в 50-х годах под Ташкентом чугунолитейный завод на р. Чирчике, но закрывший его из-за чрезвычайных поборов со стороны кокандских властей, мулла Губай — из русских татар, поселившийся в Ташкенте и первым начавший применять в земледелии железный плуг, или торговцы — Мухаммед Сагит бай Садыкджанов, Шарафий и многие другие, менее крупные) широко развернули свои операции[1].

Некоторые ташкентцы относились безразлично к замене власти Кокандского ханства на власть России, некоторые последовали истерическому призыву Муса Мухаммед-бия, правителя Ташкента, который перед сдачей Ташкента скакал по улицам, плача и крича всем встреч-

[1] Интересен отзыв Скайлера о встрече с Ходжой Юнусовым в 1873 г. в Ташкенте. «Я видел его очень много раз. Он действительно является одним из наиболее замечательных людей, встреченных мною. Он был, по-моему, в значительно большей мере философ, чем мусульманин, и всегда был полон новых идей и замыслов. За 20 лет, что он прожил в Ташкенте под местной властью, он проводил спокойную жизнь, уделяя все время своему садоводству, хлопководству, шелководству и женитьбам. Со времени русской оккупации он устремился к цивилизации. Построил дом, начал возделывать американский хлопчатник, организовал мыловаренное производство, попытался ввести машины для прядения шелка и джины для очистки хлопка, но... его мыловаренное производство пришло к преждевременному концу раньше, чем пришла к нему серебряная медаль, полученная с Московской выставки. Ходжа много читает, его интересы всесторонни, а его осведомленность в науках достаточна, чтобы стать ему членом различных ученых обществ Москвы».

ным: «Прощайтесь с вашими женами и детьми, так как русские пришли!» Сама жизнь опровергла его, а сам он, оставшись жить в Ташкенте, в этом убедился.

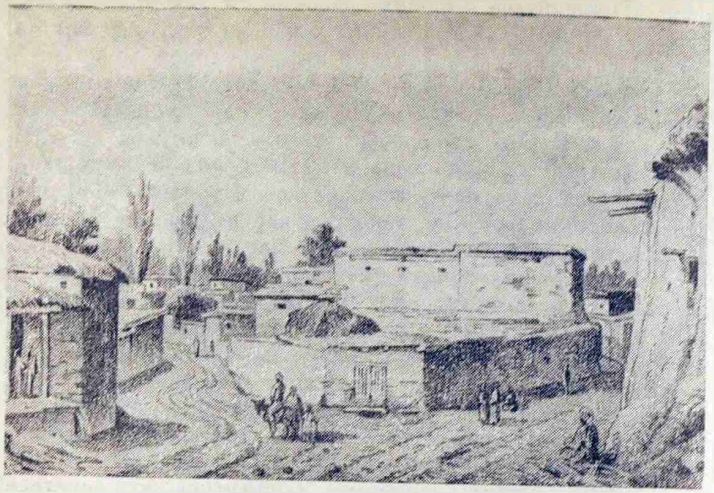
Интересно письмо Черняева бию рода Джайпас Турабаю. «Я обещал,— писал Черняев,— за убийство под Ташкентом Вашего сына взыскать с ташкентских жителей «кун» (штраф за кровь), но жители города не защищали, поэтому вместо «куна» посылают детям убитого 1000 рублей серебром». Конечно, такой случай в практике Черняева был единичен. В частности, семьи убитых под Ташкентом 25 русских солдат ничего не получили. Однако он показателен для поведения отряда, поведения непривычного в Средней Азии, население которой всегда подвергалось массовому грабежу и насилиям со стороны солдат победившей армии. После вступления в город отряда Черняева подобных случаев, за редким исключением, не происходило, и «договор» Черняева с горожанами исполнялся обеими сторонами.

Понятно поэтому нежелание ташкентцев возвратиться вновь ко временам ханской власти, что было высказано представителями города, приехавшему в Ташкент в августе 1865 г. начальнику Оренбургского края генералу Крыжановскому.

Крыжановский объявил городским представителям о намерении царского правительства организовать независимое Ташкентское ханство под протекторатом России. Явное неудовольствие присутствующих этим проектом заставило генерала отказаться от намерения осуществить такое «самоопределение» Ташкента. Крыжановский возвратился, не изменив сложившихся в Ташкенте норм управления. В 1866 г. город был официально включен в состав владений России.

В свете всех данных, которые изложены выше, следует признать, что ташкентское население в 1865 г. уже достаточно ясно понимало не только собственные интересы, но четко представляло себе и пути обеспечения нормальных условий для своей деятельности.

После долгих поисков, на практике убедившись в невозможности расширить свою деятельность в рамках феодальных ханств, оно сделало свой выбор и посчитало целесообразным согласиться с нормами управления, при которых собственность и личность посадских людей будут гарантированы и охраняться государственной властью в



Улица в районе Урды. Рис. 1866 г.

лице наместника России, российского войска и российского гражданского законоположения.

В Ташкенте сложилось своеобразное разделение управления между верхами местного населения и российской военной администрацией. Оно было распространено в дальнейшем на весь русский Туркестан и получило в России официальное наименование «Военно-народного» управления.

Идиллическое разделение власти между военной администрацией и верхами местного общества в конкретно-исторических условиях развития пореформенной России скоро закончилось. С развитием капитализма и усилением реакции в России Туркестан быстрыми темпами переходил на положение «как бы колонии» (по определению В. И. Ленина) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со времени же проведения железнодорожных путей вся экономическая жизнь края получила специфический уклон, превращавший его в сырьевой придаток и рынок сбыта продукции российской промышленности.

Однако единство с Россией, становившейся в это время центром мирового революционного движения, влекло за собой полезное для трудящихся масс местного населения

вовлечение их в единый фронт революционной борьбы трудящихся масс России против эксплуататоров за классовое и национальное освобождение местных народов.

Вскоре после завоевания рядом с Ташкентом начал строиться новый город, в котором сосредоточивалось, главным образом, европейское население, однако охотно селились и местные жители, а также выходцы из эмирата.

Началом его строительства следует считать сооружение крепости и первой улицы-дороги, соединившей бывшую Кокандскую урду (куда переместился в августе 1865 г. отряд Черняева) с крепостью. Эта улица-дорога шла вдоль городской стены Ташкента и вскоре получила название Черняевской (совр. Абдуллы Тукаева до пересечения ее с улицей Братской). Около крепости появились казармы конвойной команды (улица Конвойная) и некоторых других воинских подразделений, около них раскинулся базарчик, на котором ташкентские жители торговали продуктами питания. Этот новый городок был заселен только военными и в нем, естественно, преобладало мужское население. Подъездными путями к нему со стороны России являлись торговые дороги на Оренбург и в Западную Сибирь, подходившие, главным образом, к Карасарайским воротам. Через них в город въезжали еще и в 1866 г.

Однако уже составлялся план постройки города и для гражданского населения. Его готовил военный инженер отряда Черняева Колесников.

Город планировалось разместить на обширном пустыре между арыками Анхор и Чаули в непосредственной близости к городским стенам Кокандской урды и улице Черняева. Северную границу его составляла урдинская стена. На левом берегу Анхора близ урды был выстроен дворец губернатора края «белый дом», близ которого оставлена обширная площадь военного плаца (на месте соврем. площади им. Ленина) и первыми по этому плану начали застраиваться Петербургская (соврем. Ленинградская), Романовская (соврем. Ленина), Самаркандская улицы. Был проложен и новый колесный Чимкентский тракт, оборудованный почтовыми станциями для поездок из Ташкента в Россию.

Чимкентский тракт близ города от Ниязбекской улицы (соврем. Уринского) подходил к центру нового Ташкента (к губернаторскому дому) вдоль восточной стены урдинской части города (соврем. ул. Энгельса), его продолже-

нием в городе была Московская улица[1]; Ташкентская извозничья почтовая станция находилась на Романовской улице (там, где ныне здание цирка).

В первые же годы существования нового города были разрушены стены бывшей Кокандской урды (кроме северной, следы которой сохранились до наших дней). На месте засыпанного рва вдоль южной стены урды появились сначала бульвар, потом Воронцовская улица (соврем. Братская, до пересечения с Шахрисябзской). На месте засыпанного рва и спланированной площади с восточной стороны урдинской стены застроились жилые кварталы Шахрисябзской улицы, ею была названа улица, шедшая вдоль стены внутри урдинской территории. Разрушенная стена Урды, обращенная к арыку Анхор, спланировала территорию (остатки подошвы стены видны в разрезе по современной улице Лахути близ улицы Абдуллы Тукаева). Таким образом территория бывшей Кокандской урды в целом вошла в состав «нового» города. Был пробит и второй въезд в «старый» Ташкент; Шейхантаурская улица была доведена до Урды и построен мост через арык Анхор. Была разрушена городская стена вдоль Черняевской улицы. На ее месте и по берегам Анхора раскинулся обширный парк при дворце губернатора, обнесенный забором, доступный для гуляния лишь военно-чиновной знати. Местом гуляний гражданского населения стали загородные сады Минг-Урюк и аллея тополей на месте будущей улицы 12 тополей. На окраине города появился «Воскресный базар».

Эта часть «нового» города Ташкента характеризовалась прямоугольной планировкой улиц. Территория района была застроена немногочисленными кирпичными одноэтажными зданиями военного ведомства и множеством небольших глинобитных особнячков, принадлежавших военнослужащим и частным лицам; дома из сырцового кирпича с деревянными полами и сравнительно большими остекленными окнами были редкостью в Ташкенте того времени.

В дореволюционный период «новый» Ташкент прошел

[1] С постройкой на главной площади Ташкента кафедрального собора улица стала называться Соборной, а с застройкой территории тракта близ городской стены новая улица получила название Московской (соврем. Энгельса).

три этапа градостроительства. Постепенно превращаясь из небольшого военно-опорного пункта в административно-хозяйственный центр среднеазиатских владений Российской империи, город расширялся, заселялся соответствующими категориями жителей и постепенно менял свой облик. Это наложило заметный отпечаток на его планировку и характер архитектуры городских зданий[1].

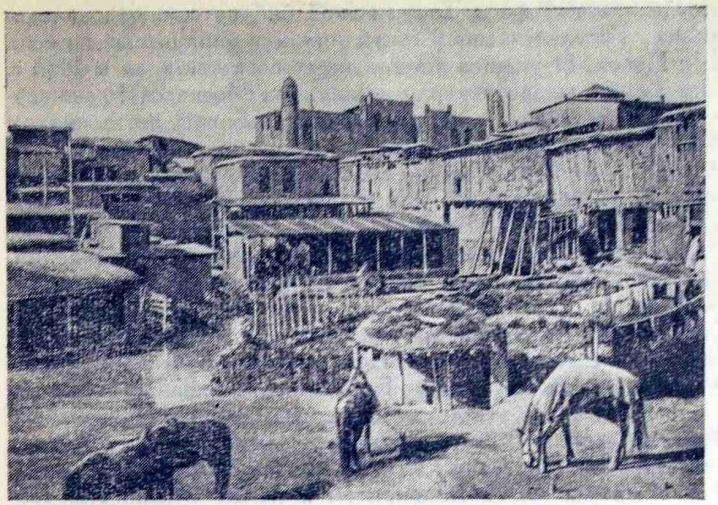
[1] Желающим ознакомиться с этим периодом истории города подробнее, рекомендуются книги: *М. Г. Вахабов* — «Ташкент трех революций», УзГИЗ. Ташкент, 1957, *И. Аваддев* «Ташкент» УзГИЗ, Ташкент, 1959, *Ю. Алескеров* «Интервенция и гражданская война в Средней Азии». УзГИЗ. Ташкент. 1959.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

С 1867 г. Ташкент стал административным центром Туркестанского края. В северо-восточной, более новой части города, улицы расходились веером от Константиновского сквера (ныне сквер Революции), доходившими до арыка Салар, и пересекались концентрическими улицами. Центром сосредоточения торгово-хозяйственной жизни города стали Воскресенский базар (соврем. Театральная площадь) и Соборная улица (соврем. ул. Карла Маркса), которой заканчивался Чимкентский тракт — гужевая дорога из Ташкента в Россию. Заселенная чиновными, военными и купеческо-промышленными слоями населения эта часть города, ограниченная Куйлюкской (соврем. ул. Куйбышева) и Московской (соврем. ул Энгельса) улицами, застроилась одноэтажными особняками. Улицы были широкие с четырех-и восьмирядными посадками деревьев вдоль арыков. На далеких окраинах городской территории появились дачи сановников и богатеев (Давыдовская, Тезикова, Ползунова и др.). Периферию города заняли казармы и угодья воинских частей.

С проведением железной дороги город начал расти в сторону железнодорожной станции, вдоль вновь пробитых улиц Духовской (соврем. Пролетарская) и Константиновской (соврем. Шевченко). Стала заселяться также окраинная территория по арыкам Карасу, Чаули и Бозсу. Рабочие, мелкие служащие и городская беднота ютились по окраинам и закоулкам города.

Ташкент быстро выдвигается как главный центр торговых связей России с ханствами Средней Азии, Кашгаром



Строения по арыку Чорсу в XIX в. Вдали медресе Кукельдаш.

и Кульджой. В 1873 г. город связался линией семафорного телеграфа с Омском, а к 1879 г. с Ходжентом (Ленинабад), Самаркандом, Катта-Курганом, Кокандом, Маргеланом, Чимкентом, Туркестаном, Семипалатинском.

Был открыт почтовый тракт Орск — Ташкент (1874 г.).

В городе возникала капиталистическая промышленность. К 1871 г. было пущено 9 предприятий с 628 рабочими. Четвертую часть из них составляли узбеки. Это было началом зарождения местного промышленного пролетариата в Узбекистане.

Уже в 70-х годах благодаря усилиям лучших представителей русского народа стал закладываться фундамент Ташкента, как одного из центров передовой культуры. В городе основывается двухклассное начальное училище, открывается первый в крае книжный магазин с читальней, организуются сельскохозяйственные и промышленные выставки. На смену мактабам в «старом» Ташкенте начали открываться начальные «русско-туземные школы», учителями в которых стали деятельные педагоги-востоковеды; в этих школах давалось начальное светское образование. Возникает Среднеазиатское политехническое общество. С помощью научных центров России собирается первоначаль-

ный книжный фонд Ташкентской библиотеки, родоначальника Государственной публичной библиотеки имени А. Навои. Изучению естественных богатств края в 1868 г. положила начало научная экспедиция Московского университета во главе с видным русским путешественником А. П. Федченко.

При активной помощи виднейших русских ученых Н. А. Северцова, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова, Л. С. Берга, Н. А. Берга, Н. А. Зарудного, В. В. Бартольда и др. в Ташкенте были основаны научные организации, которые занялись изучением естественных богатств и истории края.

В 1878 г. развернула деятельность опытная плантация американского хлопчатника, основанная Лахтиным, начавшая снабжать население Ташкентского района семенным материалом, как это делал пионер внедрения американского хлопчатника в Туркестанском крае — Н. И. Раевский, внук прославленного героя Отечественной войны 1812 г.

Учеными А. И. Вилькинсом и В. Ф. Ошаниным, воспитанниками Московского университета, была организована Туркестанская школа шелководства, пропагандировавшая передовые методы выкормки тутового шелкопряда.

Была открыта первая в крае химическая лаборатория, организатором и руководителем которой являлся М. Б. Тейх, один из активнейших деятелей культуры в Ташкенте того времени.

Развернули деятельность Туркестанское общество сельского хозяйства, общество садоводства, Туркестанский отдел общества содействия русской промышленности и торговле, Среднеазиатское научно-техническое общество, Туркестанский кружок любителей археологии и др.

В 1873 г. в Ташкенте начала работать астрономическая обсерватория.

В 90-х годах были основаны первые медицинские учреждения: городская амбулатория, глазная лечебница, городская больница, биологическая станция. Открылись курсы медицинских сестер. Появились средние учебные заведения: гимназии, реальное училище, была создана сельскохозяйственная библиотека. Проводила пропаганду естественно-научных знаний среди коренного населения Комиссия народных чтений, созданная при Ташкентской гимназии.

При деятельной настойчивости русских врачей-женщин была организована санитарно-просветительная работа среди женщин «старого» Ташкента, открыты курсы сестер-акушерок, сооружены родильный дом и амбулатория. Появились медицинские учреждения и общего назначения. К концу XIX столетия Ташкент стал важнейшим культурным и научным центром дореволюционного Туркестана.

Развивалась и хозяйственная жизнь города: туркестанские власти и созданная в 1877 г. Ташкентская Городская Дума стремились превратить город в основной пункт международной торговли стран Среднего Востока с Россией. В стороне от города на обширной площади между арыком Салар и садами Минг-Урюк была открыта постоянно действующая среднеазиатская торговая ярмарка. Ярмарка не смогла заместить традиционно сложившиеся пути международной торговли и вскоре была закрыта, а торговым центром Ташкента остался городской базар (территория соврем. Октябрьского рынка).

В 80-х годах «новый» город продолжает интенсивно застраиваться. В центральной части (ныне улицы Ленина, Кирова и Карла Маркса) были сосредоточены магазины, лучшие жилые дома, гостиницы и административные учреждения и также расположен Воскресенский базар — торговый центр «нового» города.

Вместе с тем город и внешне украшался. Были разбиты Константиновский сквер (ныне сквер Революции) и Александровский парк (близ современ. музея искусств). Тогда же был создан зеленый наряд города, в основном сохранившийся до наших дней.

Особенно быстро стал развиваться Ташкент после постройки Закаспийской железной дороги, соединившей город с Красноводском. В. И. Ленин так оценивал значение постройки Закаспийской дороги: «Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...»[1]

Закаспийская железная дорога, строившаяся с 1875 по 1898 г. разбудила производительные силы богатейшего края, позволила установить тесные экономические связи с более передовой капиталистической Россией. Окончание строительства в 1906 г. Оренбургской железной дороги

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 74.

еще более облегчило процесс капиталистического развития Средней Азии.

В начале XX столетия интенсивно застраивается привокзальный район города и район улиц Пушкина, Бородинской и Ассакинской. Быстро росло и население Ташкента. По переписи 1897 г. в «новом» и «старом» городе было около 156 тысяч, а в 1910 г.— около 201 тысячи жителей.

Перед Великой Октябрьской революцией площадь заселенной территории обеих частей города составляла около 60 квадратных километров.

Ташкент в начале XX в. вырос в один из крупных городов России, пройдя своеобразный путь развития от военно-административного поселения до крупнейшего торгово-промышленного и военно-политического центра на окраине России в Туркестане.

В начале XX в. в городе работало уже до 80 мелких промышленных предприятий.

Архитектурный облик Ташкента скрашивался обилием зелени и воды. Особенно украшали город общественные сады с тенистыми насаждениями из карагача, чинары, тополя, айланта, а также улицы, похожие на парковые аллеи.

К началу империалистической войны 1914—1918 годов Ташкент располагал 7 средними учебными заведениями, 11 начальными школами и учительской семинарией. Но высшая школа, несмотря на хлопоты прогрессивных слоев города, до революции в Ташкенте так и не была создана. Царские власти игнорировали культурные запросы местного населения.

Издавалось несколько газет; приступило к издательской деятельности и Туркестанское сельскохозяйственное общество. Культурные запросы населения удовлетворялись также 2 библиотеками, 2 кинотеатрами, драматическим театром.

Городское благоустройство и в этот период оставалось крайне неудовлетворительным. Водопровод и канализация отсутствовали. Электрическое освещение имелось лишь в небольшом количестве домов в центре города. Улицы вечерами погружались во мрак. Лишь на нескольких главных улицах «нового» города горели керосино-калильные фонари. Замощено было менее четверти улиц.

Наиболее крупными достижениями в области городского благоустройства в дореволюционный период являлись

проведение в 1892 г. первой линии городской конной железной дороги и постройка с 1904 г. вместо нее ташкентского трамвая, связавшего железнодорожный вокзал с центром бывшего «старого» города, Пушкинской и Московской улицами.

До Великой Октябрьской революции сохранялось деление города на две резко противоположные части: «старый» и «новый» город. И если в развитии «нового» города за предреволюционный период можно проследить значительные изменения, то «старый» город долгие годы сохранял облик азиатского города феодального периода. Сеть кривых, узких улиц и тупиков, лишенных даже элементарного благоустройства, недостаток уличных древесных насаждений, скученность населения в примитивных глинобитных мазанках с плоскими земляными крышами,— таков был «старый» город.

Обширный базар занимал ряд улиц с частично крытыми торговыми рядами, на нем было множество чайхан, харчевен, различных мастерских и караван-сараев.

Перед Великой Октябрьской революцией в старой части города насчитывались 21 тысяча жилых домов, 250 мечетей, 12 медресе, 8 бань, около 5 тысяч лавок и лавчонок и одна больница. При всем этом и в развитии «старого» города можно проследить заметные изменения, превратившие его к началу XX в. в крупнейший среднеазиатский город, в котором феодальные пережитки причудливо переплетались с новым укладом.

Город рос и расширялся. Оказавшиеся внутри города стены прежних укреплений были постепенно срыты (в 1890—1900 годах) и только незначительные следы их дошли до наших дней (у Лабзака, Чагатая в районе Кукчи). Отражая все увеличивающуюся плотность населения в центральной части «старого» города, возникло множество новых тупиков и тупичков. Обозначились резкие различия между деловым центром, быстро выраставшим вокруг базара и по главным магистралям (улицы Шейхантаурская, Бешагачская и др.) и остальной периферией города, во многом сохранявшей прежний облик.

Появлялись вторые этажи (балаханы)— жилые помещения с «русскими» окнами, выходящими на улицу,— которые использовались в качестве парадной гостиной (мехманхане), или сдавались в наем постояльцам. Иногда около окон сооружался даже балкон вдоль всего фасада; балконы,

как правило, нависали над улицей,— они держались на специально сделанных деревянных кронштейнах.

В городе начинали сооружать и небольшие квартиры для сдачи их в наем постояльцам. Обычно это были маленькие особнячки на изолированном от хозяйского двора — маленьком дворике; на нем росли одно-два дерева для тени или имелся куст виноградника, небольшой цветничок и обязательно маленький арычек.

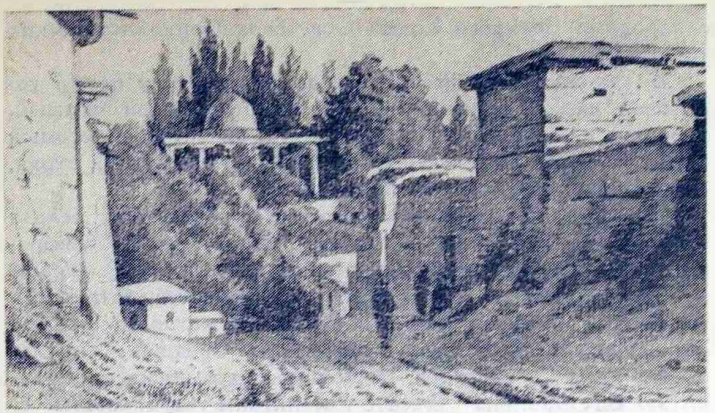
И как во время зарождения «нового» Ташкента, на его территорию старались переселиться из «старого» города богатые ташкентцы и строили в нем обширные «русские» дома, обязательно с садом, так в конце XIX—начале XX вв. на территории «старого» города, в махаллях, начинало появляться европейское население, представители трудового люда, низкооплачиваемые служащие, рабочие, ремесленники, небогатые люди, искавшие себе более дешевые, чем в «новом» городе, квартиры для жилья.

Разросся и старогородской базар. На нем появились конторы торговых фирм (Цинделя, Саввы Морозова и т. д.) и банков, подчинивших себе экономику края, крупные торговые заведения местных капиталистов и промышленников; к базару протянулись линии городской железной дороги, непосредственно связавшие его с вокзалом.

Изменялась и социальная структура населения города. В его среде начал формироваться рабочий класс. Классовое самосознание пролетариата из местного коренного населения развивалось под воздействием русских рабочих, прошедших до того уже большую школу революционной борьбы; все больше крепло единство интересов трудящихся.

Население старого города получило возможность приобщиться к передовой культуре русского народа, к достижениям русской науки. Важными вехами на этом пути были открытие русско-туземных школ и курсов для изучения русского языка взрослыми, издание научно-популярных брошюр и устройство цикла общедоступных лекций на узбекском языке, освещавших достижения русской и европейской науки. Имела некоторое значение и экскурсия группы молодежи в Россию. Плодотворной была научно-просветительная деятельность общества шелководства, сельскохозяйственного и других обществ, опытных полей и станций.

Хорошим начинанием была практическая деятельность русских врачей в основанных ими женской и детской больницах «старого» города.



Баланд-мечеть (Высокая мечеть) в 1866 г. Рис. худ. Гене. Рисунок сделан со стороны совр. ул. Горького. Находилась в местности, прилегающей к совр. зданию Министерства культуры.

Передовые представители культуры узбекского народа — Фуркат, Мукими, Хамза Хаким-заде — видели в русском народе своего учителя и друга, а в русской культуре — источник великих духовных ценностей и своей прогрессивной, глубоко демократической деятельностью утверждали гуманистические идеи братства народов.

Приобщение трудящихся из среды местного населения к освободительной борьбе русского рабочего класса открыло новую страницу в жизни узбекского народа и выдвинуло Ташкент как руководящий центр революционного движения в Средней Азии.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эру в истории человечества — эру коммунизма. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане раскрепостила народы Средней Азии, освободила их силы от классового и национального угнетения, вывела их на широкую дорогу всестороннего экономического, общественного и культурного развития в братской дружественной семье народов Советского Союза, подняла творческую инициативу народных масс, разбудила дремавшие до того творческие силы народа, поставила их на службу прогресса. Она связала народы Средней Азии прочными узами дружбы и братской взаимной помощи со всеми народами социалистических стран и в первую очередь

с народами Великого Союза Советских Социалистических Республик.

В единой братской семье социалистических наций узбекский народ, руководимый Коммунистической партией, уверенно идет по пути к коммунизму и вносит свой весомый вклад в общее дело всех народов социалистических стран, всего прогрессивного человечества.

Оглядываясь на далекое прошлое Узбекистана, нельзя не признать, что одним из условий, определивших возможности узбекского народа вступить на путь активной борьбы за социалистическое переустройство общества, было присоединение Средней Азии к России, к которому первый робкий еще шажок сделали первыми в Средней Азии далекие предки ташкентцев, настойчиво стремившиеся к развитию всесторонних связей с Российским государством.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Краткий очерк развития связей Средней Азии с Россией . 5
II. Ташкент до образования Ташкентского государства . . . 20
III. Ташкентское государство (1784—1808 гг.) 32
IV. Ташкент в составе Кокандского ханства 101
V. Завоевание Ташкента 151
VI. Первые мероприятия новой власти. Поддержка их местным населением 167
Вместо заключения 180

Юрий Александрович Соколов

ТАШКЕНТ, ТАШКЕНТЦЫ И РОССИЯ

Редактор Н. С. Гимпельфарб
Художник П. Воронкин
Худ. редактор М. Гумаров
Техн. редактор А. Салахутдинова
Корректор Э. Адайкина и С. Сайфуллаева

Сдано в набор 7/V 1965. Подписано в печать 23/VII 1965. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 10000. Р03016. Издательство «Узбекистан». Ташкент, ул. Навои, 30. Договор № 566—64.

* * *

Отпечатано с матриц, изготовленных Специальной фабрикой Госкомитета Совета Министров УзССР по печати, в типографии № 1 Ташкент. ул. Хамзы, 21. Заказ № 640 Цена 44 к.

С 59

Соколов Ю. А.
Ташкент, ташкентцы и Россия. (Отв. ред. М. Г. Вахабов). Т., «Узбекистан», 1965.
190 стр. Тираж 10 000

9(С)13

№ 562—65
Гос. Б-ка УзССР им. А. Навои.

Схема сражения под Ташкентом в мае 1865 года

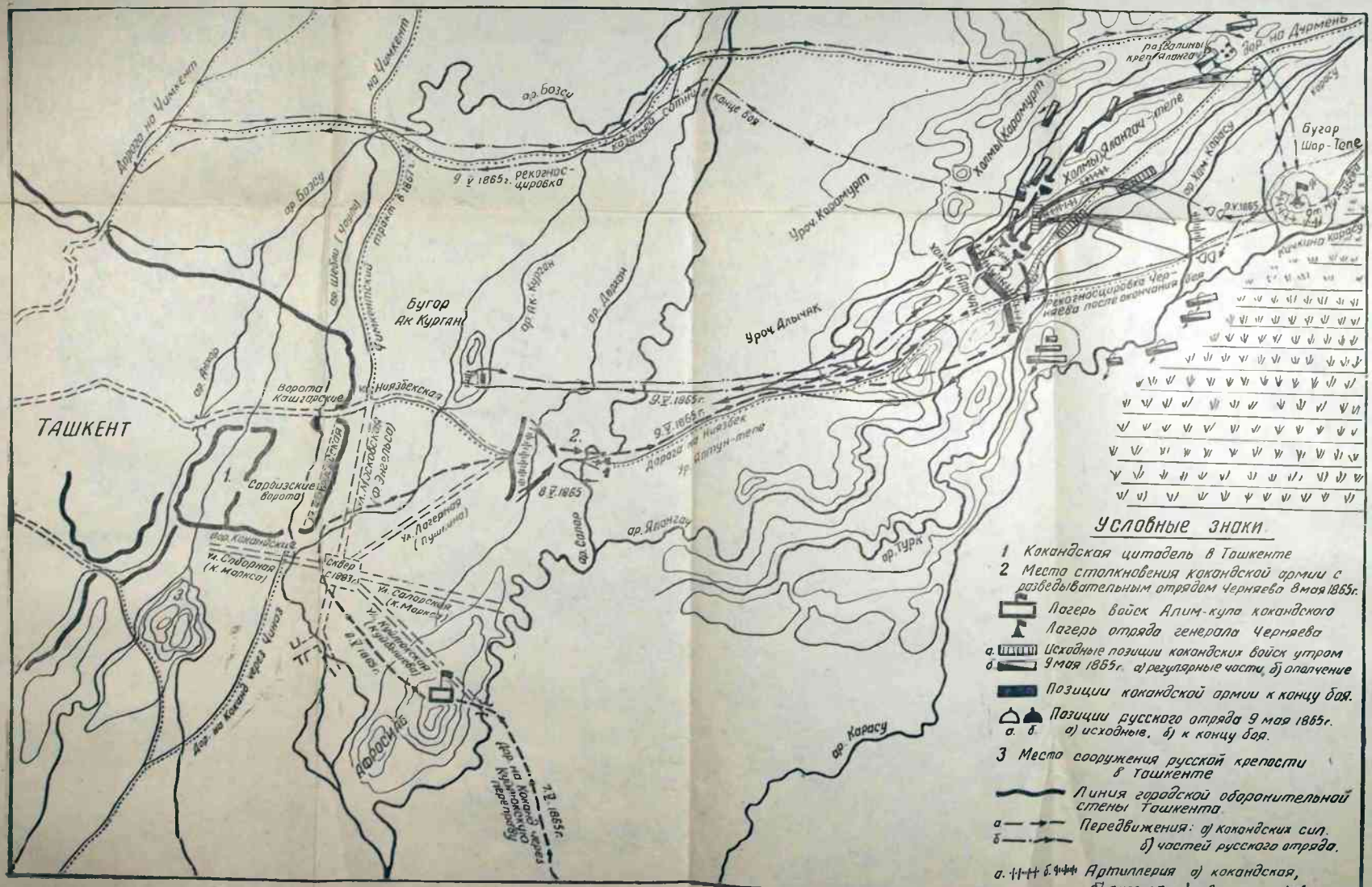
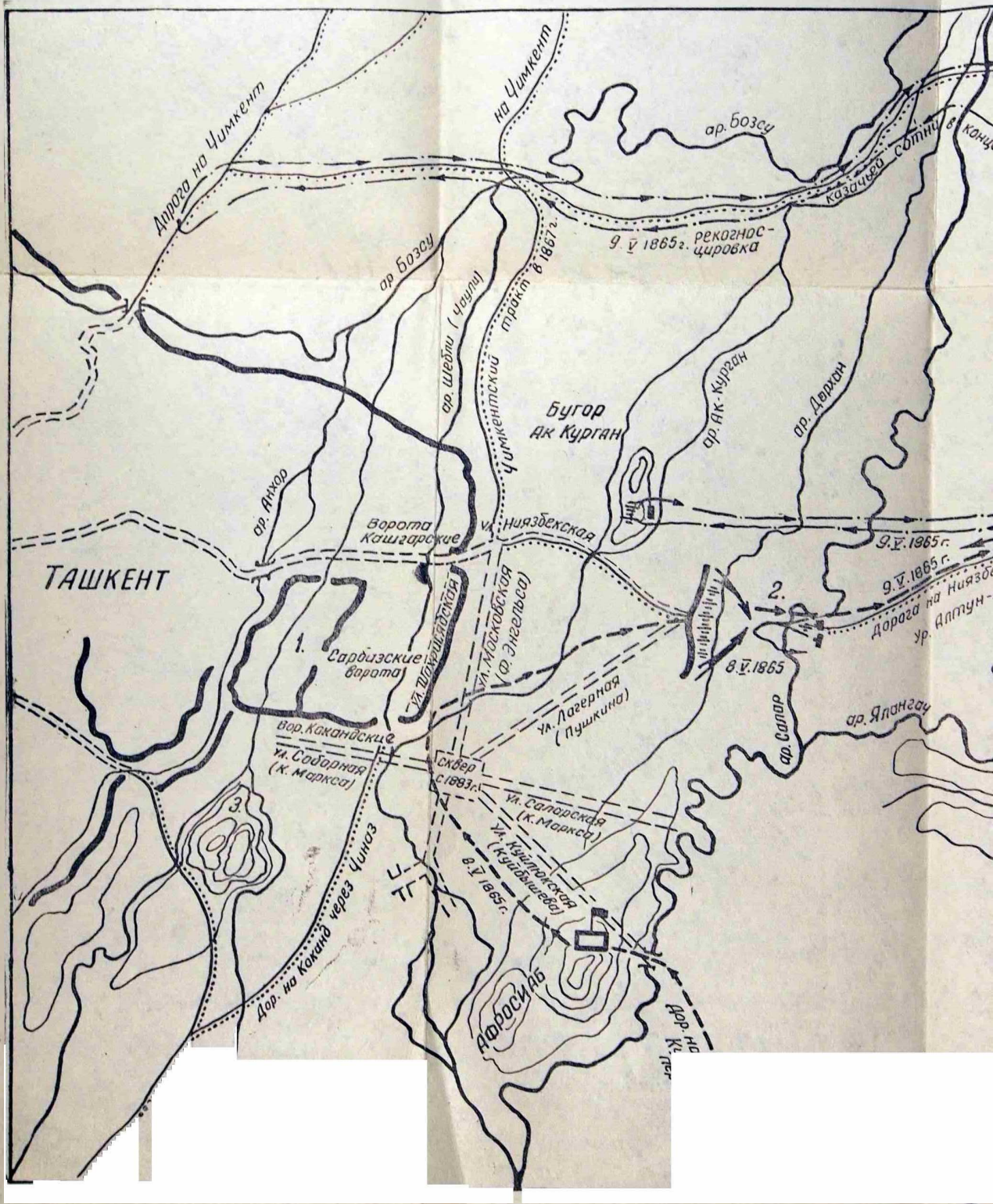
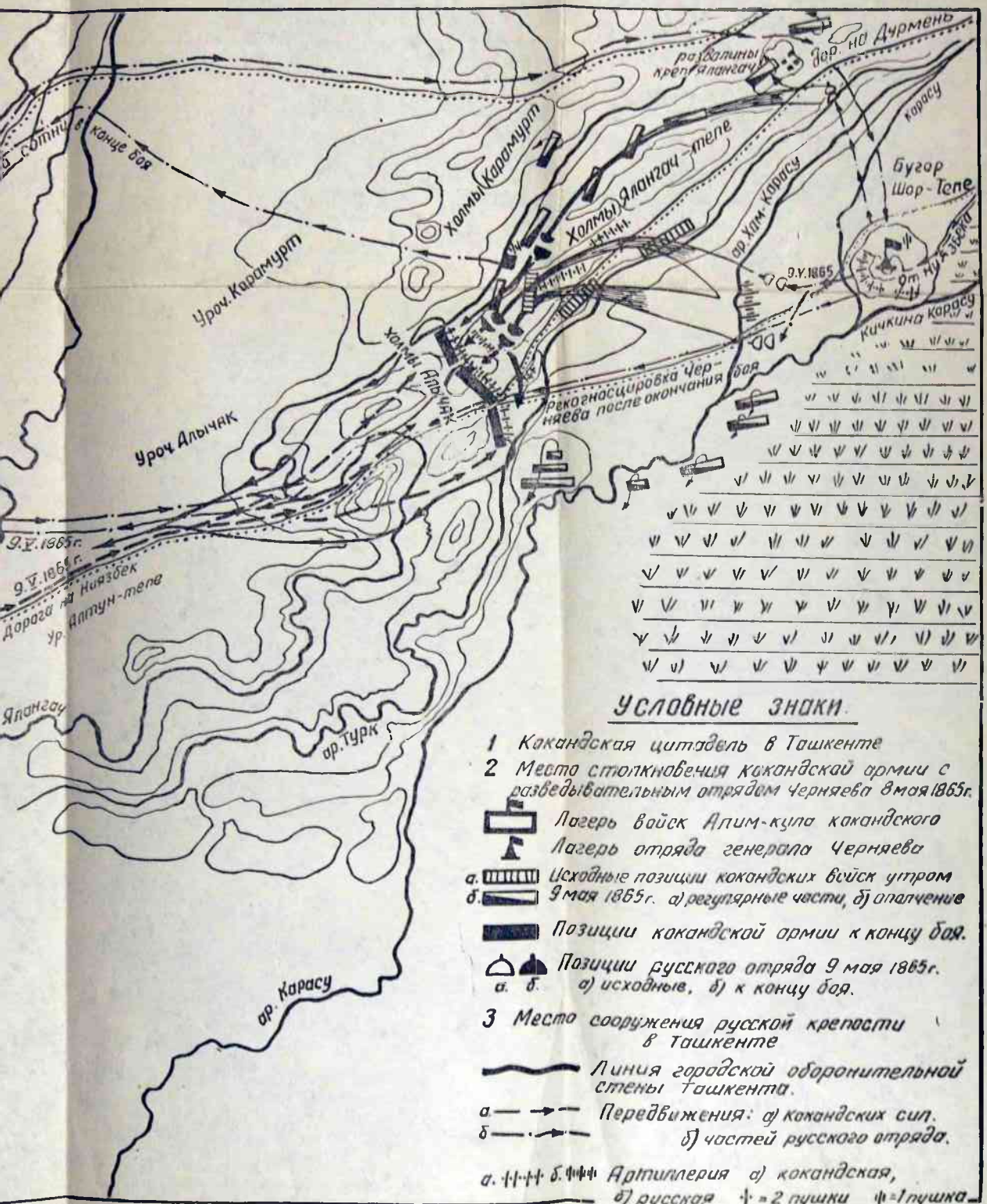
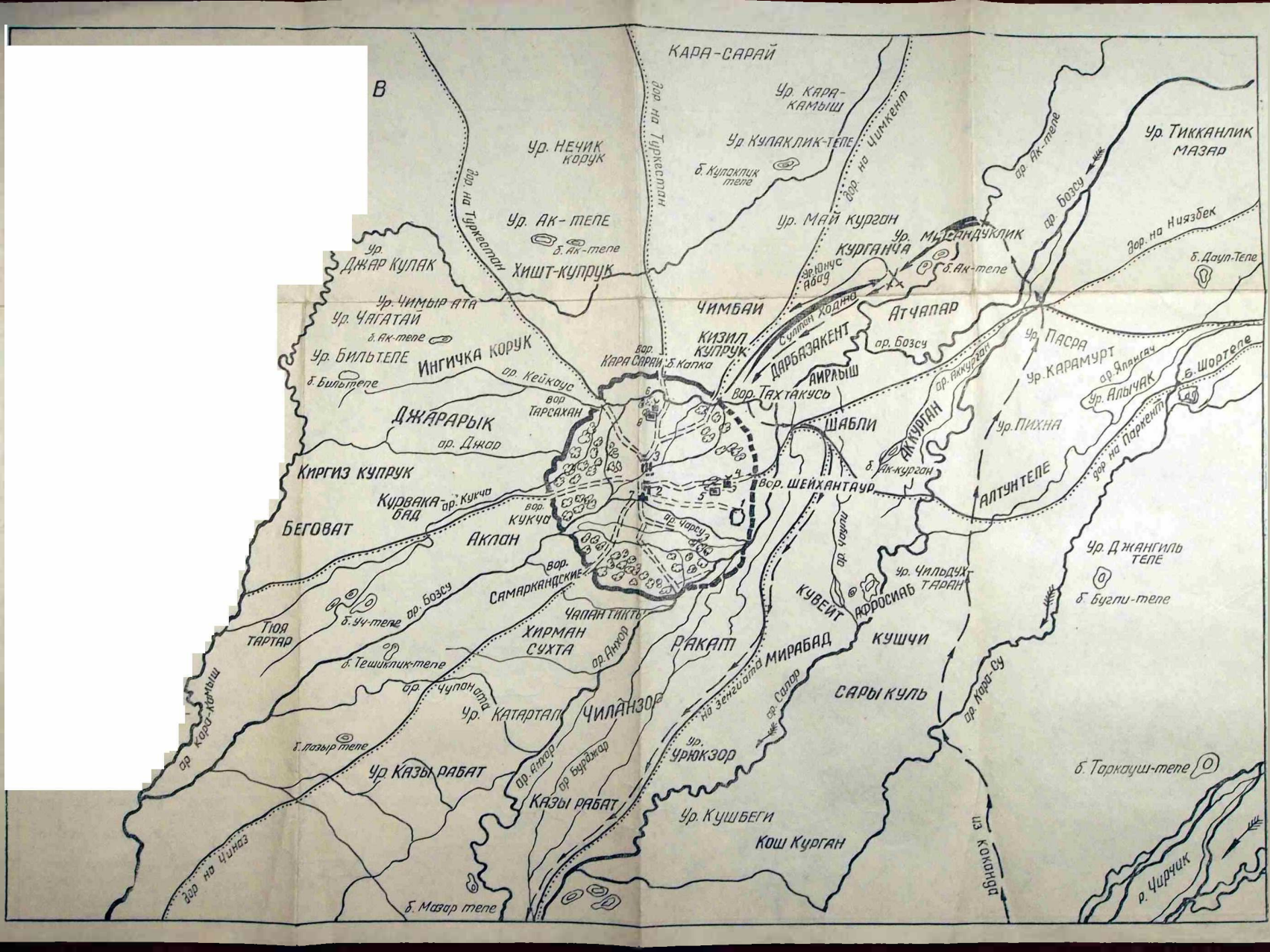

Ташкент
Бугор Ак Курган
Ворота Кашгарские
Сарыузские ворота
Ниязбекская
Урочище Алычак
Урочище Каскамурт
Холмы Каскамурт
Холмы Ялангач-тепе
Бугор Шар-Тепе
Разбитые орудия
Разбитый зарядный ящик
Рекогносцировка Черняева после окончания боя
Дорога на Ниязбек
Дорога на Ахмедь
Дорога на Чимкент
Дорога на Кокан через Чимкент
Дорога на Кокан через Чиназ
Дорога на Ходжент
Дорога на Ходжент через Чиназ
Дорога на Ходжент через Чиназ и Ходжент
Дорога на Ходжент через Чиназ и Ходжент
Дорога на Ходжент через Чиназ и Ходжент

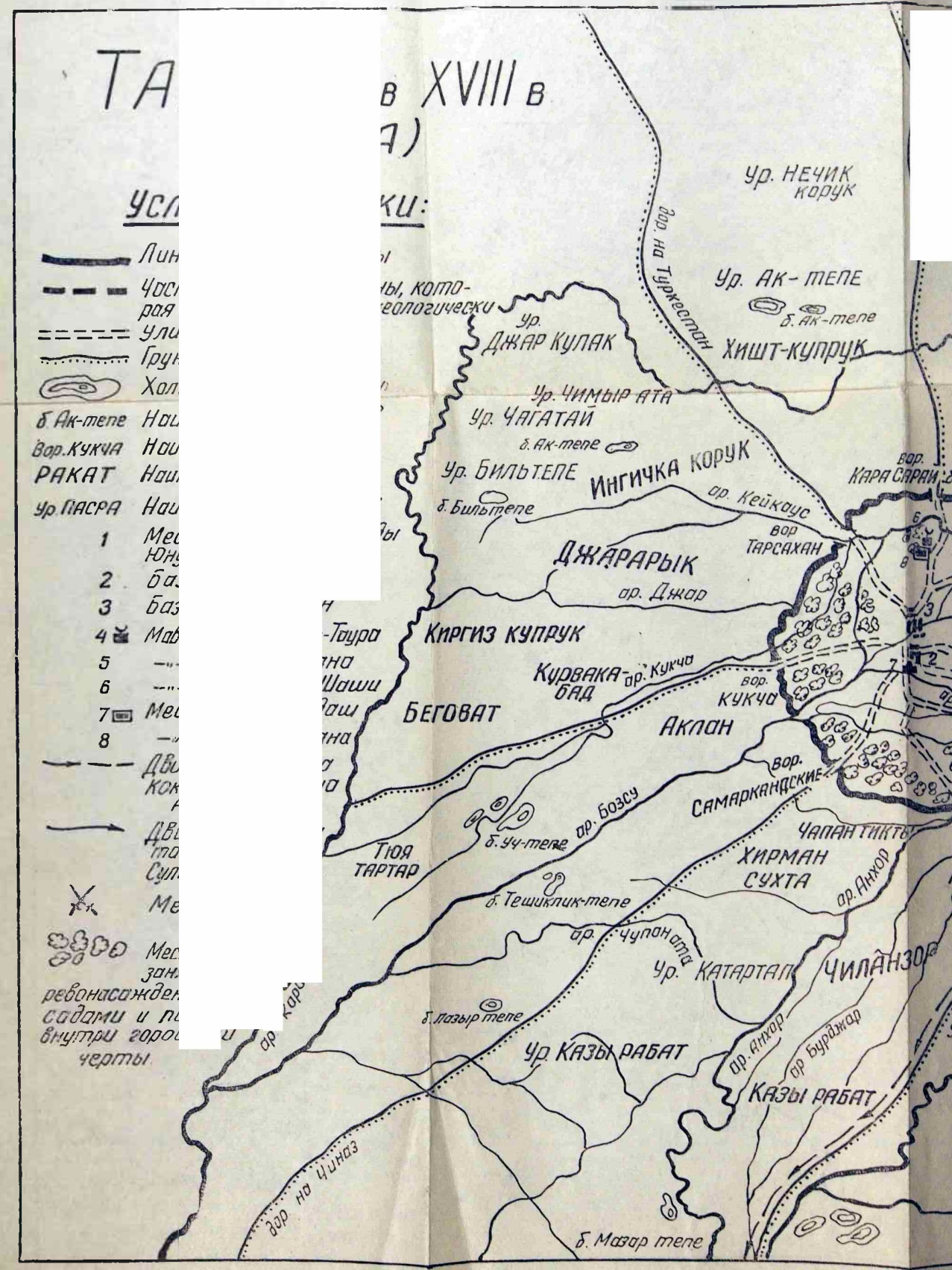
Схема сражения под Ташкентом

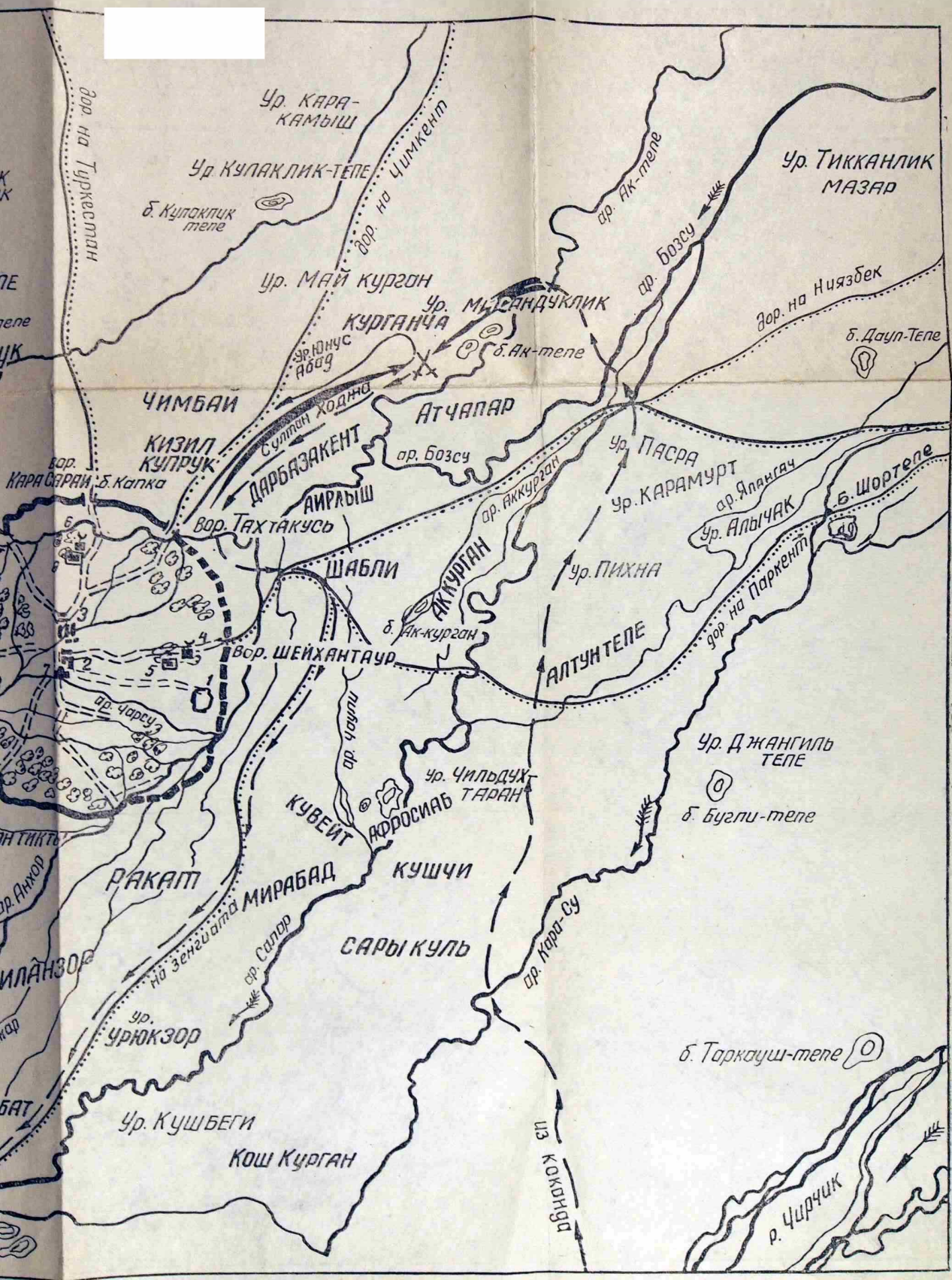


ТОМ В МАЕ 1865 ГОДА




В
КАРА-САРАЙ
Ур. КАРА-КАМЫШ
Ур. КУЛАКЛИК-ТЕПЕ
б. Кулаклик тепе
Дор. на Чимкент
Ур. НЕЧИК КОРУК
Дор. на Туркестан
Ур. АК-ТЕПЕ
б. Ак-тепе
Ур. ДЖАР КУЛАК
ХИШТ-КУПРУК
Ур. ЧИМЫР АТА
Ур. ЧАГАТАЙ
б. Ак-тепе
Ур. БИЛЬТЕПЕ
б. Бильтепе
ИНГИЧКА КОРУК
ар. Кейкоус
вор. Тарсахан
ДЖАРАРЫК
ар. Джар
КИРГИЗ КУПРУК
Курвака-бад
ар. Кукча
вор. Кукча
БЕГОВАТ
АКЛАН
вор. Самаркандские
ар. Бозсу
б. Уч-тепе
ТЮЯ ТАРТАР
б. Тешиклик-тепе
ар. Чулонота
ар. Кара-Камыш
Ур. КАТАРТАЛ
ЧИЛАНЗОР
б. Газыр тепе
Ур. КАЗЫ РАБАТ
ар. Анкор
ар. Бурджар
КАЗЫ РАБАТ
дор. на Чиназ
б. Мазар тепе
ЧИМБАИ
КИЗИЛ КУПРУК
вор. Кара Сарай
б. Капка
ДАРБАЗАКЕНТ
вор. Тахтакусь
ДАЙРЫШ
ШАБЛИ
вор. Шейхантаур
ар. Чарсу
ар. Анкор
ар. Бозсу
Ур. МАЙ КУРГАН
Ур. МАЗАНДУКЛИК
КУРГАНЧА
Ур. Юнус Ата
Султан Ходжа
б. Ак-тепе
АТЧАПАР
ар. Бозсу
Ур. ПАСРА
Ур. КАРАМУРТ
ар. Ялангач
ар. Аккурган
б. Шортепе
Ур. АЛЫЧАК
Ур. ПИХНА
АККУРГАН
б. Ак-курган
АЛТУНТЕПЕ
дор. на Паркент
ар. Ак-тепе
Ур. Тикканлик мазар
ар. Бозсу
дор. на Ниязбек
б. Дауп-Тепе
Ур. ДЖАНГИЛЬ ТЕПЕ
б. Бугли-тепе
Ур. Чильдухтаран
АФРОСИАБ
КУВЕЙТ
КУШЧИ
МИРАБАД
САРЫ КУЛЬ
ар. Кара-Су
ар. Салар
на Зенгиата
Ур. УРЮКЗОР
РАКАТ
ХИРМАН СУХТА
ЧАПАН ГИКТЕ
б. Таркауш-тепе
Ур. КУШБЕГИ
Кош Курган
из Коканда
р. Чирчик


Ур. НЕЧИК КОРУК
дор. на Туркестан
Ур. АК-ТЕПЕ
б. АК-тепе
Ур. ДЖАР КУЛАК
ХИШТ-КУПРУК
Ур. ЧИМЫР АТА
Ур. ЧАГАТАЙ
б. АК-тепе
Ур. БИЛЬТЕПЕ
ИНГИЧКА КОРУК
Вор. КАРА САРАЙ
б. Бильтепе
ар. Кейкаус
ДЖАРАРЫК
вор. ТАРСАХАН
ар. Джар
КИРГИЗ КУПРУК
КУРВАКА-БАД
ар. Кукча
вор. КУКЧА
БЕГОВАТ
АКЛАН
вор. САМАРКАНДСКИЕ
ар. Бозсу
б. Уч-тепе
ЧАПАН ТИКТЫ
ТЮЯ ТАРТАР
ХИРМАН СУХТА
б. Тешиклик-тепе
ар. Анхор
ар. Чупаната
Ур. КАТАРТАЛ
ЧИЛАНЗОР
б. Лазыр тепе
Ур. КАЗЫ РАБАТ
ар. Анхор
ар. Бурджар
КАЗЫ РАБАТ
дор. на Ценаз
б. Мазар тепе


дор. на Туркестан
Ур. Кара-камыш
Ур. Кулаклик-тепе
б. Кулаклик тепе
дор. на Чимкент
Ур. Тикканлик мазар
ар. Ак-тепе
ар. Бозсу
Ур. Май курган
Ур. Мирсандуклик
Курганча
дор. на Ниязбек
б. Даул-Тепе
Ур. Юнус Абад
б. Ак-тепе
Чимбай
Султан Ходжа
Атчапар
Кизил Купрук
Дарбазакент
ар. Бозсу
Ур. Пасра
Ур. Карамурт
ар. Ялангач
б. Шортепе
вор. Кара Сарай
б. Капка
Аирлыш
вор. Тахтакусь
ар. Аккурган
Ур. Алычак
Шабли
Ур. Пихна
б. Ак-курган
Аккурган
дор. на Паркент
вор. Шейхантаур
Алтунтепе
ар. Чарсу
ар. Чаули
Ур. Джангиль тепе
Ур. Чильдух-тараи
б. Бугли-тепе
Кувейт
Афросиаб
Ракат
Мирабад
Кушчи
ар. Анжор
на Зенгиата
ар. Сапор
Сарыкуль
ар. Кара-су
ур. Урюкзор
б. Таркауш-тепе
Ур. Кушбеги
Кош Курган
из Коканда
р. Чирчик